Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 7 15 АПРЕЛЯ № 7

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Передовая.—К XVI всесоюзной партийной конференции . . 3

Мудрик, М.—К вопросу о природе современных рыночных затруднений. 9

Дукор, Г.—Себестоимость, производительность труда и трудовая дисциплина 24

Б. и К.—Итоги плана Дауэса . . 39

Беннет.—К итогам X с'езда английской компартии 56

Маркус, Б.—Необуржуазные и мелкобуржуазные установки в вопросах труда. (Окончание) . . 68

Бумбер, Я.—Межселенные энерго-технические центры 81

Критика и библиография.

Астров, В.—А. Гайстер. „Достижения и трудности колхозного строительства". 91

1 9 2 9

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

„П Р А В Д А"

Главлит № А—26677. Тираж 70.000 экз.
Тип. газ. „Правда“, Москва, Тверская, 48.

К XVI всесоюзной партийной конференции.

Открывающаяся XVI всесоюзная конференция будет играть в истории нашей партии доподлинно громадное значение. Не многим более года прошло со времени XV с'езда — но этого времени оказалось достаточно, чтобы продемонстрировать всю правильность принятых тогда партией решений, чтобы подготовить на основе именно этих решений план величайшей реконструктивной работы ближайшего пятилетия. Нужно прямо сказать, что партия подходит к конференции окрепшей, выросшей, способной ясно видеть и намечать перспективу, не поддаваясь влиянию трудностей, не подчиняя преходящим задачам дня общие и длительные интересы строительства социализма. Нужно прямо сказать, что партия идет на конференцию с полной готовностью дать решительный отпор тем, которые проявили колебания в сторону от решений XV с'езда и пленумов ЦК, дать отпор прямым проявлениям правого уклона и примиренчеству по отношению к нему. Трудности переживаемого времени, четко по-ленински намечаемые перспективы могут и должны лишь обязывать каждого коммуниста к сознанию исключительной ответственности, которая на него ложится, к большевистской дисциплинированности, а отнюдь не к размагниченному неверию в дело дальнейшего успешного строительства. Тот факт, что на конференции стоит конкретно разработанный план пятилетки, свидетельствует о нашем значительном продвижении вперед. Этот план уже подвергся широкому обсуждению советской общественности. В процессе обсуждения выявились отдельные точки зрения по ряду основных вопросов пятилетки. Их учтет партийная конференция, когда будет выносить свое окончательное решение.

Пятилетка ставит чрезвычайно много весьма существенных по своему значению вопросов. Однако было бы ошибкой за грудой этих вопросов просмотреть основное. В решениях XV партийного с'езда «о директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства» мы имеем следующее чрезвычайно важное место: «При составлении пятилетнего плана народного хозяйства... необходимо стремиться к достижению наиболее благоприятного сочетания следующих элементов: расширенного потребления рабочих и крестьянских масс; расширенного воспроизводства (накопления) в государственной индустрии на основе расширенного воспроизводства в народном хозяйстве во-

обще; более быстрого, чем в капиталистических странах, темпа народнохозяйственного развития и непременного систематического повышения удельного веса социалистического хозяйственного сектора, что является решающим и главным моментом во всей хозяйственной политике пролетариата». Дальше в решениях с'езда говорится о том, какую печать на пятилетку должно наложить то своеобразное положение Советского Союза, которое он занимает, находясь в капиталистическом окружении; специально детально расшифровывается, что значит установление правильных взаимоотношений между производством и потреблением, что значит определенный темп развития, каково должно быть соотношение между развитием тяжелой и легкой индустрии; наконец, решение говорит о социально-классовой стороне пятилетки — «пролетариат, преодолев противосередняцкий уклон в среде своей партии, на основе достигнутого укрепления рабоче-крестьянского блока, вместе со всей бедняцкой и середняцкой массой имеет теперь возможность перейти к дальнейшему, более систематическому и настойчивому ограничению кулака и частника. Такова должна быть основная классовая установка пятилетнего плана народного хозяйства». «План должен исходить из основной классовой установки партии, а именно: из политики опоры на бедноту, прочного союза с середняком и наступления на кулака».

Все эти решения с'езда нашли себе широчайшую поддержку со стороны всей партии. Конкретное преломление этих директив за истекший год в решениях пленумов ЦК не вызывает сомнений, ЦК ни на йоту не отступил от линии с'езда. Колебания вправо проявили отдельные товарищи ровно тогда, когда нужно было проявить максимальную стойкость и выдержку, — трудности, связанные с хлебозаготовками и хлебоснабжением, привели их к постановке в той или иной форме кардинальных вопросов соотношения в развитии различных отраслей народного хозяйства, сельского хозяйства и промышленности, внутри промышленных отраслей производства и т. д., словно эти вопросы не решены партией, словно партия готова пересмотреть свои решения XV с'езда; словно отправные позиции рабочего класса — его союз с основной массой крестьянства, наступление на капиталистические элементы города и деревни — вызывают какие-либо сомнения.

Крайне низкий уровень сельского хозяйства, особенно зерновой его отрасли, техническая отсталость, распыленность, отсюда — малотоварность лежат в основе современных трудностей. Июльский пленум ЦК с исчерпывающей полнотой и ясностью в полном соответствии с решениями с'езда говорит о тех способах, которые обеспечивают партии их преодоление. Несомненно, что в пятилетке найдут себе отражение эти решения. Однако было бы величайшей ошибкой всю пятилетку подчинять только этой задаче, противопоставляя ее общим задачам индустриализации страны; было бы в корне неправильно пятилетку перекраивать таким образом, чтобы из нее получилась особая двухлетка, специально приспособленная для быстрейшей ликвидации имеющихся затруднений. Такого рода предложения с очевидностью вскрывают давление кулацкой идеологии на отдельные партийные кадры, вскрывают подоплеку и нутро правого уклона. XV с'езд говорит об установлении правильных взаимоотношений всех элементов хозяйства страны, которые бы шли по пути индустриализации страны определенным темпом, имея в виду, прежде всего, развитие тяжелой промышленности, предполагая соответствующее перераспределение накоплений в хозяйстве, укрепляя социалистический сектор, проводя систематическое наступление на капиталистические элементы. Всякое умалчивание о темпе индустриализации по существу является расхождением с линией партии. Правоуклонисты исходят из того отвергнутого всей партией положения, что сельское хозяйство у нас деградирует, что кривая развития сельского хозяйства есть кривая, идущая вниз. Только эта совершенно ложная оценка может привести к тому, что решения пытаются ставить на голову — вместо пятилетки, учитывающей общие задачи индустриализации страны, ставятся задачи «2-летки», учитывающей интересы отдельных отраслей хозяйства; вместо распространения оптимального варианта на те отрасли народного хозяйства (в первую очередь тяжелую индустрию), ведущая роль которых является политически решающей — распространять его только на все то, что относится к земле. Это и значит отступить от решений с'езда, пересмотреть их под углом сдачи позиций рабочего класса его классовым врагам; это значит фактически вместо систематического наступления на кулака держать курс на мирное сожительство с ним, на его органическое врастание в социализм. Резолюция XV с'езда говорит:

> «... Должна быть отвергнута общая установка на «временное» форсированное кредитование сел. хоз. и максимальное расширение хлебного экспорта за счет индустриальных вложений. Эта политика... противоречила бы политике индустриализации страны, задерживала бы рост нашей индустрии и хозяйственно разоружила бы нас перед лицом внешнего капиталистического мира».

XVI партконференция останется на позициях XV с'езда в этом основном и решающем судьбу пролетарской революции вопросе — она твердо скажет свое слово за определенный темп индустриализации Союза, с тем соотношением отдельных отраслей хозяйства, которое обеспечивает ведущую роль промышленности. Конференция отвергнет правоуклонистские предложения, как предложения, в своей основе противоречащие линии партии.

Те колоссальные средства, которые будут брошены в народное хозяйство Союза, действительно преобразуют во многом лицо и промышленности и сельского хозяйства. Собственно, могучая полоса реконструктивной работы только начинается. За ближайшее пятилетие

будет вложено вдвое больше средств против истекшего пятилетия (54 — 66 млрд. руб. и 25 млрд. руб.). Промышленность (13 — 15 млрд. р.), электростроительство (3 млрд. р.), транспорт (8 — 9 млрд. р.) получают 24 — 27 млрд. рублей, сел. хоз. — 22 — 24 млрд. р. Это — невиданные цифры, за которыми скрываются процессы, в корне преобразующие хозяйство страны, укрепляющие позиции рабочего класса.

Производство чугуна вырастет с 4 млн. до 10 млн. тонн, добыча угля с 36 млн. до 75 млн. тонн, электроэнергия с 5 млрд. до 22 млрд. клвч.; химических удобрений — с 5 тыс. тонн до 7 млн. тонн; производство с.-х. машин с 125 млн. руб. до 600 млн. руб. В сельском хозяйстве расширяется посевная площадь, повышается урожайность, значительно продвинется разрешение проблемы энергетики. Развитие производительных сил сельского хозяйства, его товарности, при под'еме бедняцко-середняцких индивидуальных хозяйств — пойдет особенно быстро вперед в обобществленном секторе. Его посевная площадь возрастет с 2 млн. га до 27 млн. га; 40% товарной массы зернокультур будет давать этот сектор. До 20 млн. сельскохозяйственного населения будет охвачено коллективными формами производства.

Реконструктивная полоса по-новому ставит проблему взаимоотношений города и деревни, форм смычки рабочего класса с основной массой крестьянства. Громадное напряжение сил и средств будет сопровождать величайшую строительную работу. Совершенно очевидно, что в первые же годы пятилетки не удастся разрешить задачу устранения товарного голода в стране. Важно иметь в виду, что мы будем иметь огромный рост удовлетворения спроса деревни на те товары, которые служат средствами производства. Именно в этом основа новых форм смычки рабочего класса с крестьянством. Значение производственной кооперации возрастает на исключительную высоту. Все процессы, которые обобществляют производство или подготовляют крестьянское хозяйство к этой высшей производственно-технической его организации, получают самое широкое распространение. Проблема энергетики разрешается благоприятно в первую очередь для колхозных об'единений, для новой организации производственного обслуживания крестьянских масс в виде межселенных машино-тракторных станций, для крупных хозяйств — совхозов.

Контрактация широко прививает производственную агрикультуру, подготовляя крестьянство к колхозам. Вопреки разговорам о том, что партия якобы становится на троцкистский путь отрицания смычки с середняцким крестьянством, смычка рабочего класса и бедноты с середняком получает свое дальнейшее развитие на технико-производственной основе, и в этом ее решающее значение. Попыткам ограничительно толковать кооперативный план Ленина, сводя его только к обороту, партия даст самый решительный отпор. Три истекших года, связанных с первыми шагами по реконструкции хозяйства в целом, коснулись и деревни. Кривая медленно, но идет вверх. Реконструктивные моменты понимаются массами крестьянства, создают для них определенные перспективы. Также понятно, что с периодом реконструкции связывается доподлинное выкорчевывание элементов капитализма в деревне, активное наступление на кулака. До известных пределов мы будем иметь обострение классовой борьбы в деревне — важно перед лицом этой обостряющейся борьбы занять твердую линию наступления на кулака. Всякие попытки в настоящий момент сгладить, попридержать наступление на кулака льют воду на мельницу последнего, укрепляют его и в партии могут об'ясняться лишь недооценкой и замазыванием сил нашего классового врага.

XVI конференция, на повестке дня которой стоит специальный доклад о развитии сел. хоз. под углом облегчения налогового обложения середняка, своими решениями обеспечит еще большее сплочение основной массы крестьянства вокруг единственно правильных лозунгов партии. Никаких отступлений, ни малейших уступок антикоммунистической идеологии троцкизма в коренном вопросе союза с середняком партия не допустит.

Фрумкинским разговорам, разговорам тех, которые сползают, приближаются к т. Фрумкину, проповедуя теорию деградации сел. хоз., неверие в строительство колхозов и совхозов, недооценивая их роль для современной полосы развития; которые не понимают кооперативного плана Ленина, проповедуют теорию постоянных уступок; всему тому, что «на деле является идеологическим отражением напора на советское государство капиталистических элементов, стремящихся повернуть деревню на капиталистический путь» — необходимо положить конец. Перед партией стоят сложнейшие задачи, на осуществление которых она бросает все свои силы — так пусть не мешают партии в осуществлении этих задач. Партия умудрена при жизни Ленина и после его смерти громадным опытом борьбы с теми, кто становится на ее пути. Партия сильна, чтобы с ленинской последовательностью проводить намеченную линию, опираясь на поддержку подавляющих масс рабочих, пользуясь доверием своей опоры и союзника в деревне.

В полосе современных затруднений проходила кампания по перевыборам советов. Ее основным политическим итогом, очевидным для всех, является рост активности масс, их сплоченности вокруг партии и советов. Союз рабочего класса с крестьянством скреплен перевыборной кампанией советов. Намечаемые пятилеткой и ближайшие мероприятия, уже проведенные в части сел.-хоз. налога, могут лишь закрепить этот союз, ни в коем случае не ставя его под сомнение. Это ясно.

Сложнейшие задачи выполнения производственной программы текущего года, снижения себестоимости, повышения производительности труда через решительную борьбу с прогулами подняли целую волну рабочей инициативы, изобретательности. Социалистическое соревнование, захватившее громадные пласты рабочих, горячо взявшихся за дело — лучший показатель силы и мощи, которые могут быть на-

правлены на боевые участки нашего строительства, которые способны преодолевать громадные трудности.

Однако следует со всей решительностью сказать, что есть элементы, которые как раз в этой части могут замедлять наше продвижение вперед. Такими резко значимыми элементами являются недостаточная культурность широких масс рабочих и крестьян, бюрократизм советских, хозяйственных и профсоюзных органов, отсутствие необходимого числа и качества специалистов.

Пятилетка в отношении культуры масс должна предусматривать значительные сдвиги, которые бы обеспечили нам—через решительное распространение грамотности, установление 7-часового рабочего дня, улучшение материально-бытового положения рабочих — еще большее участие последних во всех звеньях социалистической великой стройки. Только систематическое и неуклонное поднятие культурности масс, смелое выдвижение передовых рабочих на ответственную работу поможет постепенно преодолевать и бюрократические наросты на здоровом теле.

Необходимо, чтобы пятилетка обеспечивала заметное улучшение в части подготовки специалистов. Их роль в период реконструкции вырастает на громадную высоту. Если мы не будем в решающих местах иметь преданных делу строительства специалистов и в промышленности и в сельском хозяйстве — мы не будем иметь гарантий выполнения всех тех планов, которые развертываются в качестве реальной перспективы второго десятилетия существования Советского Союза.

XVI всесоюзная партийная конференция собирается в ответственный момент для того, чтобы разрешить ребром поставленные вопросы жизни и перспектив партии, рабочего класса, Советского Союза.

Не подлежит сомнению, что XVI конференция сумеет справиться с поставленными перед ней задачами, сумеет еще тесней сплотить партию на основе ее генеральной линии, сумеет дать решительный отпор попыткам колебать большевистскую дисциплину, сумеет укрепить ленинское единство партии.

М. Мудрик.

К вопросу о природе современных рыночных затруднений.

Огромные неудовлетворенные потребности многомиллионных масс нашей страны и та сложная международная обстановка, в которой находится Советский Союз, выдвигают чрезвычайно остро задачу обеспечения максимальных, но тем не менее устойчивых, несрывающихся темпов развития нашего хозяйства. Решение этой задачи предполагает, разумеется, постоянное до крайности напряжение всех живых сил и материальных ресурсов, достаточно полное и целесообразное их использование, правильное сочетание в развитии отдельных элементов хозяйства. Прямо-таки решающим условием при этом является установление тесных и прочных хозяйственных отношений между сельским хозяйством и промышленностью, между городом и деревней, имея в виду, что «по линии регулирования в з а и м о о т н о ш е н и й м е ж д у г о р о д о м и д е р е в н е й лежат основные трудности и основные проблемы хозяйственной политики пролетариата» (XV с'езд).

В современных условиях советского хозяйства хозяйственные отношения между национализированной, относительно концентрированной промышленностью и распыленным сельскохозяйственным производством неизбежно выливаются в форму рыночных отношений. Рыночные связи в их простейшей форме купли-продажи в наших условиях не являются единственной формой связи между государственным хозяйством и крестьянством. С каждым годом усиливается значение иных связей, возникающих на почве производственных кредитов, либо непосредственного производственного обслуживания крестьянского хозяйства. Однако, и рыночные формы сохраняют свое и притом немалое значение. Кроме того, исключительное значение сохраняет рынок для установления хозяйственных связей внутри сельского хозяйства, индивидуальных крестьянских хозяйств между собой. Поэтому, анализ процессов, протекающих в области рыночных явлений, представляет большое значение.

Уже в течение полутора лет страна испытывает серьезные затруднения на хлебном рынке. По сути вещей, всякая попытка рассматривать явления, лежащие в области рыночных отношений, приводит к анализу процессов в области производства. И в данном случае кризисное состояние хлебного рынка подводит нас к выявлению как некоторых экономических процессов, протекающих в сел.-хоз. производстве, так и особых черт в отношениях между городом и деревней, присущих данному отрезку времени. Правильная оценка характера современных затруднений делает необходимой постановку двух вопросов: 1) каковы основные причины затруднений на хлебном рынке; 2) являются ли эти затруднения результатом ошибочной политики, промахов и просчетов, или же для данной стадии развития нашего хозяйства они в о с н о в н о м являются совершенно неизбежными.

Прежде чем перейти к анализу причин современных затруднений по хлебозаготовкам и хлебоснабжению, остановимся кратко на характери-

стике фактической стороны дела за последние 3—4 года. Достаточно показательными являются следующие данные в % %:

	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
Движение посевных площадей под зерновыми хлебами	100	107.3	109,2	107.2
В том числе по ржи и пшенице .	100	107,5	110,6	109,4
Движение валовых сборов зерновых хлебов	100	105.4	98,7	99,8
В том числе по ржи и пшенице .	100	110,7	103,0	95,1
Рост населения городского и сельского.	100	102,3	104,6	107,0
В том числе городского	100	105,6	109,6	113,7
Потребление городского населения, армии и промышленности . . .	100	103,6	112,0	—
Расход деревни на обсеменение, прокорм скота и продов. . . .	100	105,8	106,5	—

Следовательно, за последние три года при росте всего населения на 7%, а городского на 13,7% и при росте потребления хлеба городом (за 2 года) на 12% валовые сборы, напротив, уменьшились на 0,2%, а по двум основным продовольственным культурам почти на 5%, при чем тенденция расхождения между движением валовых сборов продовольственных хлебов и ростом потребления выявляется с урожая 1927 года. Эта картина станет еще более убедительной, если принять во внимание, что наибольшее падение валовых сборов по продовольственным культурам имело место в двух наиболее товарных районах—Украине и Сев. Кавказе,—т.-е. тех районах, производство которых имеет первостепенное значение для хлебного рынка в целом: по Украине сборы ржи и пшеницы составляли в 1925 г.: 9,62 млн. тонн, в 28 г.—5,475 млн. тонн,—снижение на 43%; по Сев. Кавказу в 25 г.—5,21 млн., в 28 г.—2,69 млн. тонн—снижение около 50%. Следует к тому еще учесть отставание современного зернового производства от довоенного: по данным Госплана производство зерновых хлебов в 25—26 г. составляло около 84% от производства 13 года, а за последние 3 года, как мы видели, оно не возросло. Если мы обратимся к цифрам заготовок, то увидим следующее (в тыс. декатонн):

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Плановые заготовки.	841,4	1059,0	1038,1
Неплановые заготовки и закупки непосредств. населен	359,6	254,3	170,7
Импорт.	12,7	4.4	7,9
	1213,7	1317,7	1216,7
Экспорт	201,7	260,2	51,8

На ряду с естественным ростом потребностей в 27/28 г. произошло, вместо роста, снижение плановых заготовок при резком снижении цифр неплановых и так называемых прочих закупок, что не могло не ухудшить положение на хлебном рынке. В 28/29 г. тенденция падения хлебозаготовок продолжается: за 8 месяцев сел.-хоз. года (на 1-е марта) цифра плановых заготовок составляет 792,9 тыс. декатонн вместо 901,7 тыс. декатонн соответствующего периода прошлого года. Снижение произошло за счет ржи и пшеницы, давших пониженный урожай в 28 г. Это обстоятельство должно было заметно отразиться на продовольственном снабжении городского населения. В результате заминки в снабжении хлебом, несмотря на полное прекращение экспорта хлеба.

Таковы, кратко, данные, рисующие фактическую сторону дела. Каковы причины этих хлебозаготовительных затруднений, какова их природа?

Некоторые товарищи пытаются представить дело таким образом, будто причины этих затруднений целиком лежат в недочетах и ошибках нашей хозяйственной политики. Корни их, будто бы, отнюдь не заложены в об'ективных противоречиях данного этапа социалистической реконструкции, подготовленных всем предшествующим историческим развитием хозяйства страны. Концепция этих товарищей сводится в общих чертах к следующему.

1) Хлебозаготовительный кризис есть результат грубого нарушения пропорций в с.-х. производстве; 2) это нарушение вызвано неправильной политикой цен, выразившейся: а) в огромном разрыве цен на зерно и другие продукты сельского хозяйства и б) в систематической недоплате крестьянству за зерно благодаря тому, что заготовительная цена ниже издержек производства, и 3) хлебозаготовительного кризиса можно было бы избежать.

Прежде всего по вопросу о неизбежности кризисных явлений в советском хозяйстве. Конечно, если в капиталистическом хозяйстве неизбежность кризисных явлений вытекает из самой природы этого хозяйства, из «бесплановости и анархичности процессов производства в целом», из «противоречия между обобществленным характером труда и частным характером присвоения» (программа Коминтерна), то для советского хозяйства, хозяйства переходного периода, такая постановка вопроса исключена. Но это положение, правильное в общей, абстрактной постановке, было бы неправильно м е х а н и ч е с к и переносить на конкретные условия нашего хозяйства на данном конкретном этапе его развития. Допущение возможности кризисных явлений лишь как результата относительной бесплановости нашего хозяйства совершенно недостаточно. Неизбежность кризисных явлений, н е з а в и с и м о о т п л а н о в ы х п р о с ч е т о в и о ш и б о к, может явиться результатом определенной конкретной хозяйственной обстановки в той мере, в какой эта обстановка подготовлена всем предшествующим развитием хозяйства страны, особенно на той стадии развития новых хозяйственных форм, когда столкновение нового с унаследованным старым рождает ряд противоречий. Мы находимся сейчас лишь на первой стадии реконструктивного процесса. Отличительная, характернейшая черта данного исторического этапа заключается в том, что развитие реконструктивного процесса о т п р а в л я е т с я от целого ряда диспропорций исторически данных. Наличие этих диспропорций, их влияние на наше развитие подчеркнуто XV партийным с'ездом: «При построении пятилетнего хозяйственного плана нужно исходить из разрешения задач, которые связаны с основными диспропорциями нашего хозяйства: диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством... диспропорция между ценами на продукты промышленности и сельского хозяйства (рыночные ножницы); диспропорция между спросом на промышленное сырье, являющееся продуктом сельского хозяйства, и его предложением; наконец, диспропорции между количеством рабочих рук в деревне и реальной возможностью их хозяйственного использования (так называемое аграрное перенаселение)». Вопрос сводится к следующему: на данном этапе развития реконструктивного процесса возможно ли избежать влияния этих диспропорций? Очевидно, невозможно, пока в ходе реконструктивного процесса эти диспропорции не будут преодолены. К чему же в таком случае сводится влияние этих исторически данных диспропорций? К тому, что в условиях напряженных темпов развития постоянно возникает ряд конкретных несоответствий между отдельными

материальными элементами производства, несоответствий, часто неизбежных преодоление которых и составляет задачу реконструктивного процесса. Такие несоответствия не только не должны являться обязательно лишь результатом плановых просчетов и ошибок, но, напротив, могут быть предусмотрены заранее и войти в качестве составного элемента в хозяйственный план. Конкретный пример: по хлебофуражному балансу 28/29 года, являющемуся составной частью контрольных цифр, цифра потребления городским населением хлебных продуктов запроектирована несколько ниже цифры прошлого года, несмотря на запроектированный там же рост городского населения, рост заработной платы и вообще бурный темп роста промышленного производства и строительства. Это несоответствие является выражением разрыва некоторых материальных элементов народнохозяйственного плана, чреватого для текущего года рядом затруднений и кризисных явлений. Такое несоответствие является об'ективным выражением противоречия, присущего данному этапу развития нашего хозяйства, противоречия между высокими темпами развития промышленного производства и крайней отсталостью нашего сельского хозяйства. Подобно тому, как рост производительных сил в советском хозяйстве, рост обобществленного сектора и тем самым укрепление экономических и политических позиций пролетариата, означая движение всего хозяйства по пути социалистического переустройства, вместе с тем не исключает на определенной стадии этого движения обострения классовой борьбы и роста сопротивления враждебных рабочему классу сил, подобно этому продвижение вперед по пути реконструкции хозяйства не только не исключает, но иногда предопределяет на определенном этапе развития рост трудностей. Задача экономической политики сводится к тому, чтобы путем удачного маневрирования и своевременного предвидения эти затруднения сводить к минимуму, всячески смягчать и во всяком случае не дать им вырасти в затруднения такого масштаба, которые могли бы угрожать прочности политического и экономического союза рабочего класса с основной массой крестьянства, имея в виду основное положение ленинизма, что «в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания такого раскола». Нам представляется, что трактовка проблемы неизбежности кризисных явлений в условиях советского хозяйства могла бы быть сведена в основном к следующему: 1) диктуемые необходимостью высокие темпы развития хозяйства в условиях отсталой техники, недостаточного культурного уровня основной массы населения, сопротивления капиталистических слоев деревни и города и наличия унаследованных от старого строя ряда хозяйственных диспропорций вызывают целый ряд противоречий в нашей экономике на данной стадии ее развития и вытекающие из них кризисные затруднения; 2) возможность этих затруднений усугубляется относительной беспలановостью хозяйства переходного периода, в основе которой лежит существование мелких хозяйств со всеми свойственными природе этих хозяйств элементами стихийности; 3) в нашем распоряжении нет достаточных ресурсов для *немедленной* ликвидации этих затруднений; устранение их возможно лишь постепенно в течение относительно длительного периода, по мере перестройки социально-экономической и технической структуры нашего хозяйства; 4) однако, и для данного периода развития нашего хозяйства остается в полной своей силе положение Ленина о том, что в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания для разрыва между рабочим классом и крестьянством.

Разумеется, такая постановка вопроса о неизбежности затруднений и кризисных явлений на данной стадии развития нашего хозяйства отнюдь не должна давать оснований для выводов, что *все* переживаемые хозяйственные затруднения неизбежны, что многие из них нельзя об'яснить частично или полностью ошибками, просчетами, извращениями при практическом проведении в жизнь намеченной партией линии экономической политики и т. д., словом, что все существующее разумно.

Это было бы, конечно, вреднейшим, казеннейшим оптимизмом, тормозящим борьбу с возникающими трудностями. Трудная и ответственная задача правильного экономического анализа сводится именно к тому, чтобы в каждом конкретном случае возникновения хозяйственных затруднений выявить корни этих затруднений, их природу: в какой мере данное затруднение неизбежно связано с ходом реконструктивного процесса и тем самым является выражением кризиса роста и в какой мере и в чем затруднения являются результатом просчетов, ошибок, нецелесообразных мероприятий. Именно, с таким анализом необходимо подойти к выяснению природы наших хлебозаготовительных затруднений.

Следует прежде всего иметь в виду, что современное сельское хозяйство развивается на значительно измененной, по сравнению с довоенным временем, социальной базе. Уничтожены помещичьи хозяйства, которые в довоенное время производили до 10 млн. тонн хлеба, при товарной продукции в 5 млн. тонн. Крупные советские хозяйства не могут еще сейчас сколько-нибудь заметно заместить на рынке бывшие помещичьи хозяйства: их зерновая продукция достигает (в 26/27 г.) лишь 1,31 млн. тонн при товарной 0,62 млн. тонн. Резко упал удельный вес кулацких крестьянских хозяйств, являющихся, по сравнению с прочими крестьянскими хозяйствами, более товарными. С точки зрения устойчивости хлебного рынка для настоящего периода развития нашего хозяйства мы имеем следующее положение: при восстановленности, по сравнению с довоенным, городского спроса (не говоря уже о деревне, как факторе спроса на хлеб, о чем речь будет в дальнейшем) и росте этого спроса из год в год, старая социально-экономическая база *товарного* зернового производства в значительной своей части разрушена, новая же база в лице коллективного хозяйства и совхоза, единственно могущая служить прочной опорой *устойчивого* хлебного рынка, лишь только по существу начинает создаваться, но еще не создана. Если в отношении промышленности можно уже сейчас говорить о серьезных достижениях, то в области сельского хозяйства, в части коллективизации, достигнутые результаты можно рассматривать лишь как подготовительные к реконструктивному процессу. Это обстоятельство с достаточной определенностью было подчеркнуто на XV с'езде в докладе тов. Сталина: «Все наши мероприятия по ограничению капиталистических элементов сельского хозяйства, развитию социалистических элементов в деревне, вовлечению крестьянских хозяйств в русло кооперативного развития, плановому воздействию государства на деревню по линии охвата крестьянского хозяйства как со стороны снабжения и сбыта, так и со стороны производства,—все эти мероприятия являются мероприятиями, правда, решающими, но все же подготовительными для перевода сельского хозяйства на рельсы коллективизма». Вот эта диспропорция между относительно развитым хлебным рынком, являющимся об'ективным выражением и следствием процесса развития нашего хозяйства, и производственной базой товарного хлеба, которая только начинает по-настоящему перестраиваться, но еще не перестроилась, создает мощные предпосылки для развертывания затруднений в области хлебозаготовок и хлебоснабжения.

На ряду с этим следует подчеркнуть и другой мощный фактор, действующий в том же направлении: *изменение структуры с.-х. производства в сторону снижения удельного веса зерновой продукции за счет более быстрых темпов роста других отраслей сельского хозяйства*. Этот процесс за

последние годы (25—28 гг.) характеризуется следующими данными (в %% к 25 г. = 100):

	26 г.	27 г.	28 г.		26 г.	27 г.	28 г.
Зерн. культ. пос. пл. . .	107,3	109,2	107,2	Мясо	111,1	120,5	—
Техн. „ „ „ . .	92,7	98,9	116,0	Масло.	107,3	112,9	—
Проч. культ и пос. трав. .	98,1	105,1	131,1	Яйца	112,2	129,3	—
Зерн. „ вал. прод. . .	105,4	98,7	99,8	Кожи крупные	107,1	119,5	122,9
Маслосемена вал. прод. .	77,9	96,9	36,3	„ мелкие	107,0	115,4	119,0
Лен-волокно „ „ .	86,0	79,8	94,2	Шерсть	105,8	109,8	117,9
Конопля „ „ „ .	89,3	105,9	102,7	Лошади.	108,8	117,6	123,0
Хлопок-сырец „ „ .	99,0	127,1	152,3	Крупный рог. скот. . .	105,7	110,6	112,0
Сах. свекла. „ „ .	72,2	114,7	119,7	Свиньи	99,9	107,2	120,5

За последние 3 года особенно быстрые темпы роста дает животноводство. Продукты животноводства в общей товарной продукции крестьянского хозяйства играют доминирующую роль. По данным крестьянских денежных записей за 27/28 г., удельный вес продуктов животноводства в общей массе отчуждаемой крестьянством продукции на рынок достигает 50—60%, (а в некоторых районах и выше), в то время как роль зерновых продуктов определяется цифрами в 10—30%. Изменение структуры с.-х. производства резко подчеркивается и при сопоставлении с довоенными данными. Если принять всю продукцию сельского хозяйства за 100, удельный вес зернового производства и животноводства определяется следующим образом:

	1913 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Зерновое производство	37,6	27,2	25,5
Животноводство (без прир. скота) .	25,6	31,6	33,0

Этот совершенно явно наметившийся процесс изменения структуры с.-х. производства имеет огромное значение как для крестьянского хозяйства, так и для всего народного хозяйства в целом и не может не оказать влияния на состояние хлебного рынка. Очень часто именно эти структурные изменения расцениваются как «относительное бегство из области зерновой продукции» под влиянием неправильной политики цен, выразившейся в разрыве цен на зерно и на другие продукты сельского хозяйства, тем самым расценивая эти структурные изменения как процесс регрессивный. Такая постановка вопроса представляется нам в корне ошибочной. Отличительным признаком исторической отсталости нашего сельского хозяйства являлась гипертрофия зернового производства над другими отраслями сельского хозяйства, и поэтому наметившийся за последние годы перелом в сторону повышения удельного веса других отраслей с. х. следует рассматривать, как явление в основе своей прогрессивное и притом тесно связанное с общим реконструктивным процессом. В самом деле, ведь наблюдающиеся изменения в структуре с.-х. производства происходят под влиянием изменения структуры спроса на внутреннем рынке, в свою очередь обусловленного как быстрыми темпами развития легкой, работающей на с.-х. сырье, индустрии, так и ростом потребительского спроса на квалифицированные с.-х. продукты питания в связи с общими высокими темпами развития хозяйства, ростом зарплаты и т. д. Ссылка на изменение в соотношении цен на различные продукты сельского хозяйства по существу ничего не об'ясняет и подменяет анализ констатацией факта, ибо изменение в соотношении цен не в пользу хлебных продуктов является лишь отражением и неизбежным следствием сложного процесса развития внутреннего рынка. Разумеется, в советских условиях государство регулирует цены не только на промышленные продукты, но и на сельскохозяйственные. Но нельзя представлять себе эту функцию регулирования, как проявление «свободной воли»: чего хочу, то и делаю.

В основном имевшая место политика цен, устанавливавшая определенные ценностные соотношения различных продуктов с.-х. производства, диктовалась в отношении ряда продуктов определенными производственными программами легкой индустрии, работающей на с.-х. сырье. Конечно, и на основе данных производственных программ возможны были бы те или иные отклонения от установившихся фактически ценностных отношений, но решающую роль эти отклонения не смогли бы сыграть. Установление иных (качественно отличных) соотношений могло бы происходить лишь на основе пересмотра темпов развития работающей на с.-х. сырье легкой индустрии и общих темпов индустриального развития.

Помимо того, что изменение ценностных соотношений на хлеб и другие продукты сельского хозяйства является результатом изменения структуры спроса на внутреннем рынке, следует еще предостеречь от преувеличенного представления о происшедшем за последние годы изменении в этих ценностных соотношениях. Если обратиться к материалу о движении заготовительных цен в целом по СССР, то за последние 3 года сдвиги в соотношениях цен имеются действительно большие. Приведем краткую табличку, составленную по данным Наркомторга:

Индексы заготовительных цен (по заготовкам 3 последних лет).

	1925/26	1926/27	1927/28
Зернопродукты	132,0	104,1	112,7
Технические культуры	130,1	128,3	135,1
Животное продовольствие.	157,2	174,1	172,5
Животное сырье	163,1	171,3	174,8

Необходимо, однако, иметь в виду, что для крестьянского хозяйства в конечном счете имеет значение та средняя фактическая цена, по которой крестьянин отчуждает продукты, а эта средняя получается в результате продажи как по заготовительным, так и по так называемым базарным ценам. Эти последние обычно выше заготовительных, а масса продуктов, отчуждаемая крестьянином не по линии государственных заготовок, весьма велика: по хлебным культурам она составляет, вероятно, больше половины всего крестьянского отчуждения. Если взять такие средние фактические цены отчуждения и проследить их изменение диференцированно по районам в отношении тех с.-х. продуктов, которые между собою в данном районе конкурируют, то картина получится более благоприятная для хлеба, чем это рисует приведенная выше таблица заготовительных индексов.

Индексы цен по данным Кон. Инст. (цены 1913 г. = 100).

	25/26		26/27		27/28		Измен. в %% к 25/26 г. 26/27		27/28	
	1/X	1/I	1/X	1/I	1/X	1/I	1/X	1/I	1/X	1/I
Западная Сибирь										
Пшеница	145	132	128	131	144	146	—12	—	—	+10
Мясо	188	196	199	184	215	193	+ 6	— 6	+14	— 2
Молоко	150	142	112	145	135	162	— 25	+ 2	—10	+14
Масло	208	209	166	195	200	232	—20	— 7	— 4	+11
Северный Кавказ										
Пшеница.	142	149	129	126	139	145	—10	—15	— 2	— 3
Мясо говяжье	187	184	227	204	188	209	+21	+10	—	+ 8
Степь Украины										
Пшеница.	140	166	118	120	127	130	—16	—28	—10	—22
Мясо говяжье	130	140	185	173	201	201	+42	+24	+54	+46

Наиболее резкое перемещение в ценностных соотношениях имеется по степной Украине, но в известной мере оно об'ясняется тем, что в 25/26 г.,

соотношение цен на пшеницу и мясо там было исключительно неблагоприятное для последнего. В общем же отчуждение крестьянством части своей продукции по базарным ценам смягчает в пользу пшеницы сдвиги в соотношениях цен.

Мы имеем существенные сдвиги в структуре сельскохозяйственного производства в сторону снижения удельного веса зернового производства за счет роста других отраслей сельского хозяйства. Эти структурные изменения нельзя рассматривать, как результат неправильной политики цен; они обусловливаются определенным направлением в развитии нашего хозяйства за последние годы и в этом смысле являются не только необходимыми, но и прогрессивными. Но благодаря тому обстоятельству, что эти структурные изменения происходили при совершенно недостаточных общих темпах развития сельского хозяйства, влияние их крайне неблагоприятно отражалось на состоянии хлебного рынка: они не только влияли сдерживающим образом на темпы развития зернового производства, но сверх того создавали дополнительный платежеспособный спрос на хлеб со стороны самого крестьянства. Дело сводится не только к тому, что крестьянство, производящее хлеб, потребляет его больше, чем до революции, снижая тем самым свои товарные излишки, но повышает свое потребление хлеба и та часть крестьянства, которая его не производит или производит в незначительных размерах, во всяком случае, в размерах, далеко отстающих от фактического потребления. И эти слои крестьянства благодаря отчасти промыслам, а в значительной мере развитию других отраслей с.-х. производства обладают достаточной покупательной способностью, чтобы пред'явить реальный спрос на хлеб. Этот фактор значительно осложняет обстановку на хлебном рынке.

Итак, в основе напряженного состояния хлебного рынка и связанных с этим затруднений лежат два обстоятельства: 1) изменение социально-экономической структуры деревни, 2) изменение производственной структуры с.-х. производства, при чем эти изменения происходят в обстановке высоких темпов развития всего народного хозяйства в целом при недостаточных темпах в самом сельском хозяйстве. К этому следует еще прибавить влияние неблагоприятных метеорологических условий 27 и 28 гг. Несмотря на то, что посевная площадь в 27 году под зерновыми культурами повысилась по сравнению с предыдущим годом на 1,7 милл. га (+ 1,8%), валовые сборы понизились на 4,8 милл. тонн (—6,3%). В 1928 г. гибель посевных площадей, главным образом на Украине и Сев. Кавказе, вызвала сокращение посевных площадей под зерновыми культурами на 1,8 милл. га (—1,9%) при росте валовых сборов на 800 тыс. тонн (+ 1,1%). Таким образом, если глубокие социально-экономические и производственные процессы порождают относительную недостаточность зернового производства по сравнению с развивающимися потребностями народного хозяйства и падение его (зернового хозяйства) удельного веса, то неблагоприятные метеорологические условия вызвали абсолютное снижение или приостановку роста зернового производства.

Имеются ли какие-либо достаточные экономические основания считать, что задержка в росте зернового производства вызвана в основном несоответствием рыночных цен на зерно и издержками производства последнего? Вопрос этот имеет огромное значение. Освещение же его представляет особые трудности в виду неизбежных условностей, которые представляют всякие расчеты издержек производства зерна. Так как в крестьянском хозяйстве зерновое производство переплетается тесно с рядом других отраслей сельского хозяйства (животноводство и др.), то отнесение части общих расходов на зерновое производство, определение размеров этой доли неизбежно должно страдать искусственностью и некоторым произволом.

Эту оговорку необходимо иметь в виду при использовании расчетов издержек производства зерновой продукции, рассматривая эти расчеты как приблизительную ориентировку. Для освещения вопроса о современных размерах издержек производства мы используем последние данные бюджетной статистики ЦСУ [1]. В расчет издержек вошли все производственные расходы с полным учетом стоимости затраченного труда как наемного, так и своего, но не включены расходы по налогам. Урожайность с гектара взята по 25 году.

Себестоимость ржи и пшеницы и их рыночная рентабельность.

	Себестоим. 1 центн. в руб.	Разница между ценой и себестоим. в %% к себест.
Пшеница озимая.		
Сев. Кавказ	4,0	+ 55,6
Украина степн.	5,1	+ 44,8
„ лебобер.	5,7	+ 61,1
„ правобер.	5,9	+ 55,4
„ Полесье	6,5	+ 49,2
Пшеница яровая.		
Юго-Зап. Сибирь	3,5	+ 70,6
Сев. Кавказ	3,7	+ 29,6
Сред. Волга	4,5	+ 87,4
Башкирская АССР	5,0	+ 62,5
Нижняя Волга	5,5	— 3,3
Украина степн.	5,6	+ 35,5
Украина левобер.	5,1	+ 74,0
„ правобер.	6,3	+ 114,9
„ Полесье	6,8	+ 49,2
Рожь.		
ЦЧО	5,3	+ 23,0
Сред. Волга	4,6	+ 30,6
Украина степн.	4,0	+ 11,1
„ левобер.	4,2	+ 31,7
„ правобер.	5,3	+ 32,0
„ Полесье	5,2	+ 13,8
Цен.-Пром. Обл.	9,6	— 19,8
Ленинград. „	9,6	— 23,1
Вятский район	6,5	— 19,2
Сев.-Восточ. „	9,6	— 7,4

Рыночные цены в этих расчетах приняты по сообщению крестьянских корреспондентов; они, обычно, несколько ниже базарных цен. Приведенные расчеты, дающие хотя бы грубую ориентировку в интересующем нас вопросе, выявляют определенную картину. Низкие (относительно) издержки производства пшеницы и ржи наблюдаются в производящих районах, т.-е. в районах, играющих решающую роль в производстве соответствующей культуры. Пшеница является культурой более рентабельной, чем рожь. В районах потребляющих, как Лениградская область, Центр.-Пром. область и другие, издержки производства ржи превышают рыночную крестьянскую цену, следовательно, в этих районах производство хлеба нерентабельно. Анкетное обследование, проведенное на эту тему в 1913 году министерством земледелия (правда, анкета была заполнена главным образом помещичьими хозяйствами), в общем дает такую же картину меньшей рентабельности ржи по сравнению с пшеницей. Конечно, необходимо иметь в виду, что по ряду районов урожай 1925 г. был выше среднего и что здесь не приняты во внимание налоги (влияние которых на издержки производства центнера хлеба, впрочем, не может быть особенно велико, имея в виду, что налоги относятся не только к зерновому производству, но и ко всем прочим доходным статьям крестьянина); внесение таких поправок уменьшит коэффициент рентабельности, показанный в приведенных исчислениях, но картина в основном сохраняется та же. Если эти издержки производства, особенно по пшенице, сопоставить даже только с заготовительными ценами за последние 3 года, т.-е. до их повышения, когда заготовительные цены колебались в пределах, приблизительно, от 5,5 до 7 руб. за центнер пшеницы, то и в этом случае для производящих районов нельзя говорить о нерентабельности производства. Кроме того, в свете этих данных совершенно очевидно, что

[1]) Данные эти опубликованы в «Статистическом Обозрении» № 8 за 1928 г. в статье Литошенко «География себестоимости важнейших полевых культур».

намечающаяся для ближайших лет стабилизация заготовительных цен на повышенном их уровне 1928—29 г., при успешном проведении ряда мероприятий, способствующих повышению урожайности (зяблевая вспашка, применение сортовых семян, очистка и протравливание семян, увеличение применения минеральных удобрений и проч.), представляет более надежный путь к дальнейшему повышению рентабельности зернового производства, чем политика резкого повышения цен.

К вопросу о выгодности зернового производства, об изменениях, происшедших в этой области за последние годы (повысились или понизились с этой стороны стимулы крестьянства)—можно еще подойти с другого конца: со стороны изменения покупательной способности зерновых культур по отношению к приобретаемым крестьянством промышленным товарам. Смыкались или размыкались «ножницы» цен на зерно и на промтовары за последние 3 года? Цены на зерно следует опять-таки брать средние фактические, а цены на промтовары те, по которым приобретает крестьянин. Проследим движение лезвий «ножниц» по трем пшеничным районам: Западной Сибири, Сев. Кавказу и Степной Украине.

Индексы цен на пшеницу по отношению к индек. покуп. цен на промтовары (данные Кон. Инст.).

	1926/27 г.		1927/28 г.		1928/29 г.	
	1/X	1/I	1/X	1/I	1/X	1/I
Западная Сибирь . . .	0,64	0,66	0,80	0,81	0,84	0,97
Сев. Кавказ	0,53	0,52	0,63	0,66	0,85	1,05
Степь Украины. . . .	0,50	0,52	0,62	0,63	1,07	1,07

Из года в год мы видим постепенное смыкание ножниц. Ненормально резкий рост базарных цен на пшеницу в текущем году, а также повышение заготовительных цен на пшеницу при почти стабильных ценах на промтовары привели к такому положению вещей, при котором пшеничное лезвие ножниц перекрыло в 1928—29 г. промышленное лезвие. Быть может, не лишним будет подчеркнуть при этом, что такое смыкание ножниц отнюдь не решает в основном проблемы ножниц между с.-х. продуктами и продуктами промышленности, не решает даже проблемы ножниц между зерновыми продуктами и промтоварами, так как смыкание происходило в 1928—29 году на основе ненормально взвинченной базарной цены на зерно. Следует не забывать, что нормальное (с точки зрения интересов народного хозяйства) и прочное смыкание ножниц возможно лишь на основе снижения цен на промтовары.

Приведенные данные, освещающие вопросы рентабельности в современных условиях зернового производства, с достаточной убедительностью, как нам кажется, показывают, что говорить о том, что крестьянство «систематически не получает обратно издержек производства плюс известную надбавку, соответствующую части прибавочного труда и могущую служить источником расширенного воспроизводства», нет оснований.

Тщательный анализ всей совокупности условий, в которых протекают хлебозаготовительные затруднения, должен привести к иным выводам. «Первопричинами» этих затруднений следует считать: 1) начавшийся, но далеко еще не завершенный процесс социально-экономической реконструкции деревни, 2) кризис роста сельского хозяйства, связанный с прогрессивным процессом ломки структуры с.-х. производства в сторону снижения удельного веса зерновых культур за счет других отраслей сельского хозяйства, 3) эти два процесса протекают в обстановке недостаточных общих темпов развития сельского хозяйства в целом, с одной стороны, и повышенных требований к сельскому хозяйству со стороны других отраслей хозяйства, вытекающих в свою очередь из высоких темпов их развития,—с другой, 4) влияние неблагоприятных метеорологических условий последних

двух лет, усугубляющее положение. Это нисколько не умаляет значения затруднений и связанных с ними для народного хозяйства последствий, напротив, этим резко подчеркивается неслучайный характер переживаемых затруднений, их относительная устойчивость для данного этапа развития нашего хозяйства. Актуальным при этом становится вопрос о мерах борьбы с такими кризисными затруднениями, которые являются об'ективно неизбежным продуктом противоречивых условий развития нашего хозяйства на данном этапе его развития.

Хлебозаготовительные трудности вызвали чрезвычайное напряжение на хлебном рынке, наблюдающееся уже второй год. Это напряжение, в свою очередь, вызвало целый ряд ненормальных явлений. Рыночные аномалии, порожденные хлебозаготовительными затруднениями, поскольку они сделались устойчивыми, сами превратились в источник дополнительных трудностей. К числу таких ненормальностей современного хлебного рынка следует отнести огромные разрывы цен заготовительных и базарных крестьянских. Если проследить эти разрывы в динамике за несколько лет, получается следующая картина:

Превышение базарных цен над заготовительными в %%.

	1925/26 г.		1926/27 г.		1927/28 г.		1928/29 год		
	X	I	X	I	X	I	X	I	II
Пшеница.									
Сибирь	8,0	17,9	12,2	14,9	15,8	21,7	36,0	37,0	35,0
Сев. Кавказ	16,7	18,2	9,8	13,4	20,0	32,6	87,0	—	133,0
Украина.	22,1	21,1	19,2	17,8	10,9	17,7	91,0	145,0	178,0
В т. числе Степ. пол.	—	—	—	—	—	—	169,0	263,0	340,0
Рожь.									
ЦЧО	33,6	34,6	13,0	12,7	7,0	14,3	42,0	137,0	214,0
Украина.	36,9	28,2	13,0	14,8	17,2	31,0	94,0	145,0	191,0

В неблагополучных по урожайности районах—Украина, Сев. Кавказ и Ц.-Ч. область—установились в текущем году огромные разрывы, достигающие 200—300 и более процентов, при чем начало этим разрывам было положено еще в прошлом году. На первый взгляд может показаться необ'яснимым тот факт, что государство, в лице заготовительных организаций, являясь почти монопольным организованным заготовителем крестьянского хлеба, покупающим в течение года до 10—11,5 млн. тонн хлеба, не сумело справиться с задачей экономического регулирования цен на заготовительном рынке, не в состоянии было продиктовать последнему с в о и цены, в результате чего на хлебозаготовительном рынке установились две цены, сильно разнящиеся друг от друга. Об'яснение этого явления лежит в своеобразных условиях нашего хлебного рынка. Что касается частного торговца, то вряд ли его удельный вес в хлебозаготовках как в 1927—28 г., так и в текущем году превышал 3—5%. Помимо того, следует иметь в виду, что ограниченный в возможности использования ж.-д. и водного транспорта для переброски на более или менее далекое расстояние своих хлебных грузов, частный торговец хлебом фактически может принимать участие сейчас почти исключительно в местном товарообороте, поскольку для него (торговца) сохранилась возможность использования гужевого транспорта. Поэтому говорить сейчас о сколько-нибудь значительном влиянии частного капитала на состояние хлебного рынка не приходится. Но зато на ряду с государственными и кооперативными заготовителями на хлебном рынке выступает в качестве покупателя распыленный потребитель, и не столько горожанин, сколько крестьянское население. Д е р е в н я п р е д с т а в л я е т с о б о ю м о щ н ы й ф а к т о р н а х л е б н о м р ы н к е н е т о л ь к о в к а ч е с т в е п р о д а в ц а, н о и п о к у п а т е л я. Попытка исчисления размеров крестьянских покупок хлеба по данным денежных крестьянских

записей дала цифру этих покупок для 1927—28 г. в 800 млн. руб. Вряд ли эта цифра является преувеличенной, во всяком случае она дает хотя бы грубую ориентировку в размерах этого явления. Если крестьяне потребляющей полосы значительную часть своей потребности в хлебе удовлетворяют из фонда государственно-кооперативных заготовок, то в производящих районах минимум 50—60% покупаемого крестьянством хлеба приобретается непосредственно у крестьян же. Наличие огромного вольного рынка в условиях общего недостатка хлеба создает условия для резких разрывов между заготовительной ценой и крестьянской базарной. Такие разрывы в свою очередь сильно затрудняют хлебозаготовки, ибо создают обстановку, об'ективно благоприятствующую уходу товарного хлеба из русла плановых заготовок на распыленный рынок, поскольку там имеется платежеспособный спрос по повышенной цене. Разумеется, наличие в руках государственно-кооперативных организаций значительных промтоварных фондов, реализуемых по нормированной цене, связь кооперации с местным крестьянским населением и проч. значительно смягчают эти тенденции, но не в состоянии их целиком парализовать. В качестве неблагоприятного фактора того же порядка, влияющего на хлебный рынок, следует признать также резкие ненормальные сдвиги в соотношении цен на зерно и другие продукты сельского хозяйства, сдвиги *ненормально* повышающие покупательную способность хлебных продуктов. Иллюстрацией в данном случае могла бы служить таблица, показывающая различные количества хлеба, которые в прежние годы и сейчас эквивалентны одному центнеру говядины:

За один центн. говядины можно было бы получить центнеров хлеба:

	1/I 1926 г.	1/I 1927 г.	1/I 1928 г.	1/I 1929 г.
Ленинградская обл.	5,0	6,2	7,5	1,8
Московск. промышлен.	4,9	7,4	7,8	2,7
ЦЧО	4,3	9,0	11,2	3,3
Уральская обл.	7,5	9,0	10,4	5,7
Сев. Кавказ	6,4	7,6	6,6	3,0
Украина	4,0	10,7	9,5	3,6

В текущем году стоимость хлеба по отношению к мясу повысилась в 2, 3 и 4 раза. Независимо от наличия больших или меньших хлебных запасов у крестьянина, такое взвинчивание хлебных цен, по сравнению с другими продуктами сельского хозяйства, превращает в глазах крестьянина хлебные продукты в особую ценность, чуть ли не в особый род *товарной валюты*, что не может не влиять отрицательно на товарность хлебной продукции.

При построении хлебофуражного баланса на 1928—29 г. пришлось, в виду недопроизводства хлеба, чтобы свести баланс, запроектировать цифру снабжения городского населения несколько пониженную по сравнению с прошлым годом, несмотря на рост городского населения и рост потребности в хлебе. Но сведение баланса на бумаге еще не означает действительного сбалансирования, не означает приведение в соответствие с возможным предложением хлеба реального платежеспособного спроса. Такое «сбалансирование», какое в этом году получилось по хлебофуражному балансу ЦСУ, лишь сигнализирует степень напряженности городского хлебного рынка. На ряду с напряженностью городского хлебного рынка в текущем году в виду недопроизводства хлеба на Украине, Сев. Кавказе и ЦЧО должен был возрасти спрос на хлеб и со стороны сельского населения тех районов и групп, которые при нормальных урожаях рыночного спроса не пред'являют или пред'являют его в минимальных размерах. Эти обстоятельства породили для текущего года ту форму снабжения, которая носит название мешочничества. Каковы экономические корни современного мешочничества? В недостаточном обслуживании торговым аппаратом потребительских нужд населения, в первую очередь крестьянства. Достаточно отметить,

что из 10 миллионов тонн заготовленного по плановым заготовкам хлеба в 1927 — 28 году приблизительно 3,3 миллиона тонн ушло обратно в деревню в порядке обслуживания ее товарного спроса. По мере свертывания частной торговли на хлебном рынке об'ем задач кооперативно-государственного торгового аппарата по обслуживанию потребностей населения значительно возрос. С другой же стороны, недозаготовка по сравнению с намеченными *минимальными* планами должна была прежде всего отразиться на торговом обслуживании крестьянского потребителя. Предоставленная в значительной части самой себе, лишенная обслуживания каким бы то ни было торговым аппаратом, эта категория потребителей прибегает к мешочничеству, как к единственно для нее в данных условиях доступной форме приобретения хлеба. Но на ряду с потребительским мешочничеством неизбежно вырастает и торговое мешочничество, питающееся неудовлетворенным спросом населения и территориальными разрывами цен.

При оценке современной кон'юнктуры хлебного рынка следует иметь в виду и то влияние, какое не может не оказывать на нее обострение классовой борьбы в деревне. Значение этого фактора не следует недооценивать тем более, что об'ективная обстановка (разрыв цен, напряженность спроса на хлебном рынке, недостаток хлеба у определенных слоев крестьянства и т. д.) дает возможность капиталистическим элементам в деревне использовать ее для борьбы против политики партии. Как сильно может быть это влияние в общей системе факторов, вызывающих нынешние затруднения,— определяется в значительной мере тем удельным весом, каким эти группы обладают в товарном хлебе страны. Если грубо исходить из того, что удельный вес капиталистических и примыкающих к ним групп в товарном хлебе составляют во всяком случае 20—30% (если не больше), то совершенно очевидно, что влияние этих групп на хлебозаготовительные затруднения все же весьма чувствительно для народного хозяйства. Известно, что в качестве реакции на классовую линию, проводимую партией в деревне, кулацкая верхушка отвечает не только сдержанным отчуждением хлеба, но и сокращением своих посевов. Разумеется, что преодоление влияния этого фактора не в политике компромиссов. Путь компромиссов означал бы об'ективно путь постепенной капитуляции партии перед крестьянской кулацкой стихией. Это с достаточной определенностью было подчеркнуто в решениях XV партс'езда. Для партии, очевидно, нет иного пути, как проведение ряда мероприятий, направленных к усилению обобществленного сектора народного хозяйства и под'ему бедняцко-середняцкого массива, который мог бы с лихвою возместить брешь, образующуюся в результате свертывания производства и товарности капиталистической верхушки деревни.

Устойчивый характер современных хлабозаготовительных затруднений, то обстоятельство, что источники их коренятся в своеобразных условиях развития нашего хозяйства, с особой остротой выдвигает перед партией вопрос о мерах борьбы с этими затруднениями. Это по существу один из наиболее актуальных узловых вопросов нашего времени, имеющий большое экономическое и политическое значение. Очевидно, что мероприятия, направленные против этих затруднений, могут итти по двум направлениям одновременно: по линии регулирования потребления и спроса и по линии регулирования производства и предложения. В качестве организационной меры по регулированию городского потребления и спроса является проведение системы заборных книжек или карточек. Назначение этого мероприятия заключается не только в регулировании городского потребления, но и в прекращении *стихийного* оттока хлеба из городов в деревни благодаря относительно низким регулируемым ценам на печеный хлеб. За последние месяцы отток хлеба из города в деревню стал повсюду фактором, весьма чувствительно влияющим на снабжение хлебом городов. Введение такой системы регулирования городского потребления вряд ли носит характер

кратковременной меры. В той мере, в какой борьба с хлебозаготовительными затруднениями будет носить длительный (относительно) характер, введенную систему регулирования потребления придется сохранить на более или менее продолжительный срок. Быть может, систему регулирования следовало бы расширить, распространив ее и на некоторые другие продовольственные продукты сельского хозяйства. Неправильно было бы представлять положение вещей таким образом, что в отношении удовлетворения потребительского спроса у нас в минимуме один лишь хлеб. Тот внутренний механизм развития нашего хозяйства, который подвел его вплотную к хлебозаготовительным затруднениям, а именно: отставание темпов развития сельского хозяйства при быстрых темпах роста спроса внутреннего рынка на продукты сельского хозяйства, в большей или меньшей мере действителен и для целого ряда других сельскохозяйственных продуктов, в отношении которых проблема удовлетворения внутреннего спроса переплетается с проблемой экспорта.

Однако, не в этих мероприятиях, регулирующих и ограничивающих потребление и спрос, центр тяжести. При большей или меньшей длительности их они все же являются и должны являться мерой *временной*. Решающими должны стать мероприятия в области организации производства. Разумеется, огромное значение имеет обеспечение условий, максимально благоприятствующих *усилению заинтересованности основной массы крестьянства* в развитии с.-х. производства. Следует ли для достижения этой цели пойти по пути дальнейшего и заметного повышения хлебных цен? Несмотря на то, что в такой прямой форме предложения повышения цен на зерновую продукцию не поступает, эта линия неизбежно логически вытекает из всей постановки вопроса у некоторых товарищей, неверно учитывающих хозяйственную обстановку. Борьба с затруднениями такими средствами в конечном счете привела бы к усилению трудностей. Повышение цен на зерновую продукцию при стабильности цен на прочие продукты сельского хозяйства, вызывая серьезную ломку в соотношениях цен, поставило бы хозяйство перед кризисными затруднениями в области производства с.-х. сырья. А так как с.-х. сырье и сейчас является тем минимумом, в который упирается развитие ряда отраслей легкой индустрии, такое мероприятие могло бы задержать темпы развития последней и тем самым неблагоприятно отразиться на товарном балансе города и деревни не в пользу города. А это, в свою очередь, привело бы к сокращению темпов развития товарности сельского хозяйства.

Перспективы дальнейшего развития спроса на внутреннем рынке (не говоря уже о проблеме внешней торговли) с особой остротой выдвигают вопрос об обеспечении значительно более быстрых темпов развития сельского хозяйства в целом, в том числе зернового производства. Имеются ли об'ективные основания для расчетов, что такие темпы фактически окажутся выполнимыми? В отношении всего минувшего периода развития необходимо уяснить себе, что отставание сельского хозяйства являлось вынужденным. Быстрые темпы роста сельского хозяйства возможны лишь на основе организации крупных хозяйств (а в условиях советской формы хозяйства—коллективов и совхозов), на основе решительного под'ема техники сельского хозяйства (химизация и машинизация). Дробность, распыленность и разбросанность крестьянского хозяйства являются величайшим препятствием для достижения быстрых темпов. В условиях нашей действительности—монополии внешней торговли, экономической полублокады и проч.—техническая реорганизация сельского хозяйства, а в связи с последней и социально-экономическая его реконструкция возможны в основном при наличии более или менее мощной, развитой советской индустрии. Минувшие годы в этом отношении для сельского хозяйства являются годами *подготовительными*. Значительные темпы в развитии индустрии, на

первый взгляд кажущееся «однобоким» развитие хозяйства с его индустриального конца при отставании сельского хозяйства об'ективно для последнего *означают накопление тех минимальных производственных резервов*, при помощи которых в дальнейшем должны быть соответственно развернуты производительные силы сельского хозяйства. Историческое оправдание отсталых темпов сельского хозяйства и вытекающих отсюда для настоящего периода кризисных затруднений заключается именно в этом стратегическом хозяйственном маневре. Как бы болезненно на данном этапе развития ни отражался на хозяйственном организме этот маневр, это все же единственный путь, реально обеспечивающий рабочему классу и основной массе крестьянства не только «длительно наиболее быстрый темп развития», но и тот *тип* развития, который необходим для *социалистического* строительства. Несмотря на то, что наша промышленность, при всех высоких темпах ее развития, далеко еще не догнала и не перегнала промышленность передовых капиталистических стран, можно ли считать, что мы вступаем уже в ту *переломную* полосу развития нашего хозяйства, когда накопленные и накапливаемые резервы производительных сил дают возможность двинуть быстрыми темпами развитие сельского хозяйства, когда исторически сложившиеся диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью пойдут постепенно не в гору, а под гору? Ответом на этот вопрос могут служить последние наметки пятилетнего плана развития нашего хозяйства, которые должна будет обсудить предстоящая партийная конференция. В отношении сельского хозяйства пятилетка намечает чрезвычайно высокие темпы развития, если даже брать так называемый отправной вариант (который ниже второго варианта—оптимального). За пятилетие 1927/28 г. — 1932/33 г. намечается рост посевной площади под зерновыми культурами на 15% при росте продукции на 35,4% и росте товарного хлеба на 109,0%; рост посевной площади под технические культуры—51,2% при росте продукции на 93,7%, хлопка—на 133,5%, сахарной свеклы—на 66,5%; рост продукции животноводства намечается: по мясу на 32,5%, по яйцам—на 76,3%, по шерсти—на 26,7%, по кожам—на 15—22% и т. д. К концу пятилетия намечается значительное возрастание удельного веса обобществленного сектора в сельском хозяйстве, который должен дать около 40% всего товарного зерна; количество сельского населения должно даже несколько сократиться в индивидуальном секторе при приостановке роста числа индивидуальных хозяйств. При соблюдении таких темпов развития сельского хозяйства изживание кризиса хлебного снабжения страны намечается через два года и создается возможность, кроме того, возобновить экспорт зерна. Для достижения таких результатов намечается довести годовое потребление удобрений к 1932—33 г. до 5 млн. тонн, бросить в деревню в течение пятилетия 188 тыс. новых тракторов, добиться больших сдвигов по переходу на многополье, по применению сортовых семян и т. п. Проведение в жизнь программы пятилетки потребует огромного напряжения всех производительных сил страны, ставит, в частности, перед промышленностью огромной трудности задачи, превращает ее действительно в *ведущую* отрасль хозяйства. Самая возможность постановки в качестве практической программы таких наметок дает наиболее убедительную оценку всему предшествующему этапу развития нашего хозяйства и должна внести ясность и определенность относительно путей дальнейшего развития. В настоящий момент, когда хозяйство страны испытывает огромные затруднения, потребность в правильной ориентировке как в отношении оценки прошлого, так и уяснения перспектив предстоящего этапа развития ощущается с особой силой каждым членом партии, каждым сознательным пролетарием.

Г. Дукор.

Себестоимость, производительность труда и трудовая дисциплина.

Ноябрьский пленум Центрального Комитета партии в своей резолюции по контрольным цифрам на 1928—29 г. отметил, что хозяйственный план текущего года «является посильным, но крайне напряженным». Вместе с тем он указал, что условием выполнения хозяйственного плана является решительный перелом в сторону повышения качества работы всех звеньев хозяйственной системы. И это вполне понятно, ибо диктуемый нам быстрый темп индустриализации требует максимально полного использования всех материально-технических ресурсов нашего хозяйства; ограниченность же об'ема последних с особой настойчивостью выдвигает задачу качественно лучшего их использования.

Если «восстановительный» период характеризовался преимущественно бурным ростом количественных показателей промышленности и всего народного хозяйства в целом, то в реконструктивный период проблемы количественного порядка находятся в прямой зависимости от повышения качества работы. Это относится ко всем сферам народного хозяйства. Но особенно выпукло эта взаимная обусловленность и переплетение вопросов количественного и качественного порядка обнаруживается в промышленности.

Общеизвестно, что мы не сможем выполнить план роста валовой продукции текущего года без соответствующего роста производительности труда, лучшего использования рабочей силы, сырья, топлива и оборудования и т. д. В целом ряде отраслей мы ощущаем резкий недостаток сырья и полуфабрикатов, а при ограниченности наших импортных возможностей размеры производства могут быть расширены только за счет рационального и лучшего их использования.

Экономическим выражением улучшения качественных показателей работы промышленности является снижение себестоимости. Уже одно это обстоятельство выдвигает проблему себестоимости, как центральную проблему промышленности. Вопросы себестоимости привлекают наше внимание еще и потому, что уровень издержек производства определяет размеры внутрипромышленного накопления. Финансовый же план промышленности построен с учетом этих накоплений. Недовыполнение плана по линии себестоимости означает поэтому прорыв финансового плана промышленности. Это ставит под угрозу план капитального строительства, т.-е. по существу весь хозяйственный план текущего года. Ведь нельзя забывать, что размер капитальных вложений—это вопрос темпа индустриализации страны. Не даром все критики осуществляемого партией курса на быструю индустриализацию страны сосредоточивают свой огонь на плане капитального строительства.

Но все значение проблемы себестоимости этим не исчерпывается. Издержки производства являются основой политики цен, а уровень цен это—вопрос смычки рабочего класса и крестьянства, это вопрос наших взаимоотношений с мировым рынком. Поэтому, не боясь преувеличения, можно

сказать, что все основные проблемы социалистического строительства связываются в один узел с заданием по снижению себестоимости, в котором, вместе с тем, как в фокусе, отражаются все трудности, связанные с выполнением хозяйственного плана.

Хозяйственные трудности текущего года не могли не отразиться на условиях работы промышленности. Рост цен на некоторые виды с.-х. сырья, рост бюджетного индекса, продовольственные затруднения и т. д.,—все это факторы, чрезвычайно осложняющие работу промышленности и ставящие значительные преграды на пути снижения себестоимости.

В прошлом году себестоимость была снижена на 5,5%, при этом мы имели стабильность или даже снижение цен на сырье и некоторые материалы. В этом году условия в корне отличны. Жесткое задание по снижению себестоимости на 7% должно быть осуществлено в условиях повышения цен на с.-х. сырье, роста налогов, пошлин и т. д.

Если, таким образом, расходы, не зависящие от промышленности, влияют в текущем году на себестоимость удорожающим образом, то центр тяжести задания по снижению себестоимости переносится на факторы внутрипроизводственного порядка: улучшение всех технико-экономических показателей, рост производительности труда и т. д.

В этом отношении представляет большой интерес ориентировочный подсчет К. Ц. ВСНХ по той экономии, которую должна была получить промышленность от факторов внутрипроизводственного порядка, чтобы осуществить снижение себестоимости в пределах 6%. Эта экономия должна была составить сумму в 792 млн. руб., и распределяется она по предельным элементам следующим образом:

	Сумма (в млн. р.).	Экономия в %%	Сумма эконом. в млн. р.
Сырье с.-х. происхождения	2.800	2,0	56
„ и матер. пром. происхожд.	1.000	5,0	50
Топливо и энергия	600	10,0	60
Зарплата	3.000	13,0	390
Соц. расх. и накладн. расх. на зарплату	800	15,0	120
Попенная плата (акциз, налоги и пр.)	500	—	—
Амортизация	800	2,0	16
Прочие расходы	500	20,0	100
Итого	10.000	7,92	792

Из этой таблицы видно, во-первых, что промышленность за счет лучшего использования сырья, топлива, роста производительности труда и т. д. предполагала снизить себестоимость почти на 8% и, во-вторых, решающим моментом в этом снижении должен был явиться рост выработки на рабочего. Так, из экономии в 792 млн. руб. 390 млн. руб. получаются в результате роста производительности труда и 120 от уменьшения в связи с этим социальных и накладных расходов на зарплату. Но благодаря росту расходов, не зависящих от промышленности, в пользу внутрипромышленного накопления идет только часть экономии, получаемой от факторов внутрипроизводственного порядка. Другая часть должна была поступить частью (56 м. р.) в сельское хозяйство через повышение цен на с.-х. сырье и частью (204 м. р.) на повышение зарплаты рабочих и связанных с этим социальных и накладных расходов. В итоге только около 532 млн. руб. остается в пользу промышленности, что, примерно, должно было бы дать снижение себестоимости на 5,5%. После сверстки К. Ц. выявился целый ряд новых расходов, не предусмотренных К. Ц.: больший рост цен на с.-х. сырье импортного и туземного происхождения, повышение налогов на 40 м. р., пошлин—на 28 м. р. и т. д. Плановое же задание по снижению себестоимости было доведено до

7% против 6%, намечавшихся К. Ц. ВСНХ. Это еще в большей мере повысило требования к промышленности по улучшению показателей внутрипроизводственного порядка, и рост производительности труда был запроектирован в 17% против 15%, намечавшихся К. Ц. ВСНХ. Все это в достаточной степени характеризует те трудности, которые стоят на пути снижения себестоимости в текущем году. Но предпосылки для преодоления этих трудностей у промышленности имеются. Капитальные вложения предшествующих лет позволили значительно повысить материально-техническую базу промышленности. Пущенные в прошлые годы реконструированные и новые предприятия должны уже начать давать свой эффект в текущем году.

В первом квартале промышленности не удалось преодолеть трудности, стоящие на пути снижения себестоимости. Более того, выявился ряд отрицательных моментов, ставящих под угрозу выполнение плана. По предварительным данным, охватывающим 75% продукции, в первом квартале промышленности удалось снизить себестоимость только на 2% против 6,8% годового задания по учтенной группе предприятий. По группе средств производства это снижение составляет — 4,04%, а по группе средств потребления только—0,9%... По целому ряду отраслей имеет место даже повышение себестоимости. Так, по хл.-бум. промышленности это повышение составляет +1%, по сахарной +5%, махарочной +0,7%, маслобойной +3% и т. д.

Отрывочные сведения, которые поступают от отдельных трестов, свидетельствуют о том, что сдвига в деле снижения себестоимости во 2-м квартале еще не наступило. Более того, в ряде случаев (Уралмет, Югосталь, Донуголь) отмечается в январе повышение себестоимости по сравнению с 1-м кварталом. Все это заставляет обратить самое серьезное внимание на причины, обусловившие столь неблагоприятную динамику себестоимости в истекшем отрезке хозяйственного года.

Каковы же причины, обусловившие такие результаты? Исчерпывающего ответа на этот вопрос при том состоянии материалов, которым мы располагаем, пока дать трудно. Но анализ элементов себестоимости отдельных отраслей говорит о том, что решающим фактором является недостаточный рост производительности труда и вздорожание сырья. Здесь, в первую очередь, следует отметить, что в целом ряде отраслей неблагоприятное влияние на динамику издержек производства оказывали затруднения и перебои в снабжении сырьем и полуфабрикатами как туземного, так и импортного происхождения. В этом году наблюдается значительное ухудшение сырьевого снабжения против плановых предположений, что в одних отраслях вело к сокращению сезона производства и неполной загрузке заводов (сахарная, крахмало-паточная и винокуренная), а в других—к увеличению простоев сверх намеченных планом (льняная, хлопчатобумажная). Кроме того, неблагоприятное влияние оказывало на динамику себестоимости повышение цен и ухудшение качества сырья (льняная, маслобойная, крахмало-паточная). Отчасти в связи с этим план в части снижения себестоимости в названных отраслях не был выполнен. Но даже в этих отраслях легкой индустрии, сильно зависящих от сырья сельскохозяйственного происхождения, было бы глубоко ошибочным относить недовыполнение плана по снижению себестоимости целиком за счет сырьевой кон'юнктуры. Нужно сказать, что значительную роль в этом отношении сыграли и факторы внутрипроизводственного порядка.

Характерен пример с хлопчатобумажной промышленностью. В последней повышение издержек производства в 1 квартале произошло за счет вздорожания импортного хлопка. Стоимость сырья в 100 метрах ткани повысилась в 1 кв. 1928—29 г. на 4,8%, а стоимость обработки снизилась только на 4,1% против 8%, предусмотренных планом. Если бы хлопчатобумажная промышленность выполнила план по снижению стоимости обработки, что зависело от улучшения качества работы самой промышленности, то в результате 1-й квартал был бы в этой отрасли промышленности значительно более благоприятным. Аналогичная картина имеет место и в других отраслях, связанных с вздорожанием сырья. Если, таким образом, даже в этих отраслях неблагоприятный итог нельзя об'яснять исключительно факторами, не зависящими от промышленности, то тем более этого нельзя делать по отношению к целому ряду других отраслей. В этих случаях об'яснение недовыполнения плана по снижению себестоимости приходится искать внутри самой промышленности. Здесь решающим является недостаточный рост производительности труда.

Это очень наглядно видно на примере каменноугольной промышленности. Снижение себестоимости по Донуглю составило в первом квартале 2,1% против годового задания в 4,6%. Себестоимость тонны угля составляла в первом квартале 10 р. 44,5 коп., против 10 р. 15 коп., предусмотренных сметой. Этот перерасход в 30 коп. почти полностью обусловлен недостаточным ростом производительности труда, вследствие чего зарплата составляла в себестоимости тонны угля 5 р. 55,4 к. против 5 р. 30 к. по смете.

Выше мы видели, насколько выполнение плана по снижению себестоимости всей промышленности в текущем году зависит от соответствующего роста производительности труда.

В истекший же отрезок хозяйственного года наметилось явное нарушение плановых заданий по труду. Количество рабочих, занятых в промышленности, растет из месяца в месяц, несмотря на то, что в промышленности накопились известные излишки рабочей силы. План предусматривал прирост рабочей силы на 3,8%, т.-е. в размере 82 тысяч человек по сравнению с среднегодовым за прошлый год. В первые 5 месяцев текущего хозяйственного года этот прирост составляет уже 5,8%, т.-е. около 145 тыс. чел. В целом ряде отраслей излишки достигают значительных размеров. Так, в одной текстильной промышленности они исчисляются в размере 25 тыс. человек. Наличие излишней рабочей силы затрудняет проведение ряда рационализаторских мероприятий.

Если в этих условиях промышленности не удастся несколько рассосать излишнюю рабочую силу, то даже при стопроцентном выполнении производственной программы выработка на одного рабочего возрастет к концу года только на 14% против 17%, предусмотренных планом.

В среднем за истекшие 5 месяцев выработка на одного рабочего возросла по сравнению с соответствующим периодом прошлого года на 10,5%. Номинальная же заработная плата возросла за этот период на 8,8% против 6,9%, предусмотренных планом. В этом разрыве между ростом производительности труда и номинальной заработной платы лежит основная причина недовыполнения плана по снижению себестоимости в I кв.

В истекший период текущего хозяйственного года мы имеем систематическое из месяца в месяц снижение аккумулированных приростов выработки на одного рабочего (см. табл. на след. стр.).

В то время, как за 2 месяца октябрь—ноябрь прирост месячной выработки на 1 рабочего составил 13,7%, за 4 месяца этот прирост составляет уже 11,1%, а за 5 месяцев только 10,5%. Такая динамика об'ясняется условиями развертывания производства в прошлом и в настоящем году. Во-первых, первый квартал прошлого года имел пониженный уровень производства, и, во-вторых, на пять месяцев прошлого года падало большее количество рабочих

Таблица аккумулированных[1]) суммированных приростов за 5 месяцев 1928—29 г.

В среднем за:	Валовая продукция в дов. руб.		Численность рабочей силы		Месячная зарплата в черв. руб.		Мес. выработ. на спис. рабоч. (в дов. руб.)	
	В %/% к соответ. периоду пр. г.	В %/% к средн. месячн. пр. г.	В %/% к соответ. периоду пр. г.	В %% к средн. месячн. пр. г.	В %% к соответ. периоду пр. г.	В %% к средн. месячн. пр. г.	В %% к соответ. периоду пр. г.	В %% к средн. месячн. пр. г.
Октябрь	126,7	117,6	109,2	104,6	113,3	110,4	116,0	111,7
Окт.—Ноябрь .	124,2	114,8	109,2	104,9	113,3	105,9	113,7	108,9
Окт.—Декабрь .	121,8	116 2	109,2	105,2	109,7	105,0	111,5	109,6
Окт.—Январь . .	121,1	117,6	109,0	105,6	108,9	105,2	111,1	110,7
Окт.—Февраль .	120,1	117,6	108,8	105,8	108,8	105,0	110,5	110,5

дней, чем в этом году. Эти два обстоятельства обусловили понижение аккумулированных приростов валовой продукции из месяца в месяц, что при росте рабочей силы приводило к понижению приростов выработки на 1 рабочего. Эти же причины действуют и в марте, в результате следует ожидать в ближайший месяц дальнейшего понижения прироста выработки на 1 рабочего по сравнению с соответствующим периодом прошлого года. Все эти данные говорят о том, *что план роста производительности не выполняется и необходимо наметить ряд мероприятий, которые должны выправить положение в остающуюся часть года.*

Сами мероприятия и их эффект зависят от выяснения причин, обусловливающих столь неблагоприятную динамику выработки на 1 рабочего. На одну из этих причин мы указывали—это наличие излишков рабочей силы. И вывод, который здесь напрашивается, очевиден. Необходимо хозорганам и профсоюзам взяться за энергичное проведение в жизнь соответствующих постановлений на этот счет. Нужно освободить наши фабрики и заводы от накопившейся на них излишней рабочей силы.

При этом следует подчеркнуть, что на хозорганах, профсоюзах и органах Наркомтруда лежит обязанность изыскания путей наиболее безболезненного решения этого вопроса.

Но вопрос этим не решается. Производительность труда, как известно, зависит, с одной стороны, от производительной силы труда, т.-е. от улучшения техники и рационализации производственных процессов, с другой—от интенсивности труда. Истекший период времени как раз характеризуется тем, что технические возможности на наших фабриках и заводах не используются полностью. Это, с одной стороны, об'ясняется факторами об'ективного порядка: рядом затруднений в области снабжения сырьем и полуфабрикатами, недостатком квалифицированной рабочей силы, а с другой—факторами суб'ективного порядка, тем падением трудовой дисциплины, которое все больше становится моментом, нарушающими нормальный ход производственного процесса.

Можно привести много примеров, когда самые лучшие предприятия, оборудованные по последнему слову техники, не дают соответствующего эффекта потому, что мы не научились как следует работать и использовы-

[1]) Приведенные в настоящей таблице данные характеризуют для каждого месяца года отношение размеров производства, числа рабочих, месячной зарплаты и месячной выработки 1 рабочего за истекшую часть года, начиная с октября, к размерам их за соответствующий период прошлого года и среднегодовой за прошлый год.

вать те возможности, которые открываются перед нами благодаря повышению технического уровня нашей промышленности.

XV с'езд партии, поставив снижение себестоимости как центральную проблему промышленности, вместе с тем указал, что главным методом ее разрешения является социалистическая рационализация производства. Вот этот основной рычаг снижения себестоимости использовывается нами еще крайне слабо. Промышленность располагает огромными резервами, но основное зло в том, что эти резервы иммобильны, что они не реализуются, что в производственной и иной деятельности наших фабрик и заводов ряд крупнейших недочетов не изживается с необходимой интенсивностью. Наши газеты пестрят несчисленным множеством вопиющих фактов невнимательного, нерадивого, бюрократического отношения к делу улучшения качества работы промышленности. Бесхозяйственность, неумение рационально использовать силы и средства, брак и т. д., к сожалению, еще очень часто встречаются на наших заводах и фабриках. На некоторых заводах брак достигает огромных размеров, ложась огромным накладным расходом на нашу промышленность. Так, по ЮМТ убыток от брака в 1927—28 году составил 2.346 тыс. руб. что составляет 2,8% себестоимости. По отдельным заводам, как, например, по Луганскому, убыток от брака составил даже 4,5% себестоимости продукции, по Харьковскому—3,2% и т. д.

Можно привести факты из целого ряда других фабрик и заводов, которые дают не менее неутешительную картину. Так, по Златоустовскому механическому заводу по центрально-инструментальному цеху за 4 м. 1928—29 г. брак составил 13,14%. На Трехгорной мануфактуре убыток от брака в прошлом составил 661 тыс. руб. Было забраковано почти 10 млн. метр. ткани.

Не меньшим злом являются простои. В прошлом году по всей цензовой промышленности на 1 рабочего приходилось 1,7 простойных дня, что дает потерю около 5 млн. рабочих дней. В отдельных случаях простои достигают огромных размеров. Так, на Лысьвенском заводе простои составляли в первом квартале тек. года 2,4% от всего отработанного рабочего времени, и рабочим выплачено за простойное время 1,24% фонда зарплаты. На Златоустовском заводе простои за этот период времени составляли 4,4% от всего отработанного времени. Но особенно рекордными являются цифры простоя по обогатительным фабрикам Благодатского рудника. Так, в первом квартале текущего года по дробильной фабрике на 391 тыс. час. полезной работы было простоев 508 тыс. час., по магнито-обогатительной на 824 тыс. час. работы—простоев 609 тыс. час., по агломерационной фабрике на 658 тыс. час. работы—простоев 725 тыс. часов. Все эти факты свидетельствуют о том, что на наших фабриках и заводах сделано еще чрезвычайно мало для того, чтобы добиться действительного улучшения качества работы. Здесь открываются значительные возможности, которые можно и должно использовать.

Но, к сожалению, дело изучения и выявления этих возможностей поставлено на наших предприятиях из рук вон плохо. В большинстве случаев отсутствует планомерно поставленное изучение и борьба с потерями в производстве, которые обходятся нашей промышленности в миллионы рублей.

Здесь обращает на себя внимание то обстоятельство, что улучшение организационных форм и методов работы, перевод их на более высокую ступень у нас отстает от темпа технического перевооружения промышленности. Это отставание организационных форм производства от уровня нашего оборудования видно хотя бы из того, что «между временем, *потребным* на технологический процесс производства того или иного вида продукции, и временем *фактического* нахождения его в производстве—очень большая диспропорция» [1]). Этим об'ясняется чрезмерное накопление на наших

[1]) См. статью тов. Рухимовича «Важнейшие звенья производственной работы» «Правда» 26/III—28 г.

предприятиях полуфабрикатов, материалов, незавершенного производства и т. д. Отсюда увязка лишних средств в производстве, медленная оборачиваемость капитала и удлинение производственного цикла.

Следует также признать, что планирование непосредственно производственного процесса на наших предприятиях поставлено слабо, в результате чего,—как отмечает тов. Рухимович,—цех с цехом, операция с операцией, подготовка производства и исполнение — недостаточно увязаны, и работа идет не планомерно и бесперебойно, а толчками. Все это с особой настойчивостью выдвигает задачу взяться всерьез за дело изучения и улучшения организационных форм и методов работы на наших фабриках и заводах.

В одном только устранении отрицательных моментов в работе фабрик и заводов кроется источник огромных резервов для достижения более высоких темпов количественного роста и более успешной работы по снижению себестоимости. Об этом свидетельствует работа комиссий ВСНХ, обследовавших важнейшие отрасли промышленности и промышленные районы. Несмотря на напряженность наших планов, комиссии в целом ряде случаев с согласия руководителей трестов и предприятий повысили плановые задания по снижению себестоимости. Так, украинские комиссии, работавшие под руководством тов. Рухимовича, нашли возможным повысить для обследованных ими предприятий задания как по выпуску продукции, так и по снижению себестоимости.

По Краматорскому заводу путем пересмотра программы, анализа технико-производственных моментов комиссия нашла резервы для дополнительного выпуска 33 тыс. тонн чугуна, 10 тыс. тонн мартеновской болванки (до 120 т. т. против первоначальных 110 т. т.), 8,7 т. т. проката. Задание по снижению себестоимости увеличено в среднем по заводу на 1,5%.

На Луганском заводе задание по снижению себестоимости увеличено на 0,5%.

На Харьковском электромеханическом (ХЭМЗ) задание по выпуску увеличено на 3%, дополнительное задание по себестоимости дано на 2% (уже с учетом роста цен на потребляемые заводом сырье и материалы).

На Константиновском химическом задание по серной кислоте увеличено на 2,5 т. т., а по снижению себестоимости увеличено на 1%.

На стекольном заводе «Фурко» задание по снижению себестоимости увеличено до 17,5% вместо ранее намеченных 12,5%, а программа увеличена на 10%.

Не меньшим злом, чем брак и простои, являются аварии, которые участились в последнее время. Это учащение аварий связано, с одной стороны, с перенапряжением на некоторых предприятиях основного капитала, плохим качеством сырья, а с другой—с тем падением трудовой дисциплины, о котором так много пишут в нашей печати.

Характерно, что в предпраздничные и послепраздничные дни количество простоев из-за выхода из строя оборудования резко повышается. В целом ряде случаев непосредственной причиной аварии является пьянство или сон на работе.

Так, на одном из заводов Югостали сон машиниста на водокачке привел к остановке ее, вследствие чего стал весь завод. Это обошлось в полмиллиона рублей. На Лысьвенском заводе (Урал) в ноябре 1928 года мастер эмалировочного цеха проспал 40 минут дежурства, в результате чего произошла авария, обошедшаяся заводу в 50 тыс.. рублей.

Одним из важнейших факторов недостаточного роста производительности труда является ослабление трудовой дисциплины.

Некоторые профсоюзные работники несколько месяцев назад пытались даже отрицать самый факт падения трудовой дисциплины, ссылаясь на то, что нет соответствующих статистических материалов, которые могли бы лечь в основу тех или иных выводов.

Обычно основным показателем состояния трудовой дисциплины считают самовольные прогулы рабочих, но, как мы увидим в дальнейшем, это не совсем верно, так как при этом упускают из виду, что наблюдающиеся в промышленности формы падения трудовой дисциплины далеко выходят из рамок прогульности. Гораздо более неблагоприятно отражаются на производстве такие формы падения трудовой дисциплины, как приход на работу в нетрезвом виде, употребление спиртных напитков на работе, невыполнение распоряжений администрации, сон на работе, оскорбления и грубое обращение, драки, курение в огнеопасных местах, небрежность в работе, а иногда простая порча оборудования и инвентаря и т. д.

Все же размер прогулов, если его брать в связи с целым рядом других показателей, в известной мере характеризует состояние трудовой дисциплины.

Как же обстоит дело с прогулами в нашей промышленности? Учет использования рабочего времени ведется ЦСУ по всей цензовой промышленности и за последние два года рисуется в следующем виде:

На одного рабочего приходится в среднем дней

Годы	Пропущенных по разным причинам	В том числе					
		Работа в орг.	Очередные отпуска	Отпуска по болез.	Прогулы	В том числе	
						Уваж.	Неуваж.
1926/27	39,7	1,5	14,1	14.8	9,3	4,0	7,3
1927/28	38,8	1,6	12,2	15,0	7,9	1,9	6,0

Как видно из этой таблицы, в истекшем году (1927—28 г.) количество рабочих дней, пропущенных одним рабочим, по сравнению с 1926—27 г. уменьшилось на 0,9 дня. Еще в большей мере уменьшились прогулы по неуважительным причинам, составив 6 дней на одного рабочего в 1927/28 году против 7,3 дней в 1926/27 году. Несмотря на некоторое уменьшение прогулов, все же они достигают значительных размеров, почти вдвое превышая довоенную норму. Так, в 1913 году на одного рабочего приходилось 4,6 прогульных дней, а в 1927—28 году—7,9. Такое положение с прогулами причиняет нашей промышленности огромный вред. В истекшем году по всей промышленности, вследствие только прогулов по неуважительным причинам, потеряно было 18.096 тысяч рабочих дней, что повлекло недовыработку продукции на 225 млн. руб.

Если по всей промышленности в целом мы все же имеем некоторое уменьшение прогулов, то в целом ряде отраслей прогулы достигают значительных размеров, когда вследствие невыходов останавливается работа целых цехов, чем создаются перебои в производстве, основанном на согласованной работе цехов. Так, напр., на заводе им. Дзержинского (Югосталь) в дни религиозных праздников в отдельных цехах на работу не выходит до 26% рабочих, а в дни после получек—12%. На Коломенском заводе в «николин день» 19/XII 28 г. не вышло на работу 562 рабочих, в то время как в среднем в декабре прогуливало всего 83 человека.

На заводе «Серп и Молот» (Харьков) после получек невыходы по кузнечному цеху составляют 10%. Если же один кузнец не выходит—3 слесарям делать нечего. Останавливается кочвейер, прекращается производство борон. В день старого рождества в доменный цех завода им. Петровского (Югосталь) не явилось 250 рабочих—полный штат, обслуживающий домну. На Сталинском заводе (Югосталь) для замены невыходящих в дни получки содер-

жится специальный штат в 500 человек, но его нехватает, и приходится производить временный набор рабочих на 1—2 дня.

Количество прогулов растет в предпраздничные и послепраздничные дни, что особенно наглядно можно видеть из нижеследующей таблички, характеризующей прогулы рабочих Донугля в 1 кв. текущего года, распределенные в % по дням недели[1]).

	Понедельн.	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Субб.	Итого
Невыходы по неуважит. причинам	20,5	15,7	14,3	14,5	14,0	21,0	100
Невыходы по уважит. причинам	17,3	16,6	17,4	16,8	15,8	16,6	100

Мы уже отмечали, что падение трудовой дисциплины проявляется не только и не столько в прогулах, а в самых разнообразных формах. Так, по 8 заводам Югостали нарушения правил внутреннего распорядка за 1927—1928 год составило 103.568 случаев, из них прогулы—77.828; невыполнения распоряжений администрации—5.276; пьянство — 1.025; хулиганство—1.351; оскорбление техперсонала и администрации действием и словами—1.052; симуляция — 1.753; сон на работе — 2.178; порча оборудования — 1.468; порча материалов — 145; преждевременный уход с работы — 2.950; драка между рабочими—137; несвоевременная явка на работу—2.087; игра в карты—64; кражи—262; прочие—5.992; всего 103.568 случаев. Эти цифры не полностью охватывают действительные нарушения трудовой дисциплины, так как не все нарушения своевременно учитываются. Можно привести аналогичные примеры из целого ряда других трестов и предприятий. Но и этого вполне достаточно. Все эти примеры говорят за то, что состояние трудовой дисциплины не может быть признано удовлетворительным.

Понятно, нельзя найти точного количественного показателя уровня трудовой дисциплины: здесь приходится преимущественно опираться на качественную характеристику, оперируя рядом фактов и примеров. Было бы, однако, крупнейшей ошибкой думать на основании этого, что на наших фабриках и заводах только и имеют место факты нарушения трудовой дисциплины. Если бы это было так, мы не имели бы тех достижений в области промышленности, какие мы имеем за последний год. На ряду с фактами нарушения трудовой дисциплины можно привести не меньшее, а большее качество примеров самопожертвования и героизма, проявленного как отдельными рабочими, так и группами рабочих в деле нашего строительства. Но потому, что в настоящее время резко выявилось неблагополучие с трудовой дисциплиной, необходимо заострить внимание на этой стороне дела. Здесь нужно признать, что уровень трудовой дисциплины на наших фабриках и заводах не соответствует как поднятию промышленности на более высокую организационно-техническую ступень, так и тем задачам, которые поставлены перед промышленностью всем ходом социалистического строительства. Замазывать этот факт не следует, это принесет только вред, а нужно наметить ряд мероприятий, чтобы создавшуюся диспропорцию изжить. Это обстоятельство и вынудило ВЦСПС обратиться к рабочим со специальным воззванием, а СНК и НКТ издать специальное постановление, усиливающее ответственность за ряд нарушений правил внутреннего распорядка.

Если факт падения трудовой дисциплины в настоящее время ни кем не оспаривается, то все же возникает вопрос о тех условиях и предпосылках, которые привели к расшатыванию нормальной производственной обстановки на наших фабриках и заводах.

Бесспорно, что фоном, на котором начали усиленно развиваться эти отрицательные явления, являются наши хозяйственные и продовольственные

[1]) По данным Кон'юнктурного Института ЦСУ.

затруднения. Не случайно то обстоятельство, что больше всего падение трудовой дисциплины дает себя чувствовать в Донбассе и других районах Украины, которые в связи с недородом больше других испытывают продовольственные затруднения текущего года. Связанные с этим простаивание в очередях, рост бюджетного индекса не могли не оказать влияния на известную менее устойчивую часть рабочих, не прошедших фабричной школы и связанных с деревней.

Общеизвестно, что в промышленность за последние годы влилось огромное количество новой рабочей силы, главным образом выходцев из деревни. Количество рабочих по цензовой промышленности с 2307,3 тыс. человек в I полугодии 1926—27 года увеличилось до 2616,2 тыс. человек, во II полугодии 1927—28 г., т.-е. на 308,1 тыс. человек.

Если в восстановительный период рост рабочей силы происходил преимущественно за счет возвращавшихся в производство старых рабочих, то за истекшие 2 года реконструктивного периода основным источником пополнения фабрично-заводского пролетариата являются выходцы из деревни, никогда раньше не работавшие на фабриках и заводах.

Эти в большей части, как говорится в резолюции XIV с'езда партии, «молодые крестьяне прямо из деревни совершенно незнакомы с фабрикой, борьбой рабочего класса, его задачами и организациями. Эта часть новых рабочих, еще больше связанная с землей, чем с фабрикой, целиком проникнутая крестьянскими интересами, полуграмотная или совсем неграмотная, в своем большинстве склонна держаться в стороне от основной пролетарской массы, ее интересов и общественности и рассматривать себя как случайных, временных гостей фабрики, завода, города».

Эти новые кадры рабочих, не прошедшие фабрично-заводской школы, по своему культурно-классовому уровню стоят значительно ниже основных масс пролетариата. Не пройдя школы крупного фабричного производства, требующего определенного уровня трудовой дисциплины, не осознав еще задач и значения развертывающегося в нашей стране социалистического строительства, эти слои подчас «рвачески» относятся к социалистической фабрике и заводу. Наши профессиональные союзы не обратили достаточного внимания на перевоспитание этой, не осознавшей еще своих классовых интересов массы. Более того, профсоюзы не поспевают даже вовлечь полностью всех рабочих в члены союза. Так, на 1/IV—28 г. по группе союзов промышленных рабочих союзным членством было охвачено 94,1% всех занятых в промышленности рабочих. Остаются неорганизованными около 6% всех рабочих, что в абсолютном выражении дает внушительную цифру в 200 тысяч человек.

К сожалению, нет статистических данных, на основании которых можно было бы судить о тех сдвигах, которые произошли в социальном составе пролетариата за последние годы. Поэтому большой интерес представляют данные ЦК союза металлистов, полученные в результате выборочного обследования новых кадров на 20 крупнейших заводах металлопромышленности. На обследованных заводах количество выходцев из деревни и связанных с нею рабочих весьма значительно. Так, на Балтийском заводе по корпусному цеху 85,0% рабочих связано с деревней, по Нижнему заводу Приокского района—69,0%, на зав. им. Дзержинского (Днепропетровск)—46,7%, на заводе им. Ленина (Днепропетровск)—54,3%, на Мытищинском заводе (Москва)—30% и т. д.

Не менее интересными представляются данные, характеризующие состав этих рабочих, связанных с деревней. Оказывается, что среди них имеется значительный % имеющих хозяйства с применением наемной рабочей силы.

По Балтийскому заводу из 93 обследованных хозяйств 10,8% применяют круглый год наемную силу, а 6,5% во время сезона.

По заводу им. Ленина в Днепропетровске—1.067 чел. владеют 3.850 га земли, 232 лошадьми, 400 коровами и т. д.

На зав. им. Дзержинского 3.327 рабочих имеют 10.830 га земли, 514 лошадей, 997 коров и 175 волов.

Очень характерны следующие отдельные факты: Никитин Н. Ф. имеет 8,7 га земли, 2 лошади, 2 коровы, одного постоянного работника и еще 2 работников во время сезона.

Алапаевский завод—Михеев, Я. А., не член союза, имеет пашни 10,9 га, сенокоса—10,9 га, полный с.-х. инвентарь, 7 лошадей, 2 дома.

Златоустовский механический завод—Миронов, П. С.—на заводе 5 месяцев, в союзе с мая 1928 г., имеет 23 га земли, 2 лошади, 2 коровы и 10 голов мелкого скота.

Топчий, В. М.—производственный и союзный стаж по одному году, имеет 10,9 га земли, 2 лошади, 1 корову, 2 вола.

По заводу им. Петровского индивидуальные хозяйства на выборку по отдельным цехам представляются в следующем виде:

Фамилия	Цех	Хозяйство						Произв. стаж	Союзный стаж
		Земли в га	Лошадей	Коров и волов	Овец	Свиней	Молодняка		
1. Старков. . .	Домен.	22,8	3	2	—	—	2	VI/23	III/24
2. Агапов . . .	„	20,5	1	—	—	—	1	VII/24	V/24
3. Моргов . . .	„	13,1	5	4	—	—	1	VII/27	X/27
4. Онищенко .	„	19,9	7	2	2	—	1	VII/25	—
5. Аубин . . .	„	13,3	6	2	—	—	—	VI/24	V/26
6. Оглобля. . .	Мостов.	15,8	2	1	—	—	3	VIII/26	IX/26
7. Чалый . . .	Механ.	20,6	3	5	10	2	—	VIII/25	X/25
8. Вотченко . .	Мартен.	15,9	2	1	10	—	—	V/24	X/24
9. Масляный. .	Прокат.	21,8	4	2	—	—	1	не выя	снено
10. Цимбал . . .	„	25,6	4	1	—	—	1	VIII/23	X/24

ЦК союза металлистов устанавливает, что «хозяйства отдельных рабочих носят ярко выраженный кулацкий характер (применение наемного труда, аренда и т. д.): благодаря отсутствию достаточного контроля за наймом рабочей силы на предприятия просачиваются также и зажиточные и явно кулацкие элементы, работа на предприятии для которых носит временный характер с целью получения побочного дохода к крестьянскому хозяйству».

Аналогичная картина наблюдается и в других отраслях промышленности. Так, например, из 4.000 рабочих Донсоды 1.200 чел. живут в селе. Их имущество оценивается в 1 млн. рублей. По 14 крупным текстильным фабрикам Москвы и Ив.-Вознесенска процент рабочих, связанных с деревней, очень велик, достигая в отдельных случаях 90.

Наличие такой значительной части рабочих, связанных с деревней, не привыкших к производственному режиму крупного производства, отрицательно отражается на трудовой дисциплине. Будучи недостаточно связаны с производством по своему бытовому и материальному положению, они труднее поддаются фабрично-заводской обработке. Специальная разработка по Енакиевскому заводу им. Рыкова показала, что «деревенщики», составляющие всего 30% общего числа рабочих, участвуют в самовольных прогулах на заводе в размере 75%. По Краматорскому заводу в течение года 75% выговоров получили рабочие с производственным стажем от 1 до 3 лет; 21%—со стажем от 3 до 10 лет и только 4%—свыше 10-летнего стажа.

Зажиточная прослойка среди рабочих, связанных с деревней, рассматривающих фабрику как временный источник добавочного дохода, подчас и

активно расшатывает трудовую дисциплину на наших фабриках и заводах. Хотя удельный вес ее незначителен, но деморализующее влияние, которое она оказывает на менее устойчивую часть рабочих, неизмеримо больше.

Не следует также забывать, что на наши фабрики и заводы попало много «бывших» людей: бывших домовладельцев, торговцев и т. д. Можно привести много таких примеров. На это обстоятельство указывал и Ленин. Поэтому он настаивал на необходимости определить понятие «рабочий» таким образом, чтобы под это понятие подходили только те, кто на самом деле по своему жизненному положению должен был усвоить пролетарскую психологию.

Проникшие в ряды рабочего класса за последние годы социально чуждые элементы в условиях обостряющейся классовой борьбы в стране становятся источником расхлябанности, недисциплинированности, подрывая изнутри наше социалистическое строительство.

«...Буржуазная и мелкобуржуазная стихия,—говорил Ленин,—борется против советской власти двояко: с одной стороны, путем прямых вооруженных восстаний, а с другой стороны, эта стихия действует изнутри, используя всякий элемент разложения, всякую слабость для подкупа, для усиления недисциплинированности, распущенности, хаоса».

Это выдвигает перед нами задачу, с одной стороны, более внимательного изучения тех социальных сдвигов, которые произошли в составе рабочего класса, а с другой—нужно более внимательно отнестись к самому процессу найма рабочей силы. Нужно добиться такого положения, чтобы был закрыт доступ кулацким и другим враждебным элементам на наши социалистические фабрики и заводы.

Неблагоприятное влияние на трудовую дисциплину оказывает огромная текучесть, которая имеет место на наших фабриках и заводах. Есть заводы, где состав рабочих за год меняется 2—3 раза. Эта текучесть рабочей силы связана главным образом с теми неблагоприятными жилищными условиями, которые существуют на многих наших предприятиях. Следующие данные по некоторым заводам Урала характеризуют остроту жилищного вопроса. Так, на Лысьвенском заводе на живущего приходится 3—2 кв. м., на Уфалейском—2,8 кв. м., на Бакольских рудниках—2 кв. м. и т. д. При этом следует иметь в виду, что в целом ряде случаев эта жилая площадь очень далека от благоустроенного жилища.

Падение трудовой дисциплины находится также в связи с ростом алкоголизма. Ряд грубейших нарушений трудового режима, драки обычно совершаются в нетрезвом виде. Поэтому рост потребления алкоголя среди рабочих в последние годы также является одной из причин нарушения трудовых процессов в промышленности. Рост потребления алкоголя среди рабочих по данным ежегодных (ноябрьских) бюджетов семейных рабочих, ведущихся ЦСУ, рисуется в следующем виде [1]:

Израсходовано на спиртные напитки в %%:

	1922	1923	1924	1925	1926	1927
К расходной части бюджета .	0,4	0,4	0,9	2,1	2,4	2,8
„ зарплате	0,4	0,5	1,3	2,4	2,9	3,9

Доля расходов на алкоголь в зарплате с 1922 по 1927 г. выросла свыше чем в 9 раз.

Потребление алкоголя больше распространено среди общественно пассивных и культурно отсталых групп рабочих. Это видно из следующей группировки, проделанной МГСПС по данным бюджетов 100 семей московских рабочих.

[1]) Материал этот приведен в № 5—6 «Путей Индустриализации» за 1929 год.

Расход семьи на алкоголь в черв. руб. в 1927 г.

1. Политически активные	48,3
2. Беспартийные активисты	52,0
3. Мало активные, но культурно развитые	60,0
4. Культурно отсталые	84,6

Рост невыходов на работу, аварий, простоев и т. д. в предпраздничные и послепраздничные дни связан с ростом потребления алкоголя в связи с праздниками. Усиление потребления алкоголя в праздничные периоды выявляется из следующей таблицы (для 1927 г.) совершенно отчетливо:

Группы по активности	В апреле	В декабре	В средн. за остальн. мес.
1. Политически активные	7,45	7,05	4,29
2. Беспартийн. активисты	6,15	7,62	5,17
3. Мало активн., но культ. развит.	7,55	7,47	5,56
4. Культурно отсталые	8,90	11,23	6,63

Апрель (пасха) и декабрь (рождество) дают во всех группах повышение расходов на алкоголь, при чем отчетливо выявляется тенденция к увеличению амплитуды колебания расходов в праздничные периоды по сравнению с будничными по мере перехода к группам отсталых рабочих.

Кой-кто пытался смазать вопрос о падении трудовой дисциплины, об'ясняя недостаточный рост производительности труда исключительно неполадками в производстве, авариями, плохим хозяйствованием и т. д. Смешно было бы отрицать наличие этих отрицательных моментов в работе промышленности и их неблагоприятное влияние на производственную обстановку наших фабрик и заводов. Бесспорно, что простои из-за недостаточного снабжения, аварии оборудования благодаря его изношенности и т. д. приводят к нарушениям трудовых процессов и отрицательно отражаются на трудовой дисциплине, хотя, с другой стороны, как мы видели, сами аварии подчас являются результатом небрежного отношения к работе. В последнее время усилились несчастные случаи в нашей промышленности. Это связано, с одной стороны, с изношенностью оборудования, а с другой—с недостаточной работой по охране труда. Это также является одним из факторов, неблагоприятно влияющих на трудовую обстановку наших предприятий.

Но констатирование всех вышеуказанных обстоятельств не может освободить нас от признания того факта, что наши партийные, профессиональные и советские организации не приняли своевременно мер борьбы против той расхлябанности, которая имеет место на наших фабриках и заводах. Это обстоятельство играло не последнюю роль в том, что падение трудовой дисциплины, давшее себя чувствовать прежде всего в Донбассе, постепенно распространилось и на другие промышленные районы. Вместо активной борьбы против нарушителей трудовой дисциплины, вместо мобилизации основных кадров рабочих для этой борьбы в целом ряде случаев имели место случаи недопустимого хвостизма как со стороны хозяйственников, так и со стороны органов профсоюзов на местах.

В этом отношении неблагоприятное влияние на производственную обстановку наших предприятий оказало то ослабление единого хозяйственного руководства на предприятии, которое замечалось в последнее время. Нет четкого разграничения функций, линий работы и пределов ответственности между отдельными частями треугольника. Речь идет не только о согласовании вопросов принципиального порядка, но часто имеют место случаи вмешательства низовых профсоюзных и партийных органов в оперативные распоряжения руководителя предприятия, вопреки тем партийным решениям, которые имеются на сей счет.

Кой-где на местах забывают решение XIV партийного с'езда, которое обязало профессиональные союзы «повести решительную борьбу с попытками своих органов и представителей непосредственного вмешательства в управление и администрирование предприятий и их об'единений, влекущего за собой смешение союзных функций с хозяйственными и внесение вредной двойственности и безответственности в дело управления народным хозяйством» (рез. XIV с'езда ВКП(б)).

Принятие мер против нарушителей трудовой дисциплины не всегда поддерживалось соответствующими органами Наркомтруда и профсоюзов. Так, например, на заводе им. Рыкова, вследствие протеста профсоюза, увольнение заменено выговором за поломку станка, за хулиганство после пяти предварительных выговоров, за избиение десятника, за систематическую кражу оцинкованного железа и т. д. Там же имеются случаи, когда предложения об увольнении за разные проступки делались администрацией до пяти раз и все время рабочая часть РКК не соглашалась на увольнение.

На заводе «Кр. Треугольник» рабочий за пьянство и избиение сторожа (в течение суток последний не мог работать) был представлен к увольнению, но РКК согласия на увольнение не дала. В целом ряде случаев органы НКТ не утверждали решений администрации, согласованных с профсоюзами. Так, напр., шахта № 19 Рутченковского рудоуправления опасна по газу. Рабочий был уволен за курение. РКК дважды постановила уволить его. Отдел труда восстановил его на работе. На Божедарском руднике ЮРТ рабочего, уволенного по предложению шахткома и парт'ячейки за избиение другого рабочего, инспекция труда восстанавливает на работу, а трудовая сессия выносит постановление об уплате за прогульные дни. Можно значительно умножить факты безнаказанности при самых грубых нарушениях дисциплины.

Мы много говорим о классовой борьбе, об обострении сопротивления капиталистических элементов наступающему социализму, но «разве классовая борьба в эпоху перехода от капитализма к социализму не состоит в том,—говорил Ленин,—чтобы охранять интересы рабочего класса от тех горсток, групп, слоев рабочих, которые упорно держатся традиций, привычек капитализма и продолжают смотреть на советское государство по-прежнему: дать «ему» работы поменьше и похуже, содрать с «него» денег побольше».

Нужно твердо помнить эти слова Ленина.

Всякое попустительство нарушителям трудовой дисциплины, осуществляемое под флагом защиты рабочих, нетерпимо. Это есть забвение классовых интересов пролетариата.

Недисциплинированность, которую приносят с собой на предприятие новые рабочие, впервые вступающие в производство, не встречая твердого и организованного отпора, постепенно заражает и остальных рабочих. Но это значит, что кой-где на наших фабриках и заводах известная часть хозяйственников, профессиональных и партийных работников вместо отпора сама подпадает под влияние этих отсталых слоев, не прошедших фабричной школы и легко поэтому поддающихся колебаниям мелкобуржуазной стихии.

А падение трудовой дисциплины есть не что иное, как усиление мелкобуржуазных тенденций среди тех слоев пролетариата, которые еще не осознали своих классовых интересов. Мелкобуржуазная стихия через разные каналы проникает в ряды пролетариата, и одной из форм ее проявления бесспорно является падение трудовой дисциплины. Поэтому борьба за трудовую дисциплину означает не только борьбу за производительность труда и снижение себестоимости, но и борьбу против мелкобуржуазной стихии, которая является нашим главным врагом, как об этом неоднократно говорил Ленин.

Приходится обратить внимание и на положение инженерно-технического персонала на производстве. Здесь нужно признать, что это положение в последнее время ухудшилось. Имеет место ряд ненормальностей во взаимоотношениях инженерно-технического персонала с рабочими и с администрацией. Имеет место в ряде случаев необоснованное привлечение инженерно-технического персонала к ответственности, вмешательство в его деятельность, «дерганье», недостаточная поддержка со стороны администрации и т. д. Все эти обстоятельства привели к упадочническим настроениям среди известной части специалистов, ослаблению технической инициативы, боязни ответственности, ослаблению административных функций и т. д.

Среди инженерно-технического персонала в связи с этим распространяются примиренческие отношения к той расхлябанности и недисциплинированности, против которой они в первую очередь должны бороться. Спецеедство, одно время несколько затихшее, снова возросло. Понятно, что не все работники инженерно-технического персонала стоят на высоте пред'являемых к ним требований. Приходится признать, что и среди инженерно-технического персонала, не говоря о вредительских группировках, в известной мере пала трудовая дисциплина, и к ним можно пред'явить ряд требований. Но это нужно делать в таких формах, которые укрепляли бы положение специалистов на производстве и вели бы к установлению нормальных отношений между ними и рабочими.

Ненормальное положение инженерно-технического персонала на фабриках и заводах усиливает их текучесть и ведет к тому, что удельный вес инженерно-технического персонала среди рабочих уменьшается. Так, если соотношение числа инженерно-технического персонала к числу рабочих в фабрично-заводских предприятиях в январе 1927 г. принять за 100, то в июне того же года это соотношение составляло 99,5, а в сентябре—95,5. В те же месяцы 1928 г. это соотношение уже составляло: в январе 92,4, в июне—84,3, в сентябре—83,7. Это уменьшение удельного веса инженерно-технического персонала связано также с интенсивным ростом количества рабочих, занятых в промышленности.

Такое положение вещей является одним из существенных тормозов к проведению ряда рационализаторских мероприятий. Ведь рационализация производства требует кадра технически подготовленных работников. Насколько незначительна инженерная прослойка на наших фабриках и заводах, видно хотя бы из того, что на Лысьвенском заводе (Урал) на 500 рабочих приходится только один инженер.

Описанное выше состояние трудовой дисциплины, не совместимое с все повышающимся технико-организационным уровнем нашей промышленности, если оно не будет улучшено, может стать одной из причин невыполнения промышленного плана. Ведь мы знаем, какое место занимает план снижения себестоимости в хозяйственном плане текущего года. Недовыполнение же плана по себестоимости обусловливается в большей своей части недостаточным ростом производительности труда. Последнее обстоятельство в свою очередь связано с падением трудовой дисциплины. **Поэтому борьба за трудовую дисциплину есть борьба за хозяйственный план, утвержденный ЦК нашей партии, это есть борьба за осуществляемый нами быстрый темп индустриализации страны, это есть борьба с мелкобуржуазной стихией и мелкобуржуазной расхлябанностью.**

Б. и К.

Итоги плана Дауэса.

В эти же недели и месяцы пять лет назад рождался план Дауэса. В апреле 1924 г. союзники преподнесли обессиленной и хозяйственно разрушенной стране всеисцеляющий план американского генерала, который обещал снова поставить Германию в ряд культурных государств и гарантировать все платежи без ущерба под'ему ее положения до уровня передовых стран Запада. Осенью 1928 г. закончился намеченный планом четырехлетний «переходный» период к «нормальным» ежегодным платежам на основе полного восстановления хозяйственного положения Германии и ее платежеспособности. Задача работающей в настоящее время в Париже комиссии экспертов заключается в том, чтобы подвести итоги этому периоду и «окончательно» ликвидировать все остатки последствий войны, вводя дальнейшие платежи в русло «нормальных» коммерческо-финансовых отношений, превратив тем самым репарационную проблему из «политической проблемы» в «чисто-финансовую операцию». Генеральный агент по репарациям г. Паркер Гильберт дал себе труд в свою очередь подвести итоги «переходного» периода. Его доклад от 22 декабря 1928 г. [1]) содержит не только отчет за 2-ю половину четвертого года репарационных платежей, но и общий обзор всего четырехлетия, долженствующий обосновать ту основную и единственную мысль, что «Германия может платить», что в результате выполнения плана Дауэса она пришла к «нормальным» довоенным отношениям, а в ряде пунктов превысила этот уровень. Совсем иной тон у буржуазной и социал-демократической печати Германии. Ее пессимизм в отношении итогов плана Дауэса не идет ни в какое сравнение с теми радостными и светлыми перспективами стабилизации и процветания, какие ожидались от «американского чуда». В своем месте мы займемся выяснением источников этого пессимизма. Но сначала нам нужно взглянуть в свою очередь на эти итоги, связанные неразрывно с вопросом о стабилизации капитализма вообще.

I. Итоги восстановления хозяйства.

Если взять общий размер продукции, то можно утверждать, что в целом здесь достигнут довоенный уровень с превышением по тяжелой промышленности и с особо значительным превышением по линии новых или более молодых отраслей (см. табл. на след. стр.).

Наибольшее отставание мы видим по текстильной и обувной промышленности, т.-е. по отраслям, опирающимся в основном на личное потребление народных масс внутри страны. Этот момент важен для дальнейшего.

По таким отраслям, как химическая промышленность, автомобильная, электроустановки, налицо резкий скачок против довоенного уровня

[1]) Deutschland unter dem Dawes—Plan. Der Bericht des Generalagenten vom 22 Dezember 1928. Berlin 1929.

Общий размер продукции [1]).

Годы	Добыча каменного угля		Добыча бурого угля		Производство чугуна		Производство сырцовой стали		Ввоз хлопка	Ввоз шерсти	Потребление сырой кожи
	В млн. тонн.	В %	В млн. тонн.	В %	В млн. тонн.	В %	В млн. тонн.	В %	В тысячах тонн		
1913 г. в новых границах . .	140,8	100	87,2	100	10,9	100	12,2	100	439	206	298
1924 г.	118,8	84.4	124,6	142,9	7,8	71,7	9,7	79,7	333	137	249
1925 „	132,6	94,3	139,7	160,2	10,0	92,4	12,1	99,0	368	127	258
1926 „	145,3	103,2	139,2	159,5	9,6	88,3	12,2	100,4	292	140	206
1927 „ . . .	153,6	109,1	150,5	172,9	13,1	120,0	16,3	133,6	447	182	279
1928 г. (за 8 мес.)	101,4	—	108,4	—	11,9 [2])	108,5	14,5 [3])	119,2	206	131	—

В 1913 г. вся продукция автомобильной промышленности составляла 214 милл. марок., в 1928 г. она перевалила за миллиард [4]). Если даже принять во внимание более высокий общий индекс послевоенных цен, то и в этом случае налицо огромная разница.

Мощность электроустановок достигла (кругло) в 1925 г. 8,7 млн. кв., а в 1926 г. более чем 9,5 млн. кв. [5]). Здесь мы видим рост даже в такие годы, как 1926 г., когда все хозяйство находилось в состоянии тяжелой депрессии. Общеизвестны, наконец, цифры огромного роста производства искусственного шелка.

Одновременно с общим под'емом шел процесс рационализации. Так как ряд данных уже приводился в нашей печати, ограничимся некоторыми иллюстрациями.

Общие итоги технического перестроения нашли отражение в под'еме производительности рабочего.

Производительность рабочего в 1927 г. [6]).

Отрасли	В % к 1925 г.	В % к 1913 г.
Автомобильная	172	260
Черная маталлургия	142	—
Машиностроение	140	—
Добыча калия	130	172
Цементная промышленность .	124	144
Железорудная „ .	112	126

На железных дорогах производительность труда поднялась с 1925 г. по 1928 г. почти на 25% [7]).

Этот большой под'ем на протяжении 3—4 лет связан, конечно, с огромным переоборудованием за этот же промежуток времени. Так, например, к сентябрю 1928 г. с сентября 1924 г. число существующих доменных печей уменьшилось с 216 до 184. В то же время средняя мощность домны поднялась с 342 тонн в сутки до 485 тонн. При этом существенно заметить, что фактическая нагрузка составляла в сентябре 1928 г. лишь 336 тонн, т.-е. почти третья часть производственной мощности оставалась неиспользованной. Если взять даже месяцы наиболее высокого под'ема хозяйства в 1927 г., то и в этом случае остается более 20% недогрузки производственного аппарата [1]).

[1]) Der Bericht des Generalagenten, стр. 496.
[2]) За весь 1928 г. «Frankfurter Zeitung» 19/I—29 г.
[3]) За весь 1928 г. «Berliner Tageblatt» 18/I—29 г.
[4]) «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich», 1928, стр. 123. «Belastungsprobe» von E r i c h W e l t e r. Frankfurt. 1929, стр. 25.
[5]) Jahrbuch. 1928, стр. 125.
[6]) Deutschlands wirtschaftliche Lage an der Jahreswende 1928/29. Uberreicht von der R e i c h s - K r e d i t - G e s e l l s c h a f t, стр. 16 и 17.
[7]) Там же.

Такой резкий технический сдвиг произошел и в производстве кокса. Еще в 1926 г. существовало 16.200 коксовых печей с производственной мощностью в 28 млн. тонн кокса в год. К 1928 году построено более 2.700 новых печей. В результате этого менее чем 7.000 печей при нагрузке лишь 70—72% их производственной мощности могли покрыть 82% всей добычи кокса в октябре 1928 года. Это привело к тому, что 6.300 старых печей совсем прекратили производство. Остро стоит вопрос о выводе из строя еще сотен устаревших печей. И при всем этом недогрузка производственного аппарата остается огромной (30—35%) [2]).

Быстро растет снабжение газом городов и предприятий путем дальних проводок. В этом году длина газопроводной сети у крупнейшего предприятия, Рурской области (акционерное общество «Рур—газ» в Эссене), специализирующегося на добыче газа, достигнет 700 клм. [3]). Это предприятие является детищем совокупных усилий рурской тяжелой индустрии.

Химический концерн повысил производство азота и азотистых веществ с 350 тыс. тонн в 1925 г. до 550 тыс. тонн в 1928 г., имея в то же время производственную мощность в 700 тыс. тонн и увеличивая ее в этом году еще на 80 тысяч тонн. Производственная мощность по искусственному шелку достигает у этого же концерна 16 тыс. клгр. в сутки, а с окончанием в ближайшее время новых построек она подымется до 22 тыс. клгр. Производственная мощность по искусственному бензину (из угля) достигает 100 тыс. тонн в год, а к концу 1929 г. будет поднята до 200 тыс. тонн, т.-е. удвоена благодаря окончанию новых установок и построек [4]). А, как известно, эта последняя область производства является целиком детищем последних лет.

Налицо, таким образом, под'ем хозяйства на основе резкой рационализации техники производства. 1924—25 гг. заполнены лихорадочными усилиями по замене в значительной части потрепанного после войны и послевоенных лет производственного аппарата страны. Общим результатом этого процесса явился тот факт, что Германия снова выдвинулась в ряды самых передовых по технике производства стран.

К 1929 году Германия занимает по мощности ее металлургии точно так же, как и по добыче кокса, второе место в мире после С.-А. Соединенных Штатов, перегоняя и Англию и Францию, по каменному углю—третье место после С.-А. Соединенных Штатов и Англии. По калию Германия дает 75% мировой продукции, занимая первое место. По бурому углю она также занимает первое место. Огромный рост его добычи связан с потребностями химической промышленности и электростанций. По потреблению хлопка Германия занимает второе место в Европе после Англии.

На ряду с техническим прогрессом шел не менее напряженный рост и укрепление монополий. В результате войны и инфляции сильно выросла централизация капитала. Так, например, удельный вес чисто угольных и, в особенности, железорудных предприятий (угольных шахт и железных рудников, существующих как самостоятельные предприятия) значительно пал, и преобладающая роль принадлежит металлургическим концернам, включающим и шахты и рудники. Централизация капитала принимает более «трестообразные» формы, формы прочных полных слияний (фузий) вместо разнообразных договорных об'единений (Interessengemeinschaft). Все руководители крупнейших монополий в один голос признают необходимость и целесообразность

[1]) Der Bericht des Generalagenten, стр. 495.
[2]) «Frankfurter Zeitung» № 79 от 30/I—29 г.
[3]) «Deutsche Bergwerks-Zeitung» № 29, 3/II—29 г.
[4]) Der Farben-Konzern, 1928. Das spezial Archiv der deutschen Wirtschaft, стр. 39.

перехода к этой более высокой форме организации, которая обеспечивает больший успех в рационализации производства, в овладении внутренним рынком и в борьбе на внешнем рынке [1]). Правда, теперь нет таких «грандиозных» монополий, как концерн Стиннеса, разбухавший одновременно с разбуханием массы бумажных денег, но теперь Германия является в большей мере, чем когда бы то ни было, страной монополистического капитализма.

«Знамением времени» в этом смысле являются стальной трест («Акционерное общество об'единенных стальных заводов») и химический концерн (I. G. Farbenindustrie). Стальной трест образовался в 1926 г. из слияния пяти мощных концернов немецкой металлургии, функционирует как единое предприятие и охватывает половину продукции стали Германии, т.-е. около 7 млн. тонн из 14 млн. в 1928 г. В 1925 г. образовался химический концерн из слияния шести крупнейших предприятий Германии. Он является в своем производстве полным монополистом, подчиняя себе одновременно ряд смежных отраслей (напр., взрывчатые вещества). Два концерна (Сименс и АЕГ), охватывающих немецкую электротехническую промышленность, не только восстановили, но и укрепили свою позицию.

Немецкая металлургия, за исключением второстепенных видов продукции, охвачена целой системой специальных картелей во главе с картелями по сырцовой стали (Rohstahlgemeinschaft) и по чугуну (Roheisenverband), как ведущими и головными. Такая картина, правда, в более слабых формах, характерна для всей немецкой промышленности.

Такая система монополий позволяет держать очень высокие цены внутри страны, давая тем самым огромное внутрипромышленное накопление и создавая основу для борьбы на мировом рынке путем низких цен.

II. Германия, как империалистическая страна.

Те тенденции, которые стали намечаться уже в 1925 г., развернулись ныне во всей полноте: восстановление Германии означает, что на арену мирового хозяйства выступает страна с таким производственным аппаратом, с такой монополистической системой, которые рассчитаны на мировой рынок, которые должны и могут служить базой для борьбы за овладение солидными секторами мировой арены, которые не могут развиваться на основе внутреннего рынка, так как вся система хозяйства довоенной и в еще большей мере послевоенной Германии рассчитана с самого начала на этот мировой рынок. Для борьбы Германия имеет не меньшую, а в ряде важнейших отраслей индустрии более мощную технико-производственную базу, чем Франция и Англия.

В то же время послевоенные перегруппировки и сдвиги существенно изменили положение Германии. Прежде всего Германия основательно оттеснена с внешних рынков. Если до войны вывоз Германии составлял 13% мирового вывоза, то в 1925—27 г. лишь 8%. Очень показательна в этом отношении следующая табличка [2]):

Доля вывоза Германии в отношении ко всей продукции данной отрасли в стране.

	До войны	1925—27 гг.
Железо и сталь	23%	17%
Химическая промышлен.	38%	31%
Электротехника	25%	17%
Уголь.	28%	20%

[1]) См. показания руководителей концернов в государственном комитете по изучению хозяйственного положения Германии. («Ausschuss zur Untersuchung der Erzeugungs- und Absatzbedingungen der deutschen Wirtschaft. Wandlungen in den wirtschaftlichen Organisationsformen, 1928).

[2]) «Strukturwandlungen der deutschen Volkswirtschaft» herausgegeben von Harms, 1929, I том, стр. 401.

См. также Vierteljahrhefte zur Konjunkturforschung, 1928 г.

Из всех этих данных следует, что Германия имеет возможность вывозить меньшую часть своей продукции, чем до войны. В то же время внешняя торговля приобрела для Германии исключительное значение, неизмеримо большее, чем для других империалистических стран. Это об'ясняется целым рядом причин.

Платежный баланс Германии остается пассивным все эти годы стабилизации. Пассивность непосредственно торгового баланса в результате превышения ввоза товаров над вывозом измеряется следующими цифрами: в 1925 г. 2. 400 млн. марок; в 1927 г.—2.854 млн. м.; в 1928 г.—2.000 млн. м. Только 1926 г. вследствие резкого падения цен внутри страны, английской забастовки и усиления по этим причинам вывоза дал активный итог в 837 млн. марок [1]). Пассивность торгового баланса (но, конечно, не в таких размерах) является характерной для империалистских стран. При чем превышение ввоза покрывается доходами с вложенных за границей капиталов. Так было с Германией до войны. Но проиграв войну, она потеряла примерно 28 мрд. м. вложений за границей и 1½—2 мрд. м. ежегодного дохода с них. Она потеряла к тому же ряд колониальных и завоеванных рынков. Поэтому дефицит в платежном балансе можно покрывать собственными средствами лишь в меру роста вывоза, лишь в меру превышения вывоза над ввозом, а до этого его приходится покрывать привлечением иностранных вложений и кредитов, прежде всего из САСШ. Вопрос о восстановлении своей экономической самостоятельности упирается у Германии в проблему экспорта тем более, что характер (а в известной мере и размер) ввоза определяется структурой всей производственной системы Германии. (Основная доля ввоза падает на продукты питания и сырье) [2]). С отнятием же Эльзас-Лотарингии зависимость от ввоза, например, по линии железной руды увеличилась значительно.

Положение обостряется тем обстоятельством, что налицо сужение внутреннего рынка, особенно, если взять его в соотношении с возросшей мощностью производственного аппарата. Заработная плата возросла по официальным данным в среднем реально на 7% против довоенной. Но одновременно с этим еще резче возросла тяжесть государственного и местного бюджета. Если в 1913 г. все налоги составляли 4,1 мрд. м., то в 1928 г. они достигли суммы в 12,8 мрд. м.[3]). Если даже снизить эту цифру сответственно более высокому индексу цен (40—45%), то и в этом случае окажется повышение почти на 75%. Налоги на душу населения составляли в 1913 г.—71 марку, а в 1925—26 г. почти—170 м. [4]), с тех пор происходило неоднократное повышение налогов. На 1929 г. намечается дальнейшее повышение, при чем п р и р о с т против существующих налогов, падающих на широкие массы, измеряется суммой около 500 млн. марок. Если в 1913 г. совокупный бюджет в 7,3 мрд. м. падал на годовой народный доход в 43 мрд. м., то в 1928 г. бюджет в 15,6 мрд. (сюда нужно прибавить 900 млн., которые платят промышленность и жел. дороги по плану Дауэса, т.-е. в общей сумме 16,5 мрд. м.) падает на годовой народный доход в 60 мрд. м. [5]). В 1913 г. бюджет составлял шестую часть, а в 1928 г. значительно более четверти народного дохода. И все же государственный бюджет не вылезает из дефицита; в 1926—27 г.—

[1]) Der Bericht des Generalagenten, стр. 244.

[2]) В упомянутой коллективной двухтомной работе о структурных изменениях немецкого народного хозяйства («Strukturwandlungen des deutschen Volksvirtschaft») исчисляется, что, если до войны 11 млн. человек зависели от затраницы (от отношений во-вне) в отношении питания и основ их производственной деятельности, то после войны от этого зависит 15—16 млн. человек вследствие потери ряда собственных областей, колоний и возросшего значения внешней торговли (см т. I, стр. 401).

[3]) «Belastungsprobe», стр. 38.

[4]) Jahrbuch, 1928, стр. 541.

[5]) «Belastungsprobe», стр. 38.

471 млн. м., в 1927—28 г.—296 млн. м., в 1928—29 г.—ориентировочно 188 млн. м. [1]). Фактически дефицит на последний год выясняется значительно больший, чем, собственно, и обусловлено прежде всего проектируемое повышение налогов.

При самом одностороннем отношении к приведенным цифрам можно все же утверждать, что внутренний рынок в настоящее время еще менее соответствует производственной мощности индустрии, чем это было до войны.

Все эти обстоятельства лишь усиливают нажим германской индустрии по линии экспорта. Она вынуждена во чтобы то ни стало пробиться на внешний рынок, ставя тем самым задачу бороться с конкуренцией не только Франции и Англии, но и САСШ, ставя задачей преодолеть барьеры таможенных пошлин и пробиться на рынки новых индустриальных стран, а равно и попытать счастья на рынках чужих колоний.

Поэтому центральным пунктом всех устремлений германской индустрии является под'ем своей экономической боеспособности. Для нее это важно тем более, что никаких гарантированных рынков в виде колоний или договорных стран у нее нет. Рассмотренная нами выше напряженная рационализация вызвана прежде и больше всего стремлением добиться снижения себестоимости для успешной конкуренции на внешнем рынке. А для подобной рационализации, требующей огромных средств и выгодной лишь при огромном росте производства, возникает потребность в монополиях такого масштаба, как стальной трест и химический концерн. С другой стороны, необходимость более прочного охвата монополиями внутреннего рынка обусловливается необходимостью обеспечить «у себя дома» путем высоких цен и общей монополии в производстве огромную сверхприбыль и укрепить исходные позиции для борьбы на мировом рынке; для этого нужно выжать из внутреннего решительно все, что он способен дать. Монополизация усиливается тем более, что при отсутствии колоний и полузависимых стран в этом единственная опора для международной борьбы.

Мы подошли теперь к вопросу о том, на основе каких средств произошел рост Германии. Одновременно с этим нам предстоит рассмотреть и вопрос о том, на что же рассчитывает германский империализм в своем дальнейшем развитии.

III. Размеры иностранных вложений и внутреннее капиталонакопление Германии.

Общеизвестным является тот факт, что в первый период после введения плана Дауэса, особенно в 1924 году, роль иностранного капитала, прежде всего американского, была решающей для всего развития Германии. Но и в последующие годы с ростом внутреннего капиталонакопления эта роль оставалась огромной. За четырехлетие 1925—1928 гг. ввоз иностранного капитала (сальдо) составил 14 мрд. марок; из них 6,3 мрд. в виде долгосрочного и 7,7 мрд. в виде краткосрочного кредита. Из этой общей суммы 2,1 мрд. пошло на нужды укрепления валюты [2]). При этом нужно иметь в виду, что к краткосрочным кредитам отнесены суммы, направленные на биржевые операции по покупке акций и т. п., т.-е. тем самым размеры капитала, направленного на более прочное помещение в немецком народном хозяйстве, значительно больше размеров чистого долгосрочного кредитования. Если добавить 1924 г., то размер долгосрочного кредита превысит 7 мрд. марок. Из них 4½ мрд. предоставлены САСШ [3]).

Не даром Германию пытаются именовать «европейской страной Соединенных Штатов». Последние являются основным и решающим источником

[1]) Der Bericht des Generalagenten, стр. 58.
[2]) «Deutschlands Wirtschaftliche Lage», стр. 24.
[3]) Der Bericht des Generalagenten, стр. 245.

долгосрочного кредита для Германии. САСШ являются посредником и для многих других стран, помещающих капиталы в Германии в виде долгосрочных займов и вложений. В отношении краткосрочного кредита в последний год сильно выросла роль Франции, вследствие того обилия капиталов, которое оказалось на парижском рынке после стабилизации франка и более низкого процента, чем в Лондоне и Нью-Йорке.

В настоящий период роль иностранного капитала, несмотря на рост внутреннего капиталонакопления, остается огромной, а в отношении покрытия дефицита в платежном балансе—решающей.

Этим обусловливается тот факт, что немецкие банки вынуждены держать более высокий процент сравнительно с Парижем, Лондоном и Нью-Йорком и даже в период состояния дел, близкого к депрессивному, как в конце 1928 г. и начале 1929 г., не могут снижать его ниже этого уровня, хоть такое снижение, несомненно, облегчило бы положение дел. Но тут приходится оглядываться на иностранный капитал, от которого зависит покрытие пассивного итога в балансе, а следовательно, и положение валюты [1]).

Поэтому нельзя снижать процент, чтобы не вызвать отлива иностранных кредитов [2]).

Рост внутреннего капиталонакопления за годы стабилизации несомненен. Приводимые в этой области исчисления или очень приблизительны, или лишь косвенно отражают положение дел в этой области, но общий рост они все же обозначают. Общая сумма накопления исчисляется в размере 7—9 мрд. марок ежегодно в 1927 и 1928 гг. [3]).

Другим показателем является рост накопления у крупнейших предприятий. Приведем лишь несколько примеров [4]). Резервные фонды химического треста возросли с 1926 по 1928 г. с 104 млн. до 176 млн. марок. За трехлетие 1925—27 гг. он получил 242 млн. чистой прибыли при акционерном капитале 1.100 млн. (при этом очень разрозненном).

Стальной трест при основном капитале (земля, постройки, оборудование) в более чем миллиард марок получил за 2½ года своего существования 132 млн. чистой прибыли и произвел 198 млн. м. списываний из валовой прибыли для восстановления основного капитала и новых вложений в производство.

AEG—концерн (Всеобщая электрическая компания) при акционерном капитале в 185 млн. м. получил за последние три года около 40 млн. м. чистой прибыли. Все это—данные балансов, в которых, несомненно, преуменьшена величина накоплений.

Нужно, конечно, учесть благоприятное положение подобных монополий. Но процесс внутреннего накопления в немецкой промышленности они, несомненно, отражают тем более, что они имеют большой удельный вес в совокупной промышленной продукции Германии.

Во избежание перегрузки, не будем приводить данных о росте оборотов немецких банков, страховых обществ и сберегательных касс. Одно несомненно, что нельзя ставить весь рост Германии в исключительную зависимость от иностранного капитала, несмотря на все значение последнего.

[1]) См., напр., «Berliner Tageblatt» № 57 за 1929 г. и также Bericht des Generalagenten, стр. 250.
[2]) Снижение, произведенное в январе 1929 г., обусловлено не обилием капитала вообще, а скоплением краткосрочных вкладов, которые не могли найти размещения, т. к. промышленность нуждается больше всего в долгосрочном кредитовании.
[3]) «Belastungsprobe», стр. 48; Bericht des Generalagenten, стр. 257—60 «Deutschlands wirtschaftliche Lage».
[4]) Отчеты в издании «Das Special-Archiv der deutschen Wirtschaft»; «Farben-Konzern»; «Vereinigte Stahlwerke»; «Der EEG-Konzern». 1928.

В полемике, которая развернулась в немецкой печати вокруг отчета агента по репарациям, аргументация против благоприятных выводов Гильберта шла в основном по следующей линии: нельзя в оценке положения Германии оставаться только на видимой поверхности положения вещей, как ее дает статистика в отношении роста продукции и производственного аппарата. Необходимо вскрыть ряд неблагоприятных процессов, находящих лишь косвенное отражение в статистике или совершенно в ней не отражающихся. Об этом же говорил в своем последнем выступлении министр народного хозяйства, этому же посвящена речь главы Рейхсбанка Шахта на протекающей сейчас конференции экспертов. И здесь, на ряду с тяжестью переобложения хозяйства, в один голос указывается на бедность капиталами. Этот последний пункт ставится в центр об'яснения всех трудностей в развитии Германии.

Нам предстоит сейчас разобраться, о чем здесь, собственно, идет речь: об абсолютном недостатке капиталов, или о чем-то совсем ином. Прежде всего нужно ответить на вопрос о том, на какие цели нехватает капиталов германской индустрии.

IV. На какие цели Германии нехватает капиталов?

Один из уже цитированных нами авторов дает совершенно ясный ответ на этот вопрос:

«Усиленная рационализация была тем необходимее и потребность в капитале тем более, чем более Германия должна была вступать в конкуренцию в международном товарообороте с индустрией других стран, вызванной к жизни во время войны и вслед за ней, и чем более эта конкуренция должна была бороться с высокими пошлинами именно в той стране, которая является главным получателем военных платежей, т.-е. в Соединенных Штатах. Только в высшей степени рационально работающий производственный аппарат может дать возможность перепрыгнуть эти таможенные стены без угрозы жизненному уровню населения. К этой возросшей потребности в капитале, вытекающей из обострения международной конкуренции и протекционизма, прибавляется еще вынужденная необходимость увеличенного кредитования экспорта, которое обусловлено изменившимися методами внешней торговли. Этого не избежать и Германии, если она хочет закрепить и расширить свой экспорт» [1]).

По существу тут выражено все основное: речь идет не об абсолютном недостатке капитала для развития народного хозяйства Германии, а о недостатке средств для такого развития индустрии, чтобы сделать ее боеспособной на поле борьбы за мировой рынок с «ведущими» империалистическими странами мира, в том числе и с САСШ. Нужны средства и для соответствующего масштаба рационализации и расширения производства, которое не стоит ни в какой связи с потребностями внутреннего рынка, а с самого начала рассчитано на завоевание внешних рынков; и для финансирования экспорта по значительно более низким ценам сравнительно с ценами внутри страны (дэмпинг); и для предоставления покупателю таких же условий кредита, как это делают, например, Соединенные Штаты; и, наконец, для завоевания необходимых позиций в производстве в других странах (зависимые, «дочерние» общества) и т. п. Словом, нехватает капитала для империалистской политики мирового масштаба. В этом «гвоздь» положения.

В этой связи представляют интерес некоторые примеры. Между «Rohstahlgemeinschaft» и об'единением немецких машиностроительных заводов существует договор, по которому сырцовая сталь и ряд других продуктов металлургии отпускаются машиностроительным заводам в определенном количестве по ценам мирового рынка, т.-е. процентов на 15—20 ниже внутренних цен, чтобы одновременно увеличить свою долю вывоза и укрепить позиции машиностроения на внешнем рынке и устранить опасность внедрения в Германию иностранной металлургии, прежде всего французской и бельгийской, путем того же дэмпинга. Кроме того, стремясь пробиться на внешний рынок, немецкая металлургия платит огромные штрафы европейскому стальному картелю за систематическое превышение долей участия, правда, сравнительно низких для Германии. Но тут есть значительная доля сознательной политики: завоевывать внешний рынок во что бы то ни стало.

[1]) «Belastungsprobe», стр. 55.

Химический концерн реорганизовал в начале этого года одно швейцарское предприятие с капиталом в 16 млн. м. и, затрачивая на эту операцию 200 млн. м. в течение ближайших двух лет, превращает это предприятие в мощное общество для финансирования всех иностранных дел и предприятий концерна [1]). Ярким примером масштаба этих иностранных дел является тот факт, что дочернее предприятие немецкого химического концерна в Соединенных Штатах поставило в 1928 г. 40% из 230 млн. метров, потребляемой в САСШ кинопленки. Весной этого года вступит в производство еще одно предприятие с годовой производительностью в 55—60 млн. метров кинопленки [2]).

По поводу этой операции химического концерна со швейцарским предприятием, равно как и аналогичной хотя и менее значительной операции другого концерна «Франкфуртская Газета» замечает:

«Оба эти случая показывают, как наши крупные предприятия должны изыскивать особые пути и средства, чтобы получить капитал в таком размере, какой соответствует силе их технической и предпринимательской экспансии. Немецкое капиталонакопление не может итти в ногу с техническим прогрессом и индустриально-предпринимательскими устремлениями. Немецкий рынок недостаточно емок для эмиссий такого об'ема, какой был бы необходим для крупных концернов» [3]).

Совершенно очевидно, что речь здесь идет о расширении на мировом рынке, об империалистической экспансии.

Последний пример из автомобильной промышленности. Число предприятий в ней уменьшилось с 1924 г. с 86 до 19, а число производимых моделей с 146 до 40 (к 1927 г.). Однако, это не сделало ее конкурентноспособной против автопромышленности САСШ. Для дальнейшей борьбы у нее нехватает средств. Не случайными в этом свете выглядят переговоры владельца крупнейшего автомобильного предприятия «Opel» с американской «Всеобщей моторной компанией» (группа Моргана) о продаже предприятия за более чем 100 млн. м., или о привлечении американцев к солидному участию. В печати даже промелькнули сведения о предположении американцев превратить «Opel» в сборочную мастерскую для американских машин.

Нехватает капиталов для борьбы на мировом рынке. А бороться приходится не только с Францией и Англией, но и с Соединенными Штатами, что усугубляет положение.

«Соединенные Штаты являются той страной, которая достигла более высокого вывоза за счет Германии...

Дело не в том, что мир стал менее емким... Я вижу причину в том, что Германии недостает чего-то, что Соединенные Штаты имеют в избытке. Это—не общие способности, не предпринимательский дух, не мощность в области торговли, но нечто иное, что в нашем современном

[1]) «Frankfurter Zeitung» № 84 от 1/II—29 г.
[2]) «Deutsche Bergwerks-Zeitung» № 16 от 19/I -29 г.
[3]) «Frankfurter Zeitung» № 84.

мире только и составляет основу расширения мировой торговли: Германии недостает капитала... Эта сила капитала означает одновременно усиление вывоза. Мы не хотим обманываться на сей счет: вывоз, который Германия и другие европейские государства имели перед войной, покупался одним очень важным обстоятельством, а именно: финансированием всей мировой торговли в Европе и за морем... Употребляя слова Шейлока [1]), трудность состоит для Германии в том, чтобы класть золото, т.-е. капитал не только в собственный кошелек, как этого хотел Шейлок, но и в чужой кошелек, чтобы этим дана была возможность снабжать товарами другие народы» [2]).

Так пишет один берлинский профессор.

При отсутствии вывоза капитала, при огромной зависимости от иностранного капитала у германского империализма есть лишь одно средство укреплять свою самостоятельность и уменьшать зависимость от иностранного капитала: максимальное развитие вывоза. Германские промышленники прекрасно сознают этот факт:

> «Для Германии нет в настоящее время выбора в том смысле, чтобы хотеть или не хотеть вести активную политику экспорта. Она в большей мере вынуждена следовать за своими более мощными конкурентами. Если не с равными средствами, то с равными целями. Если мы будем медлить и дальше, то будет слишком поздно» [3]).

Заявивший это представитель союза немецкой индустрии имеет прежде всего в виду возможность перелома в нынешней благоприятной кон'юнктуре САСШ, когда последние вынуждены будут в поисках выхода резко устремиться на внешний рынок.

Чувствуя под ногами мощную производственную базу, германский империализм полон дерзаний. Стремление стать на собственные ноги заставляет его со всей силой устремляться по тому единственному пути к мировому рынку, какой открыт перед ним:

> «Если немецкий народ хочет существовать... он должен вывозить, он должен вывозить промышленные товары, он должен вывозить!» [4]).

А несколькими строками выше уже упомянутый берлинский профессор, изменяя немного девиз любекской судоходной гильдии, восклицает:

> «Можно и не жить, но вывозить необходимо» [5]).

В последних двух отрывках уже не рассуждения, а, что называется, «крик души». Наш читатель по опыту старого лозунга русских помещиков: «недоедим, а вывезем» отлично знает, кто недоедал, а кто вывозил. И здесь нет надобности раз'яснять, кому необходимо вывозить, а кому во имя этого жить не так необходимо. Впрочем, о положении и перспективах германского рабочего класса мы скажем ниже.

Но для мировой политики такого размаха, которая вынуждается всем существом производственной системы Германии, у нее нехватает капитала. И весь крик о недостатке капитала, как центральной проблеме развития Германии, заключается именно в этом.

В послевоенной Германии мы имеем своеобразное явление, незвестное до войны: одна из самых передовых стран мира по уровню техники и монополизации производства, вынужденная всем своим положением развивать империалистическую политику, лишена колоний и не имеет собственного

---

[1]) Ростовщик, герой одной из пьес Шекспира
[2]) «Strukturwandlungen», том I, стр. 415—416.
[3]) «Berliner Tageblatt» № 59, 4/II—29 г.
[4]) «Strukturwandlungen», там же, стр. 421.
[5]) Там же, стр. 420. Буквально: «exportare necesse est, vivere non est necesse».

экспорта капитала. Наоборот, ее империалистская политика и ее развитие в этом направлении зависят в огромной мере от импорта капитала, прежде всего из Соединенных Штатов. В результате выполнения плана Дауэса оказался восстановленным огромный аппарат для империалистской экспансии, который в то же время служит средством эксплоатации Германии, ее рабочего класса, как основной производящей силы, не только собственной буржуазией, но через нее и буржуазией победивших стран, в том числе и САСШ, как основного кредитора Германии.

V. Противоречия стабилизации капитализма.

Особенность положения Германии, как империалистской страны, приводит к тому, что не только ее собственное развитие, но и возмещение кредитов и платеж более высоких процентов по ним, равно как и выполнение репарационных обязательств, которыми мы еще займемся подробнее ниже, зависят от возможностей ее расширения по линии вывоза товаров. При недостатке капиталов немецкие трестовики строят различные проекты:

> «Тяжесть репараций зависит не только от того, будет ли дальше развиваться индустриальная продукция Германии, но и от того, будет ли расти одновременно экспорт. Но здесь встает проблема, какая страна должна вместить увеличенный немецкий экспорт. САСШ, которым в конечном счете при посредстве межсоюзных долгов служат на пользу немецкие репарации, не могут принять потребное увеличение экспорта немецких товаров. Единственную возможность для сбалансирования мировых хозяйственных отношений, быть может, можно создать лишь тем, что Соединенные Штаты подняли бы свой вывоз капитала особенно в Южную Америку и Дальний Восток, а эти страны в свою очередь стали бы покупателями увеличенного немецкого экспорта промышленных товаров. Эти страны способствовали бы, следовательно, собственной индустриализации при помощи американских займов, но с помощью машин, железнодорожных материалов, электротехнического оборудования и т. д. из Германии... Соединенные Штаты должны не только допускать, но и прямо поощрять конкуренцию Германии на иностранных рынках» [1]).

На эти «радужные» планы генерального директора Северо-немецкого Ллойда, редакция трезвой буржуазной газеты замечает:

> «Эта конструкция оставляет, впрочем (!!!), открытым тот вопрос, что и в САСШ происходит усиление нажима индустрии по линии экспорта и что существует тенденция применять экспорт капитала для прокладывания путей товарному экспорту» [1]).

Тут газета не только «деликатно» указывает на утопичность всей конструкции, но и подходит к нащупыванию противоречий в положении германского империализма. И не только его одного, а и всей мировой системы по этой линии. Общеизвестен факт потери Англией ее довоенных позиций на мировом рынке и ее лихорадочные усилия эти позиции восстановить, или, по меньшей мере, сохранить те огромные сферы влияния, какие еще остались. Франция благодаря послевоенному переделу превратилась в одну из мощных индустриальных стран с большим экспортом, особенно по линии черного металла. Наконец, рост индустриализации отсталых стран. Стремление Германии завоевать позиции поставщика оборудования для этих стран не может не итти в разрез прежде всего с Англией и САСШ, а затем и Францией. Выполнение всех военных платежей, а также платеж высоких процентов по кре-

---

[1]) «Berliner Tageblatt» № 57, 2/II—29 г.

дитам и возврат самих кредитов зависят от развития Германии на внешнем рынке. Лишить Германию кредитов или иным способом подорвать развитие Германии—значит отказаться от плана Дауэса и разрушить в корне достигнутую стабилизацию. Страны-победительницы не только вынуждены допускать это развитие, но и поддерживать его. А это означает обострение экономической борьбы на европейском материке и на заокеанских рынках. С другой стороны, иных путей развития, кроме как по линии экспорта товаров, для Германии нет, и она их не получит без нового передела мира, если Германия окажется тогда в блоке новых победителей. Стабилизация капитализма по этой линии (не говоря об англо-американской борьбе и др.) завязывает тугой узел противоречий и не дает путей его мирной развязки.

В качестве иллюстрации того, насколько серьезна эта борьба на мировом рынке, интересно рассмотреть соотношение вывоза из САСШ, Англии и Германии в Южную Америку, представляющую «новый» континент, в котором особенно значителен рост капитализма после войны. Кроме того, Южная Америка была значительным внешним рынком довоенной Германии. Вывоз в Аргентину и Бразилию составлял в миллионах марок [1]):

	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Из Ангии	924	—	845
„ САСШ.	991	1.004	1.058
„ Германии.	469	462	459

Эти цифры показывают, насколько серьезно сами Соединенные Штаты заинтересованы в некоторых внешних рынках и с какими могучими конкурентами Германии приходится считаться. С другой стороны, позиции Германии достаточно серьезны, чтобы опасаться ее конкуренции, прежде всего Англии.

VI. Платежи победителям.

Необходимость форсировать экспорт товаров, как единственный источник не только завоевания самостоятельности, но и расплат по иностранным кредитам, усиливается обязательствами по репарационным платежам.

Платежи по плану Дауэса начались с 1 сентября 1924 года. Первые четыре года были «переходными» с возрастающей из года в год суммой платежей, которые лишь в 1928—29 году достигают их «нормального» уровня в 2½ млрд. марок.

За предыдущие четыре года Германия выплатила всего 5.470 млн. марок, из них 1.960 млн. по государственному бюджету непосредственно (считая и иностранный заем 1924 г.); 2.835 млн. из средств железных дорог и налога на перевозки и 675 из средств промышленности. Нужно иметь в виду, что платеж из сумм железных дорог и промышленности идет сверх всех общегосударственных налогов, как 5% доход и 1% погашения на 11 мрд. м. специальных обязательств, лежащих на железных дорогах, и 5 мрд.—на промышленности.

«Нормальная» годовая сумма в 2½ мрд. (неизвестно еще как она будет выглядеть после протекающей конференции экспертов) составляется из 1.250 млн. марок взносов по бюджету; 660 млн. из средств жед. дор.; 290 млн. специального налога на перевозки и 300 млн. из средств крупной промышленности [2]).

Эти ежегодные платежи в 2½ мрд. м. при указанном выше внутреннем капиталонакоплении в 9 мрд. составляют заметную тяжесть на народном хозяйстве. При прочих равных условиях эта дополнительная сумма еще более усиливает зависимость от иностранного капитала, так как Германия не только не получает доходов от экспорта капитала, не только расплачивается по иностранным кредитам, но должна еще извлекать из своей народнохозяйственной системы почтенную сумму ежегодно в виде «постоянных издержек». Тем труднее «залатать» эту дыру развитием экспорта, тем больший натиск вынужден развивать германский империализм на внешнем рынке в поисках путей к ослаблению своей зависимости от иностранного капитала и к восстановлению своей самостоятельности.

[1]) Die Wirtschaft der Auslandes 1900—1927 г., изд. герман. статист. управления, стр. 36 и 529. Jahrbuch 1928, стр. 237.

[2]) Der Bericht, стр. 197.

Генеральный агент видит самое слабое место выполнения платежей в отсутствии равновесия в гос. бюджете. И он «советует» здесь пойти прежде всего по линии сжатия местных бюджетов. Это сжатие в связи с упомянутым уже повышением налогов ударяет прежде всего по жизненному уровню широких масс.

VII. Внутренние противоречия Германии.

Возможность расширения на внешнем рынке связана для Германии с целым рядом фактов, действие которых не зависит от германского империализма, в отношении которых он является в большой мере об'ектом политики для капитализма стран-победительниц. Вряд ли есть какие-либо основания ожидать снижения общей суммы репараций, независимо от финансовых комбинаций, которые могут быть придуманы на конференции экспертов. Это—фактор внешнего порядка, из которого Германии нужно исходить как из данного. Возможности по линии иностранных кредитов зависят опять-таки прежде всего от положения дел внутри самих стран-кредиторов. Единственной базой, на которую германский империализм может реально опираться и которой он всегда располагает, это—внутренний рынок и внутрипромышленные возможности. Тем большим поэтому становится нажим по этой линии для обеспечения успешной борьбы во-вне.

Нажим идет здесь по двум линиям: 1) по линии дальнейшего укрепления монополий и более основательного использования внутреннего рынка путем высоких монопольных цен и сверхприбылей, как средства борьбы во-вне собственными силами, 2) по линии дальнейшего снижения издерек производства, прежде всего в той части, где не нужны дополнительные вложения на рабочую силу, и удлинения рабочего дня. Все эти мероприятия составляют то, что называется «рационализацией без капитала».

В отличие от других империалистских стран перед Германией стоит задача повышения конкурентоспособности на мировом рынке в таком размере, чтобы, помимо всего прочего, перекрыть ряд постоянных, «фиксированных издержек». Они вытекают из того факта, что существует более высокий железнодорожный тариф и обложение перевозок, чтобы железные дороги были в состоянии давать в общей сложности 950 млн. м. по «нормальным» репарационным платежам, что сверх всего 300 млн. м. выкачивается ежегодно из самой крупной промышленности. Эти добавочные, сравнительно с другими передовыми странами, издержки вытекают, наконец, из того, что приходится платить более высокий процент по кредитам. Нажим по двум указанным направлениям, особенно по линии рабочего класса, от этого только усиливается.

Процесс укрепления монополий выражается прежде всего в том, что происходит борьба внутри самих картелей за дальнейшую концентрацию производства и «очистку» производственного аппарата от малоустойчивых и маложизненных предприятий. По этой же линии идет борьба и вне картелей. Все это создает возможность завинтить крепче аппарат монопольных цен и более основательно выжимать внутренний рынок. Но все это не может не привести к дальнейшему сужению внутреннего рынка.

4*

Со всем этим связан нажим монополии на государство с требованием активной поддержки индустрии на внешнем рынке, а для этого—прежде всего уменьшение налоговых тягот, тарифные льготы на транспорте и т. п. Углепромышленники, например, указывают при этом на политику субсидий английского правительства для поощрения вывоза английского угля. Они говорят, что из области промышленной конкуренции борьба перешла по существу в состязание в сфере государственного могущества в прямом смысле слова.

По другой линии борьба прорвалась в ряде локаутов и стачек в конце 1928 и начале 1929 г. (металлургия, текстиль, верфи).

О чем здесь мечтают трестовики, можно ясно видеть из «Немецкой Горнопромышленной Газеты».

В передовой под заглавием «Кризис» она пишет [1]:

> «Банкротство парламентаризма в той форме, в какой им одарила немецкий народ Веймарская конституция, слишком очевидно, чтобы еще можно было строить на этот счет какие-либо иллюзии».

По мнению газеты, если поговорить с глазу на глаз даже с демократически настроенным государственным деятелем, то и он скажет:

> «Так дальше продолжаться не может! Необходимо, собственно говоря, изменение системы. Самое лучшее было бы—это человек, который знает, чего он хочет, который с пониманием дела сочетает железную силу воли, чтобы провести то, что принесет пользу немецкому народу».

Но тут же газета замечает, что мечта о диктатуре в Германии утопична по международным причинам. Нас интересует, однако, не этот вопрос, а другое: что заставило органы трестовиков заговорить таким языком? Сюда прежде всего нужно отнести тяготы, которые, по мнению газеты, падают на промышленность вследствие беспорядка в государственных финансах, вследствие того, что слишком велики расходы.

> «Должно пройти время безответственных расходов, расточительности и ложно направленных социальных затрат. Ныне должно наступить время железной бережливости—иначе горе нам!».

Смысл этого восклицания недвусмысленно раскрыт в заметке, идущей под передовой и называющейся: «Деморализация вследствие обеспечение безработных», которая заканчивается следующими словами:

> ...«Социальное обеспечение не должно итти настолько далеко, чтобы делать безделье более доходным, чем работу»...

Понизить во что бы то ни стало издержки производства. А для этого снижать заработную плату, разгружать промышленность даже и от тех крох, которые она платит на поддержку безработных (далеко не всех), так как все это «непосильно» для народного хозяйства, так как это уменьшает капиталонакопление внутри страны и делает промышленность менее конкурентоспособной на мировом рынке.

Во имя этого же удлинять рабочий день.

Парламентская система, по мнению трестовиков, не дает для этого всех нужных предпосылок, какие могла бы дать железная рука диктатуры. Но так как диктатуры не потерпят победители, то выход один: жать на республику, вынудить ее самое на осуществление той же программы.

В этой связи выполняет свою «историческую миссию» германская социал-демократия. Опираясь на то положение, что германский империализм,

---

[1]) «Deutsche Bergwerks-Zeitung» № 37, 13/II—29 г.

так сказать, «необычный» империализм, что нет соответственной военной силы и колоний, что солидная доля прибавочной стоимости германского рабочего и общего народного дохода уплывает благодаря кредитам и репарациям в руки буржуазии стран-победительниц, социал-демократия этим прикрывает империалистскую сущность развития Германии. Реформизм исходит в оправдании своей нынешней политики из того положения, что Германия является обделенной и угнетенной страной. Отсюда ее новая программа вооружений, обосновывающая рост германского милитаризма, отсюда ее нажим на рабочий класс, т. к. тяжелое положение страны обязывает к жертвам и лишениям всех, чтобы облегчить и без того тяжелое положение народного хозяйства.

Проведя при вступлении в правительство незначительное снижение налога на зарплату в отношении главным образом привилегированной части рабочего класса, социал-демократия намечает увеличение налогов на массовое потребление, напр., резкое увеличение налога на пиво.

Нажим на рабочий класс в стачках и забастовках конца 1928 г. проведен руками социал-демократов. Чтобы несколько сгладить впечатление от этих событий, социал-демократы внесли в рейхстаг законопроект с рядом мероприятий по улучшению положения безработных, надеясь на то, что он будет отвергнут буржуазным большинством.

Тогда социал-демократы получат козырь для своего оправдания и удержания левеющих рабочих масс. Последнее обстоятельство оказалось в конце 1928 г. очень важным по той причине, что в октябре 1927 г. при поддержке социал-демократов был проведен закон, резко ухудшающий обеспечение безработных. Но т. к. это совпало с большим под'емом в хозяйстве и небольшой безработицей, то рабочий класс тогда мало реагировал на этот закон. В конце 1928 г. при быстром росте безработицы этот закон вызвал рост негодования в рабочих массах. Социал-демократы решили тогда маневром с законопроектом свалить с себя ответственность перед рабочими массами. Но когда партия центра, понявшая эту игру, заявила, что она будет голосовать за законопроект, т.-е. этому закону было обеспечено прохождение, социал-демократы через три дня после внесения взяли его назад, т. к. прохождение закона вызвало бы обострение борьбы со стороны буржуазии и ее резкое недовольство, в то время как социал-демократы стремятся жертвами за счет рабочих сохранить нынешнюю коалицию. Они хотели в этом ходе получить лишь агитационный козырь, а вовсе не борьбы за улучшение положения рабочего класса. Это отражает полностью тактику с.-д.: осуществление программы буржуазной республики и удержание рабочих масс всеми мерами и всеми способами.

Общую линию политики очень ясно выразил Зеверинг, социал-демократ, министр внутренних дел, заставивший в качестве третейского судьи капитулировать рурских металлистов и горняков:

> «Я горд тем, что я рабочий. Но я борюсь против культа рабочего, против культа мозолистого кулака. В демократическом государстве рабочий не лучше, чем всякий другой, и законы существуют для того, чтобы защищать всякого в его правах, в том числе и буржуа».

Нет, напрасно сердятся на республику господа горнопромышленники. Она вовсе уж не так плоха. И социал-демократы, как говорится, «могут соответствовать» их запросам. И в республике, право, «жить можно».

Стабилизация капитализма неизбежно толкает к обострению классовой борьбы внутри страны. Все внешние противоречия, все трудности для германского империализма на внешнем рынке заставляют его со всей силой нажимать на собственный производственный аппарат, нажимать на рабочий класс, чтобы компенсировать по этой линии все преграды и создать себе

большую возможность для борьбы на мировом рынке. Все грандиозное скопление противоречий давит всей своей массой в конечном счете на рабочий класс и тем самым обусловливает растущее обострение классовой борьбы, которая становится сгущенным отражением внутри страны всех тех противоречий, которые имеет германская буржуазия в ее борьбе за расширение империалистских позиций в мировом хозяйстве.

В то же время наступление на жизненный уровень рабочего класса на ряду с закреплением монопольных цен и сверхприбылей еще более суживает возможности внутреннего рынка и делает его еще более недостаточным с точки зрения растущего производственного аппарата. Стабилизация приводит к углублению несоответствия между производственным аппаратом и емкостью внутреннего рынка.

Сюда нужно отнести также и тот важный момент, что сельское хозяйство Германии находится в состоянии затяжного кризиса. Налицо обеднение крестьянства и рост задолженности крупных хозяйств. По данным главы Reichsbank'a Шахта на конференции экспертов сельское хозяйство имеет 7 мрд. м. задолженности, из них один мрд. м. пошел на мероприятия по рационализации, а 6 мрд. м. на покрытие убытков и долгов. В области рационализации сельское хозяйство еще не сдвинулось с мертвой точки. Это является в свою очередь серьезным показателем узости внутреннего рынка, т. к. растущей мощности в области индустрии противостоит погрязающее в трясине задолженности и убыточности сельское хозяйство.

VIII. Особенности немецкой послевоенной кон'юнктуры.

Все противоречия стабилизации капитализма Германиии и развития германского империализма находят свое отражение в характере немецкой послевоенной кон'юнктуры. Налицо резкая зигзагообразность развития в течение четырех «стабилизационных» годов—1925—28.

Приведем краткие важнейшие данные.

По исчислению кон'юнктурного института промышленная продукция развивалась следующим образом (рост или уменьшение в % сравнительно с прошлым годом):

1925	1926	1927	1928 [1])
+29	—9	+28	—0,1

В том числе отдельно по чугуну:

+28,8	—4,4	+33,2	—3,1

Количество получающих пособие по безработице в конце января (в тысячах) [2]):

1925	1926	1927	1928	1929
593	2.031	1.965	1.561	2.400

Число конкурсов предприятий:

1926	1927	1928 [3])
12.238	5.644	8.071

Итак, из четырех лет 1925 и 1927 гг. были годами роста, особенно резкого в 1927 г.—роста производства и уменьшения числа безработных и конкурсов. 1926 г. был годом резкой депрессии. 1928 г. был в первые 2—3 месяца еще благоприятным, но последние три четверти года показали снижение по всей линии за исключением химической, электротехнической промышленности и производства искусственного шелка. Особенно резкое снижение дали отрасли широкого потребления. Текстильная промышленность дала около 15%, а обувная почти 30% снижения против 1927 г. Снижение по сырцовой стали в октябре 1928 г. составило 7,6% против октября 1927 г. Но нужно иметь в виду, что внутренний рынок сжался еще значительней, так как отрасли, производящие средства производства, дали в 1928 г. значительный рост вывоза сравнительно с 1927 г. (Вывоз железа и стали в октябре 1928 г. 416 тыс. тонн против 353 тыс. тонн в октябре 1927 г.) [1]). Тяжелое положение продолжалось весь январь 1929 г., при чем цифра безработных почти достигла рекордных цифр 1926 г. Вторая половина 1928 г. и начало 1929 г. дают несомненный спад волны, хотя и менее резкий, чем в 1926 г., после примерно года резкого под'ема.

¹) Во всех годах взяты лишь первые 9 месяцев.

²) «Deutschlands Wirtschaftliche Lage», стр. 14, а 1929 г.—по газетам. При этом нужно иметь в виду, что по закону 1927 г. ухудшены условия обеспечения безработных, так что цифры 1928 и 1929 г. еще менее отражают истинную величину безработицы, чем прежние.

³) «Deutsche Bergwerks-Zeitung» № 4, 5/I—29 г.

Облегчающим обстоятельством является использование благоприятной кон'юнктуры других стран, когда уменьшается их экспорт и растет ввоз вследствие роста сбыта внутри страны. Это позволило, напр., в 1928 г. значительно повысить экспорт против 1927 г. Но сами капиталисты, как мы видели, отлично понимают всю опасность их зависимости от кон'юнктуры других стран и всю ненадежность положения на этой основе.

Составители уже указанного обзора «Reichs-Kredit-Gesellschaft» об'ясняют такое укорочение кон'юнктурных волн тем обстоятельством, что германское хозяйство потеряло свою довоенную эластичность вследствие зависимости от иностранных кредитов. В действительности причины лежат глубже: они заключены во всей сумме указанных внешних и внутренних противоречий стабилизации капитализма Германии, связанных с обострением других основных противоречий мирового хозяйства. Резкие и короткие скачки являются лишь отражением этих противоречий, они показывают узость тех границ, на которые наталкивается германский капитализм в своем развитии.

Составители упомянутого уже обзора исчисляют, что для развития собственными средствами Германия должна увеличить свою нынешнюю продукцию на 170% против довоенной годовой продукции Германии в ее прежних границах, тогда как нынешняя продукция составляет, по их мнению, примерно ⅔ продукции довоенной Германии. Только при этом условии Германия сможет и возместить потерю доходов от капиталов, вложенных за границей, и платить репарации. Все это, конечно, при соответствующем росте экспорта и активного торгового баланса. Таковы планы и аппетиты германского империализма. Уже приведенный нами анализ положения Германии показывает, какое дальнейшее обострение противоречий и на мировом рынке и внутри страны должно вызвать стремление осуществлять этакий план расширения.

Сопротивление и преграды, какие Германия встречает со стороны более мощных империалистских стран при проникновении на внешние рынки, зависимость всей ее империалистской политики от притока иностранного капитала, растущее несоответствие между мощностью производственного аппарата и емкостью внутреннего рынка — все это, несмотря на огромный технический прогресс, не открывает перед ней новой «эпохи» стабилизации и роста, как ни мечтают об этом социал-демократы. Стабилизация остается и временной и частичной.

¹) «Belastungsprobe», стр. 7—8.

Беннет.

К итогам X с'езда английской коммунистической партии.

Маленькая английская коммунистическая партия прошла через большую и весьма напряженную дискуссию («первая развернутая дискуссия, которая когда-либо происходила в рядах партии») [1]. Она развертывалась и становилась все более напряженной по мере приближения к самому с'езду. На с'езде происходила острая борьба между различными течениями по вопросу о тактике английской коммунистической партии вообще, о ее специфических задачах в отношении к рабочей партии и к левому крылу в особенности.

По результатам голосования по самым острым вопросам легко убедиться, что с'езд ни в коем случае не был разделен на оформившиеся группы, боровшиеся за определенные платформы. Результаты голосования по двум наиболее спорным вопросам,—о политическом взносе и об отношении к национальному движению левого крыла,—были совершенно различны. Предложение ЦК продолжать уплачивать политический взнос, но бороться за право местных организаций распоряжаться этим взносом было принято подавляющим большинством с'езда (100 против 22 голосов). Резолюция же Центрального Комитета продолжать принимать активное участие в «национальном движении левого крыла» была провалена 55 голосами против 52. Была принята противоположная резолюция, на практике означающая полный разрыв с «национальным движением левого крыла» и рекомендующая активную помощь левым группам на местах под руководством местных и окружных организаций партии. По этим двум вопросам одни и те же делегаты с'езда голосовали разно.

В дискуссии, которая велась на страницах периодической партийной печати, выявились самые противоположные позиции. Рядом с предложением отказаться от новой тактики, сформулированной IX пленумом Коминтерна (см. «Уоркерс Лайф» от 19 октября 28 г., письмо Лоу и Мартина), мы имеем предложение совершенно воздержаться от всякого участия в парламентских выборах и представлять собою единственную партию, которая может сказать рабочему классу: «Мы не просим ваших голосов» (см. письмо Хобсборна в «Уоркерс Лайф» от 26/X—28 г.). Вся дискуссия в целом показывает, что партия упорно и напряженно работала над тем, чтобы найти правильный путь успешной борьбы против мощной коалиции господствующих классов с их реформистскими лакеями, которая (коалиция) в течение вот уже двух лет систематически проводит дело укрепления и стабилизации английского капитализма за счет усиления эксплоатации английских пролетариев. Одновременно дискуссия показала наличие довольно большого разброда в рядах партии как по общим тактическим вопросам, так и по вопросам повседневной борьбы в профсоюзах и в левом крыле.

[1] См. «Коммунистический Интернационал» № 1, 1929 г., стр. 16.

Чтобы понять весь смысл этой дискуссии, надо обратиться к тому моменту, когда новая тактика вырабатывалась на основе тех колоссальных сдвигов, которые произошли в расстановке классов в Англии и в взаимоотношениях между различными слоями внутри рабочего класса.

Резолюция IX пленума заканчивается пунктом, гласящим: «В виду важного значения происшедших в Великобритании сдвигов и в целях организованного проведения новой тактики, ЦК КП Великобритании проводит широкую дискуссию по всем проблемам и вопросам, связанным с этой тактикой». К сожалению, ЦК английской компартии целиком и полностью присоединившийся к резолюции IX пленума, не учел важности и значения этого заключительного пункта. Дискуссии за IX пленумом не последовало, а между тем необходимость в ней чувствовалась настолько остро, что VI конгресс Коммунистического Интернационала считал необходимым в тезисах о мировом положении и задачах К. И. подчеркнуть, что «конгресс Коммунистического Интернационала о б я з ы в а е т (разрядка моя. *Б.*) партию развернуть широкую дискуссию о тактическом повороте в политике партии и о методах проведения новой тактики».

Эта острая формулировка VI конгресса вполне оправдалась характером той дискуссии, которая предшествовала X с'езду английской компартии. Сама дискуссия показала, что она была жизненно необходимой для сплочения партийных рядов и для действительного обеспечения единства действия. Мы, однако, должны попытаться ответить на вопрос, что заставило VI конгресс так резко подчеркнуть необходимость дискуссии в английской коммунистической партии. Для этого надо бросить взгляд на состояние английской компартии накануне IX пленума Коминтерна и в тот период, который непосредственно следовал за IX пленумом.

С разгромом горняков (конец 1926 года) для английской компартии наступают тяжелые, критические дни. Во время всеобщей забастовки и в особенности во время шестимесячной героической борьбы горняков малочисленная английская коммунистическая партия сумела стать в авангарде происходившей борьбы. По сути дела английские коммунисты действительно руководили горняками против всего аппарата английского рабочего движения, а подчас и против непосредственных, «законных» лидеров горняков, включая и архилевого Кука. Поражение горняков вызвало тяжелую депрессию в рабочем классе. Этой депрессией поспешила воспользоваться коалиция консервативного правительства с реформистской бюрократией с целью нанести удар той революционной партии, которая сумела выступать в роли смелого вождя борющихся масс. Удары, обрушившиеся на партию, в известной степени застигли ее врасплох. Мы вряд ли ошибемся, если скажем, что весь 1927 год и первые месяцы 1928 года были отмечены серьезнейшими колебаниями в рядах коммунистической партии, способствовавшими усилению позиции реформистов и потере коммунистической партией ряда позиций, завоеванных ею в бурные месяцы напряженной борьбы 1926 года. Тактическим колебаниям соответствовала серьезная путаница в общей оценке политического положения в Англии после поражения горняков.

Основная задача резолюции IX пленума в том и заключалась, чтобы положить конец путанице и разброду и наметить новую линию, соответствующую новой обстановке и могущую обеспечить коммунистической партии усиление ее влияния в борьбе за руководство пролетарскими массами.

XI пункт резолюции IX пленума гласит:

«Ни в коем случае нельзя смешивать положения, которое было в 1918—1920 гг., когда Ленин выдвигал тактику поддержки рабочей партии и подталкивания ее к власти, с теперешним положением.

В 1918—20 гг. правительство рабочей партии могло сыграть роль правительства Керенского со всеми его колебаниями. Нельзя его сравнивать с положением в 1922—23 гг., когда рабочая партия включила в свою программу требования, встречавшие резкий отпор со стороны капиталистов (налог на капитал, безработица, СССР). Нельзя его сравнивать и с ситуацией в 1924 г., когда правительство Макдональда было вынуждено уйти в отставку по двум об'ективно-революционным вопросам. Теперь так называемое рабочее правительство с самого начала будет явным орудием наступления на рабочих. Опыт правительства Макдональда, предательство всеобщей стачки и стачки горняков, изменившаяся позиция лейбористской и трэд-юнионистской верхушки в вопросе о войне, об отношении к СССР, к Китаю, Индии и Египту, изменившаяся позиция в основных внутренних вопросах (рационализация, профсоюзный билль, «мир в промышленности» и пр.),—все это выдвигает перед коммунистической партией необходимость отчетливее и резче выступить в качестве независимой политической партии, изменить свою позицию по отношению к рабочей партии и «рабочему правительству» и, следовательно, заменить лозунг рабочего правительства лозунгом революционного рабочего правительства».

Весь этот пункт, содержащий в себе основную новую директиву по вопросу о рабочей партии и о рабочем правительстве, сформулирован полемически. Полемика заострена против резолюций, которые были приняты IX (октябрьским 1927 г.) с'ездом английской коммунистической партии, и тех постановлений, которые за этим с'ездом последовали.

В резолюции IX с'езда английской коммунистической партии мы читаем: «Основные задачи нашей партии в нынешний период заключаются в мобилизации рабочих: 1) для борьбы с опасностью войны; 2) для организации отпора возобновленному капиталистическому наступлению на заработную плату... 3) для борьбы с правительством Болдуина, за его смену правительством рабочей партии, находящимся под контролем рабочего класса» (разряд. моя. *Б.*). В той же резолюции имеется пояснение формулы—«контроль рабочего класса»: «осуществление контроля над будущим рабочим правительством со стороны исполкома рабочей партии, действующего по инструкциям внеочередного конгресса, и избрание рабочего кабинета министров исполкомом рабочей партии».

Обе эти формулы вместе взятые (борьба за рабочее правительство и осуществление контроля через исполком рабочей партии) показывают, что партия в резко изменившейся обстановке по существу повторяла старые лозунги в ухудшенном издании.

Через пару месяцев Центральный Комитет партии делает робкую попытку исправить ошибочные формулировки октябрьского с'езда. В тезисах пленума Центрального Комитета (январь 1928 г.) мы читаем: «Хотя и было ошибочным такое выставление лозунга лейбористского правительства, находящегося под контролем рабочего класса, которое создавало впечатление, будто бы это—центральный лозунг в нашей политике на выборах, мы все же считаем, что, поскольку базой рабочей партии являются профсоюзы, члены которых в отличие от вождей, левеют, в случае прихода к власти лейбористского правительства, лозунг контроля рабочего движения над лейбористским правительством будет еще иметь известную ценность, хотя форма контроля, которую мы должны оставить, это—контроль со стороны рабочих организаций, а не бюрократии». Мы видим, таким образом, что и в этих тезисах поправка внесена только в форму контроля, но отношение к рабочему правительству (стало быть и к рабочей партии) остается таким же, каким оно было и в резолюции октябрьского с'езда.

Эти тезисы не были приняты единогласно. Против них выступало меньшинство, которое в свою очередь было разделено на две части. Одна часть этого меньшинства (Датт и Поллит) впоследствии формулировала свои собственные контртезисы, которые были опубликованы в «Коммунистическом Обозрении» за март 1928 г. Если мы проанализируем эти тезисы в свете резолюции IX пленума, то мы увидим, что по сути дела они содержат в себе ту же оценку происшедших сдвигов и намечают ту же новую тактическую линию как в отношении рабочей партии, так и в отношении рабочего правительства, какую дал IX пленум ИККИ; иными словами, эти тезисы, являющиеся развитием статей тов. Датта в «Лейбор Монсли» за январь и февраль 1928 г. и в «Коммунистическом Интернационале» от 10 февраля 1928 г., представляют собой обоснование необходимости резкого тактического поворота и уже намечают формы этого поворота. Только в некоторых вопросах тезисы, представленные Даттом и Поллитом, отличаются от резолюции IX пленума. Так как именно эти вопросы и стали впоследствии предметом страстных споров, мы остановимся на них несколько подробнее.

Начнем с вопроса об агитации за вхождение в рабочую партию. 8 параграф резолюции февральского пленума ИККИ гласит: «Представляется нецелесообразным пока-что отказываться от лозунга вхождения в рабочую партию, поскольку последняя еще не превратилась окончательно и в полной мере в социал-демократическую партию по своей организационной структуре. Тем не менее борьба за вхождение в Лейбор Парти должна быть превращена в наступательную борьбу против ее изменнического руководства».

Тезисы же Датта и Поллита исходят из того предположения, что с переходом на новую политику независимой борьбы против рабочей партии основа для кампании за прием в рабочую партию исчезает. Они вместе с тем допускают, что можно еще за этот лозунг бороться только до следующего с'езда рабочей партии. По существу они оказались правы. Решения Бирмингамского с'езда рабочей партии,—программа капиталистической рационализации и резолюция о лойяльности по отношению к этой программе,—раз и навсегда похоронили нашу борьбу за прием в рабочую партию. Несомненно, однако, что формула IX пленума, которая, не указывая сроков, подчеркивала, что борьбу за вхождение в рабочую партию надо превратить в наступательную борьбу против предательского руководства рабочей партии, имела свои тактические преимущества, так как она наметила новые формы борьбы и за старые лозунги.

Не вполне сходятся также формулы по вопросу о политическом взносе. Девятый параграф резолюции IX пленума гласит: «В местных организациях профсоюзов надо организовать энергичную кампанию за осуществление контроля над расходованием поступлений от взносов на политические цели для того, чтобы можно было финансировать кандидатуры, одобренные рядовыми членами организации». В тезисах же Датта и Поллита мы читаем: «Политический взнос представляет собой отчисление из профсоюзных фондов на политические цели. Мы вполне за это и должны поэтому продолжать кампанию за уплату взноса и против всяких тенденций к воздержанию. Мы должны раз'яснить, что хотя мы целиком поддерживаем политические взносы профсоюзов, мы против того, чтобы они передавались реформистской рабочей партии, которая только предает рабочих, и мы должны агитировать за то, чтобы эти взносы передавались в коммунистический избирательный фонд, так как только коммунистические кандидаты безоговорочно борются за интересы рабочих и профсоюзов». Принципиального различия между этими двумя формулировками нет. Несомненно, однако, что формула IX пленума создавала более благоприятную базу для борьбы на почве политического взноса против предательской рабочей партии.

Резолюция IX пленума не занималась вопросом о левом крыле. Тезисы Датта и Поллита содержат специальный пункт, посвященный национальному левому крылу (п. 25). Датт и Поллит предостерегали партию против тенденции левого крыла развиться в независимую политическую партию, которая может стать между коммунистической партией и официальной рабочей партией. На основании этого они настаивали на необходимости специального изучения работы левого крыла с тем, чтобы выработать линию, обеспечивающую правильные взаимоотношения между коммунистической партией и теми элементами, которые, разочаровываясь в реформизме, медленно двигаются в направлении к коммунистической партии. К сказанному необходимо прибавить, что в отличие от этих тезисов в процессе дискуссии т. Поллит более определенно формулировал свое критическое отношение к национальному левому крылу, высказываясь за полную его ликвидацию.

Иную точку зрения развивал и защищал тов. Мерфи, который также представил свои тезисы. Вместе с тов. Поллитом он голосовал против вышецитированных январских тезисов большинства ЦК, но он исходил из того, что вся обстановка созрела для раскола рабочей партии и для создания новой антикапиталистической федеративной рабочей партии, в которой коммунистическая партия могла бы играть еще более руководящую роль, чем, скажем, независимая рабочая партия определенное время играла в рядах рабочей партии. На страницах «Большевика» (см. № 3—4 за 1928 г.) тов. Мерфи следующим образом сформулировал свою основную мысль: «Нужно считаться с логикой этого движения в пользу раскола. Из всей этой политики исключений и раскола, которую ведет в последнее время общенациональная рабочая партия, вытекает неизбежно создание новой антикапиталистической федеративной рабочей партии. Это—единственная тактика, которую я считаю возможной в отношении этих массовых организаций, не являющихся еще коммунистическими, но предпочитающих бороться под коммунистическим руководством, так как это является причиной их исключения». Соответственно тов. Мерфи разрешил также и вопрос о приеме в рабочую партию и о политическом взносе. Мы вступаем в новую рабочую партию (антикапиталистическую) и ведем борьбу за то, чтобы политический взнос шел в избирательный фонд этой новой рабочей партии.

Таково было положение к моменту IX пленума. Резолюция IX пленума была утверждена единогласно всем Центральным Комитетом английской коммунистической партии. Казалось, что все споры разрешены и заложена основа для об'единенного действия. Если мы, однако, обратимся к тем событиям, которые последовали за IX пленумом, то мы увидим, что разногласия отнюдь не исчезли, а только облеклись в новую форму.

24 февраля английская компартия опубликовала на страницах своего еженедельника «Уоркерс Лайф» резолюцию IX пленума. В коротенькой передовой, посвященной этой резолюции, высказывалась надежда, что те, которые поддерживали политику Центрального Комитета до IX пленума, поддержат также и резолюцию IX пленума. Иными словами, читателям внушалась мысль, что резолюция IX пленума является продолжением и развитием тех идей, которые Центральный Комитет защищал в своих важнейших политических документах, против которых резолюция IX пленума была заострена. В том же духе действовала партийная конференция в Глазго, которая одобрила как тезисы Центрального Комитета, так и тезисы IX пленума. Сие означает, что по крайней мере на первых порах партия не усвоила того нового—принципиально нового—курса, который наметился в решениях IX пленума. Еще хуже обстояло дело с непосредственным практическим проведением в жизнь резолюций IX пленума. Центральный Комитет честно и искренне стремился к тому, чтобы последовательно проводить все решения IX пленума, несомненно, однако, что он недостаточно учел все трудности

перехода на новые рельсы и не принял всех необходимых мер для того, чтобы как в области идеологической работы, так и в области тактической правильно ориентировать и направлять партию в духе решений IX пленума. В результате получились загзаги и колебания как в области профсоюзной работы, так и в отношении к левому крылу, партия же в целом—об этом убедительно свидетельствует вся дискуссия, начавшаяся 12 октября прошлого года и закончившаяся на с'езде в конце января текущего года—не усвоила полностью всей сущности новой тактической линии.

Не случайно предс'ездовская дискуссия заострилась на вопросах о политическом взносе и о левом крыле. Отсутствие твердой линии в борьбе против профсоюзной бюрократии, особенно в союзе горняков, с одной стороны, и явно невыдержанная политика в отношении так называемого левого крыла имели своим последствием нарастание серьезного недовольства всей политикой ЦК.

В процессе дискуссии тов. Мерфи формулировал следующие пункты, которые он назвал «ответом оппозиции» (см. «Коммунистическое Обозрение» янв. 1929 г.): 1) отказ от борьбы за прием в рабочую партию; 2) борьба за выход профсоюзов—местных и национальных—из рабочей партии; 3) неплатеж политического взноса, уплата которого равносильна членству в рабочей партии; 4) прямое рекрутирование в партию, финансовая и моральная поддержка союзов и их членов коммунистической партии; 5) единый фронт партии с союзами или с местными организациями, которые восстают против рабочей партии; 6) прием союзов и местных организаций в движение меньшинства, руководимое коммунистической партией; 7) образование коммунистических рабочих избирательных комитетов во время выборов для поддержки кандидатов коммунистической партии.

Отвечая на эту программу, тов. Кемпбелл от имени секретариата ЦК (см. «Уоркерс Лайф» от 18 января) писал: «Пункты 1, 2, 4, 5 и 7 являются политикой ЦК, пункт 6 был политикой партии с момента организации движения меньшинства». На этом основании тов. Кемпбелл приходил к выводу, что дискуссия по существу касается только двух вопросов—неплатежа политического взноса и выхода из состава левого крыла. Если обратиться к дискуссии, то мы увидим, что тов. Кемпбелл действительно прав: вокруг этих двух вопросов была сосредоточена вся борьба как до с'езда, так и на самом с'езде. Раньше, чем перейти к анализу разногласий по этим двум вопросам, мы только отметим, что предложение о выходе профсоюзов из рабочей партии является также новшеством, которое было принято Центральным Комитетом без всякой предварительной дискуссии и без всякой попытки обосновать, каким образом он намеревается этот лозунг провести в жизнь. Верно, что X с'езд несколько смягчил формулу Центрального Комитета. Согласно решению, принятому с'ездом, идея выхода профсоюзов из рабочей партии ставится только как лозунг пропаганды, а не непосредственного действия. Несомненно, что это решение о выходе профсоюзов из рабочей партии находится в противоречии с решением о политическом взносе. К тому же оно может породить вредное предположение, будто Томасы и Персели чем-нибудь отличаются от Макдональдов и Макстонов.

Начнем с вопроса о левом крыле. В защиту ликвидации левого крыла выступал не только тов. Мерфи, но и тов. Поллит. На страницах «Уоркерс Лайф» от 11 января Поллит высказывался за немедленную ликвидацию этой организации. «Я думаю,—писал он,—что движение, как оно теперь организовано, должно быть ликвидировано. Оно было организовано после Ливерпульского с'езда в 1925 году, чтобы бороться против определенного постановления (речь идет о постановлении Ливерпульского с'езда исключать коммунистов из рабочей партии). Это пройденная фаза. Теперь существует опасность, что мы будем пытаться поддерживать национальную организацию

с особым аппаратом и со своей программой в противовес программе рабочей партии. Это явится базой новой партии, которая станет между нами и массами». Об этой опасности пишет также и тов. Датт на страницах «Коммунистического Обозрения» (январь 1929 г.). Но как Поллит, так и Датт выражаются более осторожно по вопросу о левом крыле, чем тов. Мерфи. Они не предлагают заменить левое крыло избирательными комитетами. Датт только пишет, что «национальное движение левого крыла, как оно существует теперь.., приняло характер национально-политической организации со своей собственной программой между рабочей партией и коммунистической партией». Нет никакого сомнения в том, что и Поллит и Датт были правы в своей критике тактики партии по отношению к левому крылу вообще, по отношению к национальному движению левого крыла в частности. Но они не сумели сделать правильных выводов из критического анализа.

Национальное движение левого крыла было организовано не только в противовес рабочей партии, но и в противовес так наз. левым—Лэнсбери и К°, которым хотелось позировать в роли левых, оставаясь верноподданными Макдональда. Национальное движение левого крыла с самого начала стало на путь резкой и решительной борьбы не только против откровенных реформистов, но и против так называемых левых. В этом было его преимущество перед английскими центристами, руководимыми Макстоном, Лэнсбери и др. Несомненно вместе с тем, что общая неправильная позиция в отношении к Макстону и Куку, а также поддакивание некоторым элементам внутри «национального движения левого крыла» имели своим последствием настороженное отношение большого числа членов партии к тактике Центрального Комитета по отношению к левым элементам вообще. Центральный Комитет партии не понял всей серьезности этого настороженного отношения партии. «Особенно комична,—писал Кемпбелл (см. «Уоркерс Лайф» от 18 янв.),— попытка пугать партию страшным жупелом, будто левое крыло может представлять собою новую центристскую партию». Развенчивая этот «жупел», тов. Кемпбелл писал, что каждый член партии знает, что не найдется ни одного члена левого крыла среди 50, которые были бы защитниками новой партии». Тов. Кемпбелл явно не понял той опасности, от которой специально предостерегали Датт и Поллит. Суть не в том, хотят или не хотят отдельные члены левого крыла создавать новую партию. Опасность заключается в том, что при неправильной тактике промежуточная организация, которая обзаводится своим аппаратом, своей организационной сетью и своей программой, может об'ективно обратиться в барьер между коммунистической партией и левеющими рабочими. Правильный выход из этого положения заключался бы в том, чтобы критически пересмотреть всю тактику коммунистической партии по отношению к левому крылу вообще, к национальному движению левого крыла в частности. Неудачная защита политики партии в отношении к левому крылу имела своим последствием решение большинства с'езда (правда, незначительного большинства) совершенно ликвидировать левое крыло, которое при нынешних условиях и в нынешней обстановке при правильной тактике могло бы служить определенным рычагом в борьбе против партии Макдональда и Томаса, становящейся все более и более откровенно буржуазной.

Мы уже отметили, что предложение ЦК по вопросу о политическом взносе было принято подавляющим большинством. По этому вопросу члены Центрального Комитета английской коммунистической партии оперировали разными аргументами, но они все выступали одинаково решительно за продолжение платежа политического взноса, подчеркивая, что наша оппозиция направлена не против политического взноса, а против передачи его в распоряжение рабочей партии. По этому вопросу в рядах Центрального Комитета тов. Мерфи остался в ничтожном меньшинстве. Сторонники прекращения политического взноса потерпели также поражение и на самом с'езде.

Мы отметили только решения по спорным вопросам. Но независимо от тех или иных резолюций, принятых с'ездом, необходимо отметить, что сам с'езд был первым с'ездом, проходившим на основе широкой самокритики, как мощного орудия партийного развития. С этой точки зрения X с'езд означает собою переломный пункт в истории английской коммунистической партии. Он свидетельствует о большом под'еме активности членов партии. Эта активность является порукой в том, что английская коммунистическая партия сумеет **коллективными** усилиями преодолеть все те трудности, с которыми она сталкивается, и разрешить все сложные и запутанные задачи, вытекающие из своеобразных условий развития английского рабочего движения.

Правые и левые уклоны в английской компартии.

Мы не станем подробно останавливаться на тех своеобразных трудностях, на которые работа коммунистической партии в Англии наталкивается. Нам представляется, что характеристика общего экономического положения Англии, а равно и роли предательского реформизма, данная IX пленумом Коминтерна, сохраняет полную силу. Если мы попытаемся проверить нынешнее положение в Англии в свете резолюций IX пленума, то мы неминуемо придем к выводу, что англичане до известной степени нарушили свою неизменную традицию «постепенности и преемственности» и проявили некоторую склонность к более быстрым переменам как в направлении проведения рационализации, так и в деле сплетения аппаратов рабочего движения с аппаратами буржуазного государства. Вместе с тем несомненно, что было бы жесточайшей ошибкой об'яснять все те испытания, которые выпали на долю коммунистической партии в последние годы, одними лишь об'ективными трудностями. Особенно ошибочно было бы приписывать падение числа членов и сокращение тиража коммунистической прессы той депрессии, которая последовала за разгромом горняков. В процессе предс'ездовской дискуссии было в достаточной мере убедительно показано и доказано, что и суб'ективные факторы—колебания и ошибки руководства—играли немалую роль и оказали неблагоприятное влияние на развитие коммунистического движения в Англии. Мы поэтому обязаны глубже проанализировать содержание и сущность тех ошибок, которые отмечались в процессе дискуссии, и таким образом постичь природу и характер тех разногласий, которые проявились в рядах английской коммунистической партии.

Само собой понятно, что в процессе дискуссии делались попытки выяснить, в какой мере в английской коммунистической партии проявилась та опасность правых уклонов, которую VI конгресс Коминтерна признал важнейшей опасностью в нынешний период. Возражая своим оппонентам, тов. Кемпбелл уже в цитированном нами заявлении от имени секретариата ЦК заявил:

«В ходе дискуссии некоторые товарищи высказывали мысль, что большинство ЦК проявило значительные колебания в деле полного применения новой линии. Это обвинение основано на том, что ЦК еще попрежнему высказывается в пользу политического взноса и за участие, для ограниченных задач и в ограниченных областях, в национальном движении левого крыла.

Нам говорят, что это составляет «правую» опасность и ликвидаторскую тенденцию. Следует об'яснить, что ЦК, когда он говорит о новой линии, имеет в виду резолюцию IX пленума, которая признала необходимость уплаты политического взноса в настоящее время и предположила наше дальнейшее участие в левом крыле.

Классический правый уклон от этой новой линии (кроме отказа полностью применить ее) заключается в предложении организации рабочей политической федерации (тов. Кемпбелл имеет в виду ту антикапиталистическую рабочую партию, которую предлагал тов. Мерфи). «Левый» уклон заключается именно в проповедывании неплатежа политического взноса и выхода из левого крыла».

Нам представляется, что тов. Кемпбелл чрезмерно упростил вопрос о правых и левых тенденциях в английской коммунистической партии. В первую очередь нет никаких оснований об'являть предложение тов. Мерфи единственным воплощением правых уклонов в английской компартии. Надо иметь в виду, что предложение тов. Мерфи об организации 2-й рабочей партии совпало с тем моментом, когда большинство ЦК предлагало продолжать старую линию в отношении ныне существующей рабочей партии. В коммунистической прессе правильно отмечали, что обе эти крайности являются разными сторонами одного и того же пессимистического отношения к коммунистической партии. Но совершенно независимо от оценки предложения тов. Мерфи (от которого он отказался во время обсуждения этого вопроса в английской делегации на VI конгрессе Коминтерна) необходимо отчетливо отметить, что правые ошибки были отмечены в английской коммунистической партии д о и п о с л е IX пленума. Вряд ли кто-нибудь будет теперь отрицать, что сопротивление большинства ЦК новой тактической линии до IX пленума представляло собой выражение правых оппортунистических настроений. Но и после IX пленума все те ошибки, которые были отмечены в процессе дискуссии, являются по существу правыми ошибками.

Начнем с вопроса о самой дискуссии. Мы уже отметили последний заключительный пункт резолюции IX пленума, мысль коего была еще резче выражена в резолюции VI конгресса. То обстоятельство, что Центральный Комитет не счел необходимым своевременно развязать широчайшую самокритику в целях вовлечения всех членов партии в активную работу по проведению новой тактической линии, является доказательством неправильной оценки сущности новой линии и всех тех грандиозных трудностей, с которыми ее проведение сопряжено.

Если мы обратимся к непосредственным тактическим ошибкам английской компартии, то мы также неминуемо придем к выводу, что эти ошибки являлись отрыжкой старой тактики, стало быть, при нынешних условиях должны быть расцениваемы как оппортунистические ошибки.

Мы остановимся только на ошибках, относящихся к профсоюзной тактике и к левому крылу.

Вся работа профбюрократов, ставших откровенными лакеями Монда, сосредоточена на том, чтобы обеспечить английской буржуазии возможность безболезненной стабилизации загнивающего английского капитализма. Английские господствующие классы, развращенные и деморализованные длительной эпохой своего господства на мировом рынке, стремятся укрепить свои пошатнувшиеся позиции не столько развитием и совершенствованием техники, сколько усилением эксплоатации рабочих масс. Крайне характерно, что именно в Англии оборотная сторона капиталистической рационализации выступает так резко и так ярко. «Старая веселая Англия» наполнена теперь районами, в буквальном смысле слова поверженными в нищету. В целях проведения таких стабилизационных операций капитал нуждается в мощной профсоюзной бюрократии, которая связывает по рукам и ногам пролетариев, поднимающихся для борьбы против усиления методов и системы эксплоатации. Само собой понятно, что в этих условиях английские коммунисты обязаны в профсоюзах вести самую беспощадную борьбу против агентов Монда. Особенная ответственность ложится на коммунистическую партию

по отношению к тем профсоюзам, в которых коммунисты занимают руководящее положение. Казалось бы, что именно в этих союзах коммунисты должны были бы непосредственно связывать борьбу против предателей-реформистов с борьбой против продолжающегося и принимающего самые жестокие формы капиталистического наступления. Вместе с тем мы замечаем, что и в Файфе, где коммунисты и примыкающие к ним работники левого крыла занимают все руководящие посты, и в Ланкашире, где коммунисты занимают важнейшие руководящие позиции, компартия не проявила достаточно решительности и реформистам удалось—особенно в Ланкашире—нанести рабочему движению ряд тяжелых ударов.

Английская коммунистическая партия также не учла того обстоятельства, что в нынешней обстановке она вынуждена противопоставить себя всей реформистской бюрократии и ни в коем случае не доверять тем, которые готовы изображать собой революционеров на словах, но у которых нехватает мужества и энергии решительно пойти на борьбу с коалицией предпринимателей и профсоюзных чиновников, которые, особенно в нынешний период, ни в коем случае не содействуют связи компартии с массами, а, наоборот, ослабляют кампанию подготовки пролетарских масс к надвигающимся экономическим битвам. Не надо быть ни оптимистом, ни пророком, чтобы с максимальной уверенностью утверждать, что уже в ближайший период «неофициальные» забастовки (т.-е. забастовки, происходящие вопреки воле профсоюзных бюрократов) будут играть огромную роль в классовой борьбе в Англии. И в былые годы, когда профсоюзная бюрократия не была столь тесно связана и переплетена с аппаратом предпринимателей, рабочим приходилось прибегать к «неофициальным» забастовкам для защиты своих самых элементарных интересов. По сути дела, все важнейшие битвы между трудом и капиталом в Англии имели своей исходной точкой так называемые неофициальные забастовки. Теперь против этих забастовок мобилизованы все силы буржуазии. Знаменитый билль, правильно названный «хартией стачколомов», об'явил вне закона целый ряд забастовок. Генеральный совет открыто заявил на последнем конгрессе, что он предпочитает забастовкам «конструктивное» участие в деле рационализации капитализма. «Оно (профсоюзное движение) не только заинтересовано в процветании промышленности, но оно хочет иметь свое суждение о методах управления промышленностью для того, чтобы оно могло оказывать влияние на то новое развитие, которое теперь происходит» [1]. «Вожди» отдельных профсоюзов тоже только тем и занимаются, чтобы срывать забастовки, и предпочитают вести мирные беседы за «круглым столом» с представителями капитала. Все маленькие забастовки, которые происходили в последнее время, наталкивались на самые свирепые преследования со стороны всей профсоюзной бюрократии. Ясно, что в нынешних условиях важнейшая задача коммунистической партии заключается в том, чтобы подготовить рабочий класс к неминуемым боям и п о д г о т о в и т ь н е о б х о д и м о е б о е в о е р у к о в о д с т в о, к о т о р о м у п р и д е т с я с т о л к н у т ь с я н е т о л ь к о с х о з я е в а м и, н о и с о с в о е й п р о ф с о ю з н о й б ю р о к р а т и е й. Для этой цели «левые» профсоюзные бюрократы являются очень слабыми и очень ненадежными союзниками.

Энергичная подготовка к предстоящим боям, конечно, не может и не должна быть истолкована в смысле необходимости на данной ступени развития приступить к организации новых профсоюзов. Наоборот, основная задача коммунистической партии заключается в том, чтобы напряженно бороться за каждую позицию, которую она имеет в профсоюзном движении, усиливать эти позиции и завоевывать новые позиции. Но борьба должна

[1] См. стенографический отчет 60 конгресса английских трэд-юнионов, стр. 209.

вестись с развернутыми знаменами. Разоблачение предателей должно итти рука об руку с организацией сопротивления наступлению и с подготовкой к контрнаступлению.

Докладчик ЦК на X с'езде по профсоюзному вопросу отмечает три опасности: 1) неумение приспособить тактику к наступлению капиталистов и бюрократов на рабочих; 2) ослабление внимания к профсоюзной работе и 3) разговоры о создании новых союзов. К сожалению, и докладчик не отмечает, что третья опасность (разговоры о создании новых союзов) является в первую очередь результатом невыдержанной тактики в тех профсоюзах, в которых коммунисты занимали руководящие позиции. Иными словами, эти разговоры являются реакцией против той неправильной политики, которая проводилась партией в профсоюзном вопросе.

Такую же примерно картину мы наблюдаем при изучении тактики партии в отношении к левому крылу. Теперь вся партия единодушно оценивает выступление Макстона и Кука с программой «социалистического возрождения», как попытку овладеть движением пробуждающихся к активной борьбе пролетарских масс. Все это движение окончилось фарсом. Плохо, однако, то, что на первых порах коммунистическая партия не только не разоблачала этих левых болтунов, но пыталась помогать им мудрыми советами. Эта тактика мудрых советов продолжалась и после того, как герои «социалистического возрождения», пользовавшиеся советами коммунистов, открыто отмежевались от коммунистов, чтобы не дать повода Макдональду прибегать к репрессивным мерам против них. А в самое последнее время один из героев этого «социалистического возрождения» — Уитли — провел свое собрание под охраной полиции, при чем полиция охраняла его от «коммунистических смутьянов», и среди арестованных на этом собрании был не кто иной, как Вильям Галахер, к которому Уитли, Макстон и Кук бегали за советами, когда они начинали свой «левый поход».

Такое отношение к левым реформистам является типичнейшим выявлением правой оппортунистической политики. Реакцией против этих правых ошибок являются сектантские разговоры о полном разрыве не только с героями левой фразы в роде Макстона и Уитли, но фактически и с левыми рабочими, которые мучительно и напряженно работают над тем, чтобы эмансипироваться из-под влияния реформистов разных цветов и разных оттенков.

Поэтому мы полагаем, что и в английской коммунистической партии важнейшей опасностью является правая опасность.

Отмеченные выше ошибки были в огромной мере исправлены. Худо, однако, то, что в тезисах, представленных X с'езду, Центральный Комитет партии, не счет необходимым подвергнуть мужественной самокритике эти свои ошибки. Верно, что в самом конце с'езда тов. Белл от имени политической комиссии заявил: «Одной из первых задач нового ЦК будет назначение комиссии, которая подвергнет критическому анализу историю партии с момента ее образования. Изучению будут подвергнуты также ошибки прошлого».

К этому заявлению надо прибавить, что хорошо было бы, если бы членами комиссии фактически стали все те активные члены партии, которые энергично участвовали в предс'ездовской дискуссии.

Можно двояко изучать ошибки прошлого. Секции Коминтерна мало занимались изучением своей собственной истории. Теперь в связи с десятилетием Коминтерна правильно, уместно и своевременно, чтобы каждая партия подвергла критическому анализу путь, пройденный не только Коминтерном в целом, но и данной партией, и в частности подвергла критическому анализу те ошибки и частичные поражения, которые сопутствовали развитию революционного движения в данной стране. Это—одна из форм самокритики. Но есть и другая, не менее необходимая. Мы говорим о коллективной самокритике, в которой участвуют не только рудоводители и профессиональные журналисты, а вся партия в целом. В Англии мы имели такую массовую дискуссию накануне с'езда. Она, несомненно, принесла огромную пользу партии. Этот второй путь самокритики—массовой, коллективной—в данный момент не менее важен, чем первый. Он приобретает особую ценность в обстановке относительной стабилизации, когда реформистское влияние сказывается не только вокруг нас, но и в наших собственных рядах.

* * *

«Мы вышли из с'езда об'единенными и укрепленными как партия, готовая проводить следующие задачи: 1) бороться энергично за новую линию, которая является не только новой избирательной политикой, но борьбой за руководство английским рабочим классом во всех сферах деятельности; 2) выдвинуть партию вперед как вождя и организатора рабочего класса в великих экономических битвах, которые надвигаются; 3) развить наши фабрично-заводские ячейки и укрепить влияние нашей партии на предприятиях всеми возможными способами; 4) применять энергично тактику единого фронта снизу».

Так резюмирует итоги с'езда центральный орган английской коммунистической партии «Уоркерс Лайф» (см. № от 25 января). К сказанному можно только прибавить, что все эти задачи будут выполнены лишь в том случае, если партия действительно станет на новые рельсы и попытается дружными усилиями осуществить на деле генеральную линию VI конгресса. Для этого партии придется не только провести решительную кампанию против право-оппортунистических настроений, но и преодолеть примиренческое к ним отношение. Одновременно партии придется повести самую решительную борьбу против всяких рецидивов сектантства, которое довольно отчетливо проявилось в последней партдискуссии.

Б. Маркус.

Необуржуазные и мелкобуржуазные установки в вопросах труда [1]).

V. Трудовое законодательство.

Трудовое законодательство, определяющее уровень условий труда, является мощным рычагом регулирования благосостояния рабочего класса. Идеологи буржуазии противопоставляют и здесь свои позиции, им нужно добиться здесь уступок капиталу. Они склонны об'являть, что якобы на путь таких уступок мы уже встали сразу после об'явления нэпа. Исходя из этого, они подсказывают лазейки и щели в недомолвках законодательства, которые позволили бы на деле ухудшать условия труда. Так, например, проф. Варшавский видит первое наше грехопадение в принятии Кодекса Законов о Труде 1922 г. Давая общую характеристику Кодекса Законов о Труде, этого основного закона, которым победивший рабочий класс регулирует минимальный уровень условий своего труда — он убеждает расценивать этот закон, как акт, «менее прямолинейный и принципиальный, чем КЗоТ 1918 года», как акт компромиссного характера, не становящийся исключительно на защиту трудящихся.

«Законодатель имел, конечно, в виду необходимость в связи с новой экономической политикой, открывшей пути частному капиталу, закрепить за трудящимся право на сносные условия существования... но он должен был в то же время учитывать необходимость создать такие условия, при которых могла бы развиваться хозяйственная жизнь страны, при которых в особенности частный промышленный капитал нашел бы достаточные стимулы для выступления на арене хозяйственной жизни» [2]).

Уважаемый профессор допустил здесь маленькую ошибку—так сказать, аберрация зрения — свое пожелание он принял за факт: действующий сейчас Кодекс Законов о Труде 1922 года является отнюдь не уступкой частному капиталу, а дальнейшим укреплением наступательных позиций пролетариата. В этом можно легко убедиться не сравнением отдельных абзацев и букв текста Кодексов Законов о Труде, изданных до и после перехода к нэпу, а сравнением реального улучшения условий труда после перехода от декларативных норм эпохи военного коммунизма к новым нормам, соответствующим всей хозяйственной обстановке и ресурсам обобществленного сектора народного хозяйства. Если обратиться к проверке фактами того, в каком направлении развивалось за эти годы проведение Кодекса, то мы

[1]) Окончание. Начало статьи см. в предыд. номере.

[2]) Варшавский, «Трудовой договор по КЗоТ СССР», изд. «Academia», стр. 16; см. также К. Варшавский, «Трудовое право СССР», изд. «Academia», 1924 г., стр. 21—22. Он получил в свое время должную отповедь от тов. И. С. Войтинского «Трудовое право СССР», 1925 г., и от тов. А. Е. Семеновой.

убедимся, что он—отнюдь не «уступка частному капиталу», а наше новое завоевание. Глубоко прав был в своей оценке Кодекса Законов о Труде 1922 года Владимир Ильич Ленин, когда в речи на сессии ВЦИК 31 октября 1922 г. говорил:

«Я думаю, это громадное завоевание советской республики, если мы в такое время, когда все страны ополчаются на рабочий класс, выступаем с кодексом, который прочно устанавливает основы рабочего законодательства» [1]).

Из своей общей оценки Варшавский делал, конечно, свои практические выводы, протаскивая целую вереницу таких определений и толкований трудового договора и др. понятий (связь между трудовым и гражданским законодательством), которые, будучи применяемы на практике, могли бы привести к безусловному ухудшению условий труда.

Эти оценки проф. Варшавского можно было бы сейчас не шевелить, если бы они не повторялись и в наше время в целом ряде новых вариантов.

Перед нами лежит об'емистая книга П. Д. Каминской [2]), в конце 1928 года вышедшая уже третьим изданием, посвященная вопросам советского трудового права. Книге предпосылается пространное теоретическое введение, в котором автор — типичный эклектик — на протяжении 30 страниц не меньше 15 раз пытается опереться на Маркса и Энгельса и тем не менее здесь же провозглашает такие истины, которые, мягко выражаясь, никуда не годятся.

Так, например, буржуазное законодательство по рабочему вопросу Каминская рассматривает не как завоеванное пролетариатом право; ставя вопрос на голову она расценивает его, как «идущее по пути уступок (чьих? не «надклассового» ли государства? *Б. М.)* господствующему буржуазному классу». Отбивая поклоны перед Марксом, Каминская в одном и том же абзаце предоставляет цитате из «Капитала» уютное соседство с правильным, по ее мнению, определением Дешанта о том, что в капиталистических предприятиях в результате заключения колдоговора достигается «коллектив в примиренном состоянии взамен коллектива в состоянии борьбы». Минуя целый ряд других путанных определений Каминской, мы видим, что и она в конечном счете вслед за Варшавским повторяет, что предпосылкой издания нового Кодекса Законов о Труде явилось возрождение частного капитала.

Правда, Каминская не решается вслед за Варшавским повторять старые утверждения и перепевы юристов - цивилистов о том, что к вопросам трудовых отношений, не охваченных законодательством о труде, применяются начала гражданского кодекса, который-де здесь имеет «субсидиарное значение» (восполняет пробелы Кодекса Законов о Труде). Но, если этого вывода не повторяет Каминская, то зато юристы-«практики», несущие защитную службу у концессионеров, да и многие сторонники режима экономии за счет урезки прав рабочего не минуют случая, опираясь на высокую теорию проф. Варшавского и пролезая в поры нашего бюрократического законодательства (12.000 постановлений!), добиваться именно такой постановки вопросов [3]).

При наличии таких вылазок мы должны призвать себя к бдительности.

«Точное выполнение как администрацией, так и рабочими законов о труде, договоров и правил о труде и производстве (КЗоТ), колдоговоров, правил внутреннего распорядка, постановлений примирительных инстанций и третейских судов и т. д.—должно являться необходимой предпосылкой правильной организации труда и здоровой трудовой дисциплины» (XV партконференция ВКП (б)).

[1]) В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 80.

[2]) П. Д. Каминская, «Советское трудовое право», — «Вопр. Труда», 1928 г., стр. 471.

[3]) Необходимую отповедь в этой части Варшавский получил у тов. Стучки в его «Курсе советского гражданского права».

Надо осознать, что за многотомным законодательством стоят живые люди и трудовые отношения. Ищущие смычки с бюрократом частник, концессионер, деревенский кулак — вот те силы, которые всячески использовывают наши упущения, чтобы исходя из своих классовых интересов урвать у рабочего хоть пядь того, что ими потеряно в Октябре.

В этих условиях недостаточная настойчивость профсоюзов в их защитной работе, нечеткость работы инспекции труда, трудпрокуратуры, трудсудов—является прямым извращением нашей классовой политики в области регулирования труда. Шахтинское дело наглядно убедило в том, что слабость профработы и работы органов НКТ не только в частных и концессионных предприятиях может быть приравнена к сползанию с классовых позиций, но и внутри наших советских государственных предприятий неуменье во-время одернуть бюрократа и вредителя может привести к потере классовой ориентировки. Нельзя не упомянуть в этой связи об особой опасности бюрократического перерождения тех клеточек наркомтрудовского аппарата, которые обслуживают рабочие массы. А эта опасность есть, и она вполне ощутима, она растет, во-первых, из наличия в аппарате чуждых элементов, засидевшихся старых чиновников, бывших фабричных инспекторов и т. д.; во-вторых, из недостаточного вливания в каналы аппарата НКТ лучших элементов рабочего класса; в-третьих, здесь повинен и наш общий низкий уровень грамотности, культурности, квалификации. Решительное вовлечение новых активистов-рабочих и молодых красных специалистов, сменяемость и подотчетность выборного состава, непрерывная подготовка резервов для выдвижения, на основе подлинной самокритики — являются единственными средствами для изживания бюрократизма.

Не даром Владимир Ильич делал такое ударение на необходимости подбора исполнителей и проверки исполнения. «Искать людей, проверять работу — в этом все» [1]).

Наглядное доказательство того, как правильная политическая директива может быть искривлена, как эти искривления могут быть на-руку классовому врагу, дает законодательство о применении наемного труда в крестьянских хозяйствах.

В свое время XIV парконференцией и XIV партс'ездом было одобрено издание закона, направленного к облегчению найма подсобного труда батраков в индивидуальных бедняцких и середняцких крестьянских хозяйствах. Закон был издан и предусматривал значительно льготные условия найма для хозяйств, где наемный труд является подсобным, то-есть главным образом для части середняков. Само собой разумеется, что распространение этих льгот на кулацкое хозяйство было бы резко ошибочно, вело бы к усилению эксплоатации батраков.

Когда закон этот был издан, сменовеховец Лежнев в устряловском журнале «Новая Россия» с нетерпением толкал нас под руку, требуя его распространения на все, в том числе и кулацкие, хозяйства. Вдохновляясь, он писал чуть ли не стихами: «Город повернулся лицом к деревне, начал развязывать ее производительную силу, но развязывающие руки трясет лихорадка кулакомании, город хочет развязать середняка и связать кулака сразу. А граница между кулаком и середняком смутна и расплывчата. Какой межевой инженер установил ее»? [2]).

Местные органы власти: обл-, крайисполкомы, совнаркомы автономных республик, должны были взять на себя ответственную роль, «межевого инженера», издав постановления, точно определяющие и выделяющие круг кре-

[1]) В. И. Ленин, «Об улучшении госаппарата и борьбе с бюрократизмом и волокитой», ГИЗ, 1929 г., стр. 65.

[2]) «Новая Россия» № 2, стр. 26.

стьянских хозяйств «промышленного типа», на которые льготы не распространялись и где наем должен был происходить на основе общего законодательства о труде (КЗоТ). Не говоря уже о том, что самое издание этих постановлений происходило с огромным запозданием, дошедшим в отдельных местах до 2 лет и более, самые постановления, изданные исполкомами оказались в ряде случаев настолько «резиновыми», что любое кулацкое хозяйство могло себя чувствовать «охраненным». Наркомтруд РСФСР представил в Совнарком очень показательную сводку этих постановлений [1]).

Она богато иллюстрирует то положение, что отдельные исполкомы «дали маху», просчитавшись весьма существенно и отнюдь не в пользу батрака. Не даром кулацкий профессор Кондратьев высказался за законодательное уточнение понятия кулак, «из'яв из этого понятия на практике случаи аренды земли и найма сельскохозяйственного труда в размерах, допускаемых для трудового (!) хозяйства» [2]).

Практика показала, что кое-кто невольно оказался в плену этих поправочек к решению партии.

Достаточно указать, что правительство автономной республики Немцев Поволжья в своем постановлении (ныне отмененном и исправленном) указывало, что все хозяйства, имеющие одного постоянного или одного сезонного и двух временных рабочих, вне зависимости от остальных признаков (доходности, наличия промпредприятий, торговли и т. д.) нанимают батраков на основе «временных правил». В Марийской области «временные правила» не распространяются лишь на те хозяйства, где работа ведется исключительно с помощью наемной рабочей силы. Стало быть, достаточно, чтобы в кулацком хозяйстве работал на ряду с батраками сам хозяин или члены его семьи, чтобы наем батраков происходил на основе «временных правил». В Карельской республике все хозяйства, нанимающие менее 3 рабочих на отхожих промыслах (лесозаготовки, рыболовство), независимо от доходности хозяйства относятся к числу тех, на которые распространяется льготное законодательство. Рязанский ГИК установил порядок, при котором даже такие «середняки» в кавычках, как арендаторы садов меньше 3 десятин, хотя бы имеющие при этом еще свой немалый садовый участок, будут относиться к числу попадающих под «временные правила». Астраханский ГИК мудро и «понятно» для широких масс установил единственный признак: хозяйство относится к промышленному типу только тогда,

> «когда число трудоспособных, считая в том числе и наем, равняется числу нетрудоспособных членов двора, т.-е. когда на одного трудоспособного приходится один нетрудоспособный, но при этом число наемных лиц в хозяйстве не должно превышать единовременно 2-х человек по 9 месяцев каждый, при поденном найме единовременно при общей сумме денщин не выше 100, но не более пяти лиц единовременно. Хозяйства, у которых соотношение между собственными трудоспособными и малолетними членами семьи таково, что хозяйство лишено предыдущих условий при превышении 30 денщин в году при краткосрочном найме в «страдную пору».

Если эту издевательскую абракадабру (а она, видимо, рассчитана на то, чтобы ее поняли батраки, сельсоветы и т. д.) перевести на русский язык, то можно сказать, что астраханский ГИК решил, что любой торговец, мельник, даже попадающий под индивидуальное обложение архикулак, если он будет прибегать к найму только двух человек, работающих по 9 месяцев, то он сможет пользоваться льготным законодательством.

[1]) Она использована в статье т. Венде «Кто является кулаком», которая в ближайшее время появится в журнале «На Аграрном Фронте» за 1929 г. (со статьей я знакомился в рукописи).

[2]) Напомним, что тов. Ленин давно уже разоблачил всю фальшь понятия «трудового» крестьянства. Ведь трудовым может быть любое архикулацкое хозяйство, в котором его владелец, наниматель-эксплоатор, трудится.

Такие примеры можно умножить, но и приведенного достаточно для того, чтобы сделать вывод о весьма ярко выраженных отклонениях от классовой линии партии, которые сквозят в приведенных установках.

VI. Вопросы рабочего времени и другие проблемы охраны труда.

Длина рабочего времени на ряду с заработной платой является одним из основных показателей уровня благосостояния рабочего. Переход на 7-часовой рабочий день поэтому является одним из наиболее ярких свидетельств о характере нашей экономической политики. Конечно, классовому врагу этот орех не по зубам. Но с какой стороны подойти к нему. Откровенно выступать против манифеста — трудновато. И вот они изощряются.

Немедленно после издания манифеста Вайнштейн «подводит идеологию» и пытается доказать невыгодность для хозяйства... даже 8-часового дня. Он пишет:

> «Повышение интенсивности труда и производительной силы труда не компенсировано недовыработкой, проистекающей от уменьшения рабочего дня, несмотря на значительные капитальные вложения в промышленность в течение последних лет» [1]).

Нужды нет, что по цензовой промышленности дневная выработка рабочего уже в 1926—27 г. превысила довоенный уровень 1913 года (на 2,4%) [2]). Вайнштейну необходимо свое утверждение отнюдь не для фактической справки. Он бьет здесь в 7-часовой день.

Конечно, жалкое положение — прятаться в кусты, но что поделаешь, иного пути нет. Ему могут посочувствовать меньшевики: они, даже пользуясь за границей полной «свободой слова», не сразу могут сказать, что они против 7-часового дня. Что называется «не выговаривается». Они сначала сообщали, что их отношение к этому вопросу «не может не быть очень сдержанным». Потом они ищут защиты у ученого Липмана (и зря запутывают его в свое вранье), который-де научно доказал, что именно 8-часовой день является «средней для оптимумов всех отраслей промышленности». И только спустя месяц после этих статей выбалтывают, наконец, свою позицию, до конца и ясно говорят, что, по их мнению,

> «введение трех смен и семичасового рабочего дня, как массовое явление, как новое завоевание пролетариата (выражение манифеста), в Советской России неосуществимо» [3]).

Ну, как не пожалеть их, когда сама жизнь их бьет и к тому же быстрее, чем можно было ожидать. Сравнительно короткий срок первого опыта осуществления 7-часового дня доказал уже на практике, что при надлежащей подготовке перевода на 7-часовой день мы извлекаем из этого мероприятия целый ряд экономических плюсов (увеличение об'ема производства, рост числа рабочих, при сохранении и повышении дневной производительности труда и зарплаты и при одновременном понижении себестоимости [4]).

В области других вопросов охраны труда чуждые нам тенденции проявляются в ряде моментов. Характерен прежде всего типично предпринимательский подход со стороны хозяйственников, а в литературе со стороны ряда авторов к оценке причин травматизма.

---

[1]) Альб. Вайнштейн, «Итоги и основные эконом. показатели нар. хоз. СССР в 1926/27 г.». «Эк. бюллет. Кон'юнкт. ин-та» № 11—12 за 1927 г., стр. 5.

[2]) А. Рабинович, «Проблема труда в СССР»,—«Эк Обозр.» № 10 за 1927 г., стр. 162.

[3]) «Соц. Вестн.», передовая № 4 за 1928 г.

[4]) Подробные показатели приведены в моей статье «На семь часов», помещенной в журнале «Коммунистическая Революция» № 22 за 1928 г.

В буржуазных государствах, у капиталиста прямой материальный расчет относить все несчастные случаи к вине рабочего: это освобождает нанимателя от ряда материальных обязательств по отношению к пострадавшему или страховому товариществу. Каждый здравомыслящий человек понимает, конечно, что только спятивший с ума рабочий мог бы сам действительно искать несчастного случая, каждому ясно, что, если отдельные случаи травматизма и вызываются изредка «неосмотрительностью или небрежностью» работающего, то и этой «неосторожности» не могло бы быть, если бы наниматель во-время устранил или оградил опасности, связанные с профессией. Очевидно, несчастные случаи вызываются или ненормальными санитарно-техническими условиями труда, или несоблюдением со стороны нанимателя правил техники безопасности, или, наконец, необученностью, неопытностью рабочего, но и эти обстоятельства, в конечном счете, надо отнести за счет упущений нанимателя. В буржуазных условиях, однако, отнесение несчастных случаев за счет «вины рабочего» в порядке вещей, ибо оно подводит подобие идеологического фундамента, подобие оправдания нецелесообразности для капиталиста расходовать средства на охрану труда: действительно, если рабочий сам виноват, то никакие затраты на технику безопасности этой причины не устранят.

Но вот мы переносимся в наше советское предприятие. И что же мы видим здесь? В поте лица своего не только некоторые хозяйственники, но и чиновники Наркомтруда (технические инспектора) расследуют несчастные случаи, чтобы в конечном счете притти к выводу, что добрая половина несчастных случаев вызывается неосторожностью рабочего. Более того находятся люди, которые выступают в печати с отождествлением неосторожности рабочего с его *виновностью* и договариваются в своем усердии даже до необходимости мер воздействия по отношению к... потерпевшему [1]).

Эта типично буржуазная установка заставляет ставить вопрос в буквальном смысле слова на голову, и все это ради того, чтобы обосновать снятие ответственности за несчастные случаи с хозяйственника или нанимателя, «логически» доказывая вместе с тем нецелесообразность затрат на технику безопасности.

В практике два года под ряд, несмотря на недвумысленные директивы партии, правительства, центральных хозорганов мы наблюдаем на местах, что при общем росте уровня несчастных случаев, средства, ассигнованные по плану на оздоровление условий труда, оказываются использованными по назначению к сроку в среднем лишь на 80—85%. Этим извращением интересы пролетариата явно ущемляются во вред делу индустриализации и во вред здоровью рабочего.

Отдельные мелкобуржуазные установки в области охраны труда проявлялись еще в предложениях пойти на отказ от ряда норм правил охраны труда во имя облегчения и удешевления найма рабочей силы в мелких частных хозяйствах и тем самым во имя смягчения безработицы. Эти предложения концентрируются главным образом вокруг вопросов об условиях труда учеников у кустарей (требование бесплатного ученичества), об удешевлении женского труда, об установлении более льготных условий труда квартирников и т. п. Расширение найма за счет снижения или отказа от завоеванных Октябрем условий труда для нас неприемлемо. В условиях СССР в противоположность капиталистическим мы не пойдем на рассасывание нашей преимущественно аграрной безработицы за счет ухудшения условий труда работающих. Наши методы борьбы с безработицей совсем иные.

---

[1]) См. ст. инженера Уникеля и мой ответ в № 12 журнала «Охрана Труда» за 1928 г., стр. 13—15.

VII. Проблема безработицы и регулирования рынка труда.

Среди явлений, обусловливающих наши трудности, не последнее место занимает так называемое «аграрное перенаселение», заключающееся в разрыве между предложением рабочих рук в деревне и возможностью их поглощения в народном хозяйстве.

Аграрное перенаселение представляет собой явление, которое было бы ошибочно рассматривать в статике: порожденное чрезвычайной отсталостью сельского хозяйства и вытекающим отсюда обнищанием части крестьянских масс во времена помещичье-капиталистической России, аграрное перенаселение представляет собой одно из тяжелых наследий прошлого, которое не могло и не может быть изжито в короткий срок.

Разница между сравнительно низким уровнем доходности от ведения сельского хозяйства или кустарного промысла в деревне и заработком черно рабочего или малоквалифицированного рабочего в городе представляет собой притягательную силу для относительно (при данном уровне производительности труда и доходности) избыточных рук в деревне.

Чем больше эта разница в доходе, чем менее обеспечивает доход от ведения своего хозяйства или промысла, чем большую притягательную силу имеет город (особенно для молодежи), чем более доступно (по расстоянию, по средствам передвижения, наличию жилищ и т. д.) место нового заработка и чем более определен, длителен, широк спрос на рабочие руки,—тем эта тенденция к передвижению относительно избыточной рабочей силы проявляется более открыто. «Непрерывность течения сельского населения к городам предполагает, что в самой деревне постоянно имеется скрытое перенаселение, размеры которого становятся заметными, едва лишь открываются исключительно широкие отводные каналы», — говорил Маркс [1]).

Путь использования относительно избыточных рабочих рук в деревне лежит, конечно, прежде всего через под'ем производительности труда, а вместе с тем и доходности тех масс крестьянства, хозяйство которых сейчас отталкивает от себя рабочую силу, т.-е. бедняцких и середняцких. Устраняя экономическую основу тяги в город (одновременно выравнивая разницу в культурном уровне жизни города и деревни), мы тем самым уничтожаем корни, питающие аграрное перенаселение. Правда, на первый взгляд может

---

[1]) «Капитал», т. I, ГИЗ, 1923 г., стр. 635.

К слову сказать, аграрное перенаселение отнюдь нельзя измерять количеством жителей, входящих в группу бедняцких хозяйств. Из практики мы знаем, что значительная часть хозяйств, отпускающих рабочие руки в город, принадлежит к числу середняцких, отход является здесь некоторой вынужденной самозащитой от дальнейшего дележа хозяйства, кроме того, в многосемейных дворах он вызывается наличием для данного хозяйства относительно избыточных рук, ибо на данном уровне техники хозяйства и уровне его доходности заработок в городе более выгоден и для них. В малосемейных бедняцких хозяйствах, в которых мало работоспособных членов семьи, уход на заработки был бы равносилен разрушению хозяйства, из этого следует, что и таких бедняков нельзя считать избыточными в деревне.

Все это, а особенно наличие перенаселения в скрытой форме, размеры коего выявляются лишь при определенных благоприятных для отхода условиях, позволяет считать, что с исчисленной Госпланом по балансу труда сельского населения цифрой аграрного перенаселения—около 7 млн. дворов—можно считаться весьма и весьма условно. Точно так же мы относимся к указываемой т. Лариным цифре аграрного перенаселения, исчисленной специальной комиссией СНК, в 6 с лишком млн. дворов (или 26,5 млн. человек). Если мы ее и называем здесь, то понимать это следует лишь как примерную, но весьма и весьма неточную иллюстрацию об'ема того зла, которое мы должны преодолеть, если не в этой пятилетке, то хотя бы в дальнейшем.

(См. Ю. Ларин, «Социальная структура СССР и судьбы аграрного перенаселения», ГИЗ, 1928 г., стр. 37).

показаться, что увеличение производительности труда, достигаемое интенсификацией и машинизацией сельского хозяйства, будет освобождать лишние рабочие руки. Но это было бы верно лишь в том случае, если считать, что наше сельское хозяйство может развиваться только по капиталистическому пути. Но мы видим и знаем другой путь развития деревни — путь кооперирования и коллективизация крестьянских хозяйств и расширения государственных совхозов. Именно здесь и лежит генеральная линия изживания аграрного перенаселения. Наша аграрная политика всячески поощряет рост доходности в коллективных хозяйствах, которые могут расти и интенсивно и экстенсивно. Те рабочие руки, которые освобождаются здесь благодаря введению машин, могут быть с успехом использованы в другой части расширяющегося коллективного хозяйства, которое под контролем и при поддержке государства может и должно развивать целый ряд трудоемких отраслей хозяйства. Достигаемое на этом пути общее повышение доходности должно повлечь за собой сокращение рабочего времени, которое достигает сейчас в сельском хозяйстве весьма высоких цифр. Общий закон сокращения рабочего дня при повышении уровня жизни, который исторически проявил себя во всех отраслях труда, не может не сказаться и в сельском хозяйстве. Его действие должно повлиять на более равномерное распределение трудовой нагрузки в деревне и тем самым на вовлечение большего количества рабочих рук, ныне отпускаемых на побочные заработки в города.

Госпланом РСФСР еще в июле 1928 года намечалось доведение % коллективных хозяйств за 5-летие с 2,9 до 5,5. Насколько нам известно, соответствующие предположения сейчас значительно изменены в сторону повышения этой цифры до 12—15%.

Правда, и этот об'ем коллективизации не обеспечит еще решительного сдвига в текущее 5-летие в сторону изжития относительного аграрного перенаселения, но важно то, что существенные шаги в этом направлении уже твердо намечаются. Плоды эти мы пожнем и реально ощутим уже в следующем пятилетии.

Принимая меры по рассасыванию аграрного перенаселения, мы не должны, конечно, ограничиваться только коллективизацией крестьянских хозяйств. Все прочие мероприятия нашей экономической политики, направленные к повышению доходности бедняцких и середняцких масс, действуют в том же направлении: сюда относятся развитие кустарных промыслов, все мероприятия по поднятию урожайности, развитию технических культур и животноводства, переселение на новые земли с организацией там при поддержке государства жизнеспособного сельского хозяйства, развитие дорожного строительства и т. д.

Аграрное перенаселение частично и немало смягчается ростом наемного труда во всех отраслях народного хозяйства и особенно в индустрии, но надо прямо сказать, что даже наиболее благоприятные темпы развития промышленности не могут создать таких условий, чтобы на ближайший период именно этим можно было изжить аграрное перенаселение. С этой точки зрения нам представляются совершенно реакционными раздающиеся кое-где предложения о том, чтобы развитие индустрии, транспорта, строительства и др. отраслей хозяйства в их целом, во имя смягчения аграрного перенаселения и безработицы, было направлено по линии наиболее трудоемких вложений. Такие ноты звучат в целом ряде выступлений буржуазных экономистов, но они находят подчас сочувственный отклик и в нашей среде. Такая точка зрения означает, по существу, предложение об искусственной задержке внедрения в наше хозяйство наиболее современной техники: ведь чем выше уровень техники, тем менее трудоемки вложения. Но снижение возможного уровня техники равносильно снижению темпа индустриализации

страны, а тем самым означает уменьшение роста благосостояния трудящихся масс города и деревни. Это, конечно, не исключает того, что практически те трудоемкие вложения, которые мы вынуждены при наличных технических средствах производить, являются одним из методов изживания современной безработицы.

Равным образом неприемлемыми мы считаем предложения, раздающиеся со стороны некоторых товарищей, о необходимости во имя ликвидации безработицы расширения индустрии за счет тех фондов, которые мы сейчас тратим на ежегодный под'ем заработной платы.

Предлагающие это не учитывают, что безработица, основанная на аграрном перенаселении, отнюдь не будет изжита поглощением в промышленности лишних нескольких сот тысяч человек, а между тем, задерживая рост благосостояния рабочих кадров и уничтожая стимул к повышению производительности труда, такие мероприятия могли бы лишь сорвать успешность осуществления наших планов индустриализации.

В противовес нашей генеральной линии изживания безработицы и аграрного перенаселения буржуазные экономисты выдвигают свою программу рассасывания безработицы в деревне путем усиления найма в наиболее «крепких» хозяйствах. Они ставят общую ставку на решительное развитие производительных сил в сельском хозяйстве «вообще», прямо говоря о необходимости для этого жертвовать нашими социально-политическими намерениями поддержки бедняка и союза с середняком. При этом любопытно, что рост кулацкого хозяйства оправдывается ими как... форма помощи бедноте: «Фаворизируя бедноту и сдерживая рост хозяйственно мощных слоев деревни,—печалится Кондратьев,—мы не только задерживаем развитие сельского хозяйства, не только подрываем возможность индустриализации страны, но и лишаемся возможности оказывать реальную помощь самой бедноте». В целом ряде других формулировок экономисты кондратьевской школы и вместе с ними и меньшевики убеждают нас прямо, что развитие верхних слоев крестьянства означает и соответствующее расширение найма и—стало быть—уменьшение безработицы. Ясно, однако, что для нас развитие капитализма в деревне означает: 1) безусловное усиление эксплоатации бедноты и батрачества; 2) не повышая реальной доходности беднейшего и среднего крестьянства, усиливая пролетаризацию и обнищание маломощных слоев деревни, рост кулачества означал бы усиление аграрного перенаселения. Выталкивая из хозяйств новые сотни тысяч рабочих рук, такая политика привела бы в лучшем случае к занятию в качестве батраков лишь десятков тысяч, остальные вынужденно оседали бы на рынке труда, увеличивая городскую безработицу.

Оседание деревенской рабочей силы, приходящей из деревни в город, Госплан исчислил в 1924—26 г. величиной порядка около 700 тысяч человек в год [1]). Наша городская безработица представляет собой картину, совершенно отличную от безработицы в капиталистических странах, складывающейся из индустриальных рабочих: из 1,5 млн. безработных, зарегистрированных на биржах труда СССР (а их каталоги засорены самым безобразным образом лицами, не нуждающимися в работе), мы имеем лишь около 200 тысяч квалифицированных и полуквалифицированных рабочих среди безработных. Это значит, что у нас в основном безработица носит не индустриальный, а аграрный характер. В соответствии с этим и должны намечаться пути ее изживания. При таких условиях основная идея регулирования городского рынка труда заключается в том, что мы должны осуществлять,

---

[1]) См. «Контр. цифры нар. хоз. СССР на 1927/28 г.», изд. Госплана, стр. 215

если можно так выразиться, политику «государственного протекционизма» в отношении преимущественного предоставления работы действительному пролетарию. Иначе и быть не может: человек, живущий исключительно за счет заработной платы, за счет применения своей рабочей силы, не имеющий своего сельского хозяйства, больше нуждается в работе и представляет вместе с тем наиболее ценную для промышленности рабочую силу. Исходя из этого принципа, мы сознательно всемерно ограничиваем приток и регистрацию на бирже труда и оседание на городском рынке труда тех социальных элементов, которые ранее существовали и в силу своих хозяйственно-экономических связей могут и дальше существовать не за счет труда по найму.

Выделение на бирже труда так называемых действительно безработных, в отличие от ищущих труда, имело смысл как предоставление первым определенных преимущественных прав в посылке на работу через биржу труда.

На первый взгляд такое ограничение может показаться излишним, ибо обычно предусмотрено по колдоговорам обязательство нанимателя принимать на работу лишь через биржи труда, которые посылают на работу преимущественно членов союзов. Эта гарантия оказывается, однако, недостаточной: на работу лишь через биржи труда производится посылка от 20% до 30% нечленов союза (демобилизованные, одинокие женщины с детьми и пр.) [1]).

Таким образом, именно регистрация и связанная с этим посылка биржей труда, а не только правила приема на работу, является ключем к регулированию рынка труда и оказанию преимуществ рабочему. Но именно эта принципиальная позиция и подвергается нападению. Обстрел здесь ведется со стороны одного из наших попутчиков.

З. Мохов выступил в печати с рядом статей, направленных против нашей политики ограничения регистрации на биржах труда в отношении лиц, ищущих труда [2]). Видя большую засоренность бирж труда лицами, отнюдь не нуждающимися в работе, однако, держащимися за «звание безработного», автор с энергией, достаточной лучшего применения, твердит о необходимости «решительного отказа от всяких искусственных рогаток при регистрации» на бирже труда. Он убеждает читателей на слово поверить ему, что неизбежный при отмене ограничений усиленный приток новых лиц, ищущих труда или звания безработного, почему-то должен будет быстро схлынуть, усилив ныне слабый отсев на биржах труда.

Вся аргументация Мохова основана лишь на одном: он констатирует слабый отсев безработных на биржах труда за последние 1½ года и приписывает его нашей политике. Ему словно и невдомек, что слабый отсев, «не мудрствуя лукаво», легко об'яснить почти полным прекращением в Москве и Ленинграде той чистки каталогов бирж труда, которая обычно проделывались при неявках безработных на отметки. Такая «техническая мелочь» говорит об исключительной негодности, преувеличенности и засоренности официальных цифр безработицы этих городов. Но эта же «деталь» разбивает все построения Мохова.

Видя действительно слабый эффект тех ограничений в праве на регистрацию на бирже труда, который имеет место сейчас, Мохов не только не задумывается над изысканием более действительных мер освобождения бирж труда от засоряющих их элементов. Наоборот, всемерно ратует за полное освобождение бирж труда от «бессмысленной заградительной работы»,

---

[1]) См. Я. Гиндин, «Регул. рынка труда и борьба с безработицей», изд. II, вып. 1928 г., стр. 70.

[2]) См. его статьи в «Труде» 20/XI 1928 г., № 269, в «Торг.-Пром. Газ.» от 14 июня 1928 г., № 136, «Вопр. Тр.» № 2 за 1929 г. (с последней статьей я знакомился в рукописи).

призывая тем самым превратить их «в хороший барометр нашего рабочего рынка».

Никакие баррикады словесных нагромождений и аргументов не могут скрыть того, что под шапкой-невидимкой своих предложений автор протаскивает отнюдь не простое неудачное деловое предложение. Речь идет об открытии дверей биржи, а тем самым и ворот фабрики, для текущих сюда социально чуждых элементов, об отмене государственного протекционизма в подыскивании работы потерявшему ее рабочему. Это—тенденция, чуждая рабочему классу и вредная. Не даром и меньшевики тоже в согласии с Моховым ругательски ругают нас за то, что, «скованные официальной доктриной, руководители коммунистической политики... ищут выхода из тупика на путях искусственного стеснения притока рабочих из деревни в города», не даром наш закон от 4 марта 1927 г., лежащий в основе регулирования рынка труда, они считают «реакционной утопией» [1]). Вскормленные на хлебах мелкой буржуазии, они с пеной у рта и откровенно защищают именно ее интересы.

Мохов делает то же самое, но значительно более робко. В этом вся разница.

VIII. Воспроизводство рабочей силы.

В вопросах воспроизводства рабочей силы борется за свое право на существование одна гнилая теоретическая установка. К автору и творцу ее—тов. Гастеву—мы питаем заслуженное им уважение, как к человеку, который практически не мало пользы принес в деле разработки простых, сравнительно дешевых, быстрых методов технической подготовки рабсилы, необходимой нашему социалистическому строительству. Но все это не может лишить нас права и обязанности критиковать ту вредную и социально опасную «философию» воспроизводства рабочей силы, которую он проводит. Правда, тов. Гастев призывает на VIII с'езде комсомола ставить вопрос в плоскости: «что ты делаешь, а не как ты рассуждаешь». Пожалуй, эта мерка лучше всего подходит для отпущения ему его собственных грехов по части рассуждений. Но все же мы ведь не так пренебрежительно относимся к идеологиям, чтобы отрицать их значение.

Тов. Гастев дает следующую установку: «Нужно добиваться того, чтобы рабочий был придатком машины» [2]). По его мнению, «ключ к новой трудовой культуре, ключ к серьезной культурной революции» заключается в элементарных отрезках производственного поведения, к которым он относит маневры и хождение около станка, сосредоточенность внимания, распределение внимания, движения рук, положения тела. «Такая трудовая культура, доведенная до силы инстинкта, будет решающей в нашем хозяйственном, а вместе с тем и в социалистическом развитии» [3]).

В соответствии с этим, воспевая в стихах и в прозе только «поэзию рабочего удара», тов. Гастев понимает этот удар в самом буквальном смысле слова, трудовая и производственная тренировка для него—все, прочее—в том числе социалистическое воспитание и образование молодежи, марксистско-ленинская грамотность, общекультурное развитие рабочего—для т. Гастева—явный балласт в подготовке рабсилы. Логически рассуждая, тов. Гастев идет дальше—ему дела нет до социального лица формируемого рабочего. «Придаток к машине» должен быть покрепче: не годится для этого пролетариат, тем хуже для него. И с легким сердцем тов. Гастев отодвигает городскую рабочую силу от ряда профессий, считая, что «серьезным надо признать вопрос

[1]) См. статью Шварца «Страусова политика», «Соц. Вестник» № 13 за 1928 г.
[2]) «Бюллетень VIII с'езда ВЛКСМ», 14, стр. 16.
[3]) «Установка рабочей силы» № 1—2, 1928 г., стр. 17.

комплектования рабочей силы при обучении из крестьянского населения, как более крепкого, в таких профессиях, как кузнечное дело, прокатное, вообще так называемые горячие цеха, строительное дело» [1]). Заодно уже выставляется тезис о вовлечении в производство призывных возрастов вместо подростков, отказ от брони подростков и, наконец, во имя расширения подготовки по методам и формам ЦИТ выставляется в противовес ясной директиве XV с'езда ВКП(б) положение о сужении подготовки рабсилы по формам фаб.-зав. ученичества (ФЗУ) [2]).

Гастевская теоретическая установка тут же переводится на практический язык: промышленность, справедливо критикуя ряд ошибок в работе школ ФЗУ, сокращает число занятых подростков (на 1 января 1927 г.—139.000 подростков, на 1 января 1928 г.—122.000 при росте общего числа рабочих с 2,48 млн. чел. до 2,65 млн.). Ведется общее наступление на ФЗУ, которому пытаются отвести роль школы только для высококвалифицированных и квалифицированных рабочих; массовая подготовка рабочей силы намечается к осуществлению через цеховое обучение.

В чем же неприемлемость и гнилость гастевской принципиальной установки. Конечно,—не в проповеди трудовой дисциплины, тренировки и культуры. Они нам необходимы, как воздух для дыхания, в этом тов. Гастеву должна быть обеспечена всемерная поддержка и помощь партии и союзов.

Ошибка тов. Гастева начинается с другой «изюминки»—с попытки превратить живого рабочего, строителя социалистического хозяйства, в немой «придаток машины», она начинается с отождествления рабочего с механической рабочей силой, с пренебрежения к культурному развитию рабочего, с проповеди замены пролетария более здоровой крестьянской рабочей силой, более отвечающей гастевским идеалам придатка машины.

Неприемлемость этих идей особенно четко проявляется в свете перспективы потребностей промышленности в рабочей силе. Внедрение высокой техники, как показывает опыт наиболее совершенных предприятий, ведет к двоякого рода изменениям спроса на рабочую силу. С одной стороны, значительная часть нынешних сложных профессий распадается на более мелкие, простые и массовые операции, требующие для своего усвоения очень небольшой подготовки. Эти простые операции в свою очередь будут постепенно заменяться новыми механизмами, замещающими живых рабочих; последние вследствие этого вынуждены будут менять свою профессию. Определенная высота общего культурного уровня рабочего должна являться необходимой предпосылкой для успешного и быстрого усвоения навыков новой профессии. Общая культурность массовой рабочей силы является, таким образом, не только не роскошью, не только политической необходимостью для подготовки рабочего—хозяина государства, но и чисто экономической необходимостью; жертвовать ею во имя дешевизны подготовки рабочей силы было бы весьма недальновидно.

Одновременно с расщеплением трудового процесса новая техника вызывает потребность в относительном увеличении числа высококвалифицированных рабочих, наблюдающих за действием и исправностью усложняющихся механизмов. В этой части промышленность прямо пред'являет спрос на высоко развитого и технически весьма квалифицированного рабочего.

Таким образом, социалистическое хозяйство (о том же говорит и программа Коминтерна) повелительно диктует, в противовес тов. Гастеву, не упрощенное производство людей-автоматов, придатков машины, а «социалистическую рационализацию труда молодежи путем сочетания материаль-

[1]) Из тезисов Гастева «Реконструкция производства», «Подготовка рабочей силы и политехнизм».
[2]) См. тезисы Гастева в «Устан. раб. силы» № 11—12 за 1928 г.

ного производства с общим и политическим образованием». Наша партийная программа требует также не только для избранных, а *для всех* детей обоего пола до 17 лет «проведения бесплатного и обязательного общего и политехнического образования, знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства». Взгляды Маркса, Энгельса, Ленина на вопросы социалистической подготовки рабочей силы, высказанные ими неоднократно, находятся также в резком противоречии с теоретической установкой Гастева [1]).

Все это ясно говорит о практических выводах, которые напрашиваются из неприемлемости гастевской философии: 1) ФЗУ есть единственная форма, которая сочетает изучение производственных навыков с теоретическим образованием. За ним должна быть обеспечена будущность, как за основной формой подготовки всех видов обученной рабочей силы. Развитие, а не сужение сети ФЗУ должно найти свое отражение в плане развития народного хозяйства. Недостатки нынешних школ ФЗУ необходимо всемерно исправлять, всячески охраняя самые школы ФЗУ, как подлинное завоевание Октября. 2) Другие формы обучения: базы ЦИТ, бригадное и индивидуальное ученичество—должны быть сохранены на ближайший период времени, поскольку школы ФЗУ не могут еще обеспечить всех потребностей народного хозяйства в рабочей силе. Однако, им надо отводить роль второстепенных и постепенно отмирающих форм подготовки рабочей силы.

IX. Выводы.

Рассмотрение отдельных, разрозненных предложений в области регулирования труда убедительно доказывает наличие целой системы буржуазных взглядов, противопоставляемых решениям нашей партии в этой области. Отдельные, на первый взгляд разрозненные, «лоскутные», мозаические кусочки составляют законченный, выпуклый профиль. Если снять с него фиговые листочки, придется признать, что на глазах у нас легально выросла и оформилась целая необуржуазная программа по рабочему вопросу применительно к условиям СССР, программа, ставящая своей целью срыв систематического улучшения положения рабочего класса.

Открытым идеологам буржуазии, как мы показали, нередко удается взять на буксир некоторые элементы из наших аппаратов и организаций, которые часто, не договаривая до конца, вносят целый ряд «деловых» предложений, осуществление коих об'ективно означало бы, даже против суб'ективной воли их авторов, торможение нашего социалистического строительства. Наличие же бюрократических извращений в нашем советском аппарате удесятеряет эту опасность.

Призвать себя к бдительности, усилить разоблачение вредных идеологий и отпор им, трижды проверять самих себя и наших помощников, помнить, что «сознательный пролетариат должен уметь критически относиться к становящейся на его сторону интеллигенции, должен научиться беспощадной борьбе с оппортунизмом в политике» (Ленин, т. VII, ч. 2. стр. 94),—таков вывод из всего сказанного.

---

[1]) См. *Ленин*, т. II, стр. 301, изд. 1926 г., также брошюру «Маркс и Энгельс о детском труде», изд. ЦК РКСМ, 1923 г.

Я. Бумбер.

Межселенные энерго-технические центры.

Потребности страны в продовольствии и сырье из года в год быстро возрастают. С другой стороны, быстрый размах индустриализации и связанный с этим импорт требуют такого же быстрого роста экспорта. Однако, вследствие отставания развития сельского хозяйства от общего темпа индустриализации мы переживаем в последние годы по линии удовлетворения этих потребностей ряд серьезнейших затруднений. Совершенно очевидно, что только исключительно смелая и напряженная реконструкция сельского хозяйства может консолидировать работу по индустриализации страны и предотвратить рецидивы продовольственных и сырьевых затруднений на еще более широкой базе.

Меры, направленные к усилению под'ема бедняцкого и середняцкого индивидуального хозяйства,—один путь к этому, но как бы на них ни налегать, они являются по неизбежности паллиативными. Они не могут подвести под нашу социалистическую индустриализацию той *мощной* сырьевой и продовольственной базы, в которой она нуждается. Потребности города в сырье и продовольствии из года в год растут примерно тем же темпом как сама индустрия, одновременно быстро растет деревенское потребление, а мелкое и мельчайшее крестьянское хозяйство не в состоянии усвоить этого темпа, даже если поставить его в идеальные, так сказать, «тепличные» условия.

Необходимость самого форсированного строительства социалистического сектора сельского хозяйства, способного образовать мощную сырьевую и продовольственную базу индустриализации страны, поэтому совершенно очевидна. Но как раз реальность установки на ближайший солидный народнохозяйственный вес социалистического сектора, в частности колхозов, берется под сомнение. Насаждайте, мол, в деревне колхозы и колхозики, они соответствуют нашим социальным установкам, как модус хозяйственной помощи бедноте, как социально-экономическое мероприятие против процесса диференциации деревни и т. д., но не говорите о их народнохозяйственном значении в качестве продовольственной и сырьевой базы индустриализации. Таково мнение некоторых товарищей, не говоря о лицах, враждебных самой идее социалистического переустройства сельского хозяйства.

Да, до сего времени колхозы, действительно, не могли похвастаться ни высокой эффективностью своего производства, ни массовостью его, т.-е. ни тем, ни другим из основных условий народнохозяйственного веса.

Развернутая в 1928 г. на основе постановлений XV с'езда партии работа придала впервые колхозному строительству характер массовости. Но эта, усвоенная в 1928 г. в колхозном строительстве массовость все же не является массовостью того порядка, который нам нужен, исходя из властных требований плана индустриализации страны, из директивы XV с'езда партии: догнать и перегнать в развитии производительных сил передовые капиталистические страны.

Равным же образом обстоит с эффективностью производства. Средняя колхозная урожайность выше, чем у кулака. В этом несомненное и полное оправдание того типа колхозного строительства, который пока-что преобладает. Но перед лицом колоссальных задач, стоящих ребром в разрезе пятилетия, этого больше чем недостаточно. Ведь критерий—кулацкое хозяйство с точки зрения его производственного уровня само стоит на весьма низком уровне. Кулацкая эксплоатация в отличие от западного и американского капиталистического земледелия построена в значительной мере на ростовщичестве и торговой прибыли.

Итак и с эффективностью колхозного производства и с массовостью его, т.-е. с основными факторами его народнохозяйственного веса, пока-что обстоит недостаточно благополучно.

Спрашивается, на чем же тогда основаны наши плановые установки и уверенность в их реальности? Нет ли в них диспропорции между элементами желаемого и возможного? Лучшим ответом на эти вопросы является ознакомление с одной замечательной работой, недостаточно еще известной в широкой партийной и рабочей среде.

Она освещает совершенно особым светом ряд установок пятилетнего плана и лишний раз доказывает, как верна все же установка на форсированное строительство социалистического сектора сельского хозяйства, несмотря на заботливые окрики «осторожных» людей и несмотря на то, что из прошлого колхозного и в значительной части и совхозного строительства действительно нельзя почерпнуть прямых доказательств громадного народнохозяйственного веса их в недалеком будущем.

Работа, о которой идет речь,—опыт 1-й машино-тракторной станции на Украине, изложенный ее директором тов. Маркевичем на ряде заседаний и в на-днях появившейся посвященной этому опыту книге [1]). Она еще раз ярко продемонстрировала, как мало известны нам свои потенциальные возможности и как мало у нас еще своей, в настоящем смысле социалистической, пропитанной марксистско-ленинским духом опытной работы по реконструкции сельского хозяйства. Он же—этот опыт—продемонстрировал пока-что на одном примере, как много совершенно новых, неожиданных перспектив и возможностей открывается, когда пытливые, преданные делу и свободные от неонароднических идей и земских традиций люди берутся за дело реконструкции сельского хозяйства.

* * *

Одной из основных побудительных причин, стимулировавших опыт строителей 1-й машино-тракторной станции, является тот прискорбный факт, что реконструкцию нашего сельского хозяйства ограничивает не только недостаток технических средств, в частности, тракторов, но и неумение их наиболее эффективно использовать.

Рационализация производства включает не только введение лучшей, усовершенствованной техники, но в равной мере и ее рациональное использование. При отсутствии второго — рациональной организации использования — технические плюсы зачастую перекрываются частично или полностью организационными минусами, больше того, не исключено и отрицательное сальдо, т.-е. убыточность.

Тяжелое несчастье коллективного сельского хозяйства состоит как раз в том, что оно, знаменуя по замыслу переход от ненаучного прадедовского, кустарного, в значительной части натурального производства к научному, специализированному, товарному, в огромном большинстве своем

---

[1]) Агроном А. М. Маркевич, «Межселенные машино-тракторные станции», изд. «Плановое Хозяйство», Москва, 1929 г.

фактически на деле продолжает оставаться по сей день сугубо кустарным. Правда, наши технические возможности ограничены. Но ведь тем более нелепо, что эти ограниченные материально-технические средства используются низкоэффективно.

Не является случайностью, что такое положение прежде всего и наиболее остро выявилось и обратило на себя внимание в тракторном хозяйстве. Трактор—наиболее нужный нам для под'ема зернового хозяйства и обобществления полеводства технический рычаг. На трактор как двигатель обобществления сельского хозяйства была сделана основная ставка. Внедрение его в сельское хозяйство связывалось с особыми надеждами. Осечка в этом деле поэтому неизбежно дала себя чувствовать наиболее остро. К тому же тракторoснабжение базируется пока-что преимущественно на ввозе, т.-е. требует величайшего народнохозяйственного напряжения.

Что же привело к кризису тракторного хозяйства?

При поверхностном подходе, непонимании тесной связи, существующей между техникой и формами организации,—разочарование зачастую относили за счет трактора, пошли разговоры о проверенных опытом преимуществах животной тяговой силы перед механической и т. д. и т. д. Но от более глубокого и вдумчивого взгляда не могло, конечно, ускользнуть то обстоятельство, что передовой технике отвечает не всякая полукустарная организационная форма, что именно тут-то следует искать причины кризиса тракторного хозяйства. Осознание этого и направляло к поискам таких организационных форм, которые дали бы не помножение передовой рациональной техники на иррациональную, отрицательную организацию, а, наоборот, помножение ее на рациональную организацию.

Первым результатом этих поисков явились широко теперь известные тракторные колонны, работа тракторов группами, отрядами. Уже эта форма организации ознаменовала некоторый шаг вперед. Но колонна являлась все же в сущности переходной формой, проверкой самых основ идеи создания компактных машино-тракторных кулаков, кочевым, чрезвычайно несовершенным прообразом оседлых машино-тракторных станций, составляющих постоянную органическую составную часть определенного массива хозяйств и включающих и производственное руководство ими. Величайшее значение опыта строителей 1-й машино-тракторной станции состоит именно в том, что они, продолжая опыт поисков рациональной организации механизированного полеводства, начатый в самом зачаточном виде в форме тракторных колонн, подняли его на совершенно новый качественный уровень.

Первая машино-тракторная станция организована Украинским об'единением совхозов (УСХО) в совхозе им. Шевченко в Одесском округе. Вследствие отсутствия достаточного технического оборудования, в частности тракторов, формирование станции еще не закончено, точнее говоря не доведено до оптимальных размеров. Но и теперь уже она обслуживает и об'единяет 26 сел с общей площадью в 24.000 га земли, имеет больше 100 тракторов, свою прекрасно оборудованную ремонтную мастерскую, кадр агротехнического персонала и провела сплошное обобществление полеводства обслуживаемых сел.

Чрезвычайно яркий опыт двухгодичной работы станции в совхозе им Шевченко, дополненный опытом 46 других совхозов УСХО, и позволяет тов. Маркевичу дать новую модель организации коллективного крупного сельского хозяйства, обоснованную четкими подробными расчетами и соответствующим технико-экономическим анализом. Значение этой модели, выработанной «в поле действительного сельскохозяйственного труда» (из предисловия тов. Кржижановского), трудно переоценить. Она действительно указывает способ извлечения максимальной реконструктивной зарядки из наших ограниченных материальных возможностей и безусловно должна лечь в основу наших дальнейших плановых наметок по реконструкции с. х.

Модель тов. Маркевича основана на принципе технической концентрации средств с.-х. производства по типу фабрично-заводской концентрации с единым энергетическим центром. Принцип оптимума земельной площади тут в значительной части перекрывается, обусловливается принципом оптимума машинного комплекса, организации ремонта, управления, инструктажа и снабжения.

Если по старой традиционной практике тракторизации тракторы давались по одному, по два—три на хозяйство, если тракторные колонны частично сняли эту распыленность, собрав в отряды по 10—60 тракторов, то модель тов. Маркевича определяет оптимум их концентрации в размере 250—350 тракторов.

Такому энерго-техническому комплекту, конечно, должен соответствовать совершенно другой оптимум земельной площади. По модели тов. Маркевича он действительно определяется в 40—50 тыс. га. Так как такую гигантскую компактную массу можно создать лишь путем об'единения вокруг станции многих сел и деревень, то станция—энерго-технический центр—и может существовать только, как межселенный центр.

Такой хозяйственный гигант, конечно, не может существовать в виде единой интегральной усадьбы. В этом случае внутрихозяйственный транспорт как и расходы, связанные с построением единой интегральной усадьбы, свели бы на-нет преимущества крупного обобществленного полеводства, больше того их бы нехватило на покрытие непроизводительных накладных расходов. Но и построение рациональной диференцированной усадьбы на первых порах невозможно, ибо это требует громадных вложений, недоступных в первые годы. Проект тов. Маркевича поэтому предусматривает некоторый неизбежный временный компромисс: оставление на первых порах жилищ, скотных дворов и других хозяйственных построек на старом месте и в старом виде. Задача их переделки этим не снимается, а лишь отсрочивается. Она может и должна быть разрешена в некоторый более продолжительный срок по мере накопления на основе значительно более рентабельного обобществленного полеводства новых элементов обобществления. На первых порах все средства должны итти на создание самих межселенных энерго-технических центров, как основной технической базы группы коллективов.

Машино-тракторная станция берет на себя проведение всех полевых работ, начиная от вспашки и кончая молотьбой. Все эти работы механизируются и проводятся самими крестьянами под руководством агротехнического персонала станции. В целях создания сплошного земельного массива все межи, отделяющие индивидуальные участки отдельных дворов, сносятся, земельная площадь обезличивается.

Как же обстоит дело с вложениями, потребными на такого типа строительство? И какова эффективность производства в массиве, об'единяемом станцией в одно сложное хозяйственное целое? Это коренные вопросы. Ответ на них является решающим для оценки практического значения этого грандиозного начинания.

Опыт первой станции, как и подробные, тщательные подсчеты тов. Маркевича, показывает, что именно в этом отношении обстоит чрезвычайно благополучно. Применительно к районам парового зернового направления создание машино-тракторных станций вышеуказанного типа требует лишь 30 рублей капитальных вложений и 9 р. 30 коп. операционных расходов (в том числе амортизация) на 1 га. Урожайность же полеводства обслуживаемых ими сел поднимается до 40—45% выше средней крестьянской.

Сопоставляя наши теперешние вложения в колхозное строительство по линии одного лишь госбюджета и кредита с их эффектом, приходится констатировать, что размер вложений в станцию при указанной средней урожайности является с технико-производственной стороны чрезвычайно эффективным.

Если взять все вложения двух последних лет в колхозное строительство по линии лишь госбюджета и кредита и сопоставить их с приростом колхозных пос. площадей, то оказывается, что на каждый новый гектар посевных площадей приходится около 100 рублей новых вложений. Эффективность производства в обычных старых колхозах в среднем на 25—30% выше средней крестьянской, т.-е. ниже, чем в селах об'единяемых машино-тракторной станцией. Правда, в колхозах часть средств идет на обобществление животноводства. Верно, но мы ведь не считали той части вложений, которая производится самим крестьянством. А кроме того общеизвестно, что прирост последних двух лет следует отнести преимущественно за счет роста простейших форм, т.-е. обобществления одного полеводства.

В свете этих данных выявляется вся чудовищная низкоэффективность обычных вложений в колхозы. Строительство машино-тракторных станций обходится в 2—3 раза дешевле, чем колхозное строительство старого типа. Если даже учесть вложения в животноводство (как уже сказано, они в последние годы чрезвычайно незначительны), и то по самым осторожным расчетам остается внушительная разница.

Эти цифры должны иметь величайшее практическое приложение. Они указывают на чрезвычайно огромное государственное значение вопроса, поднятого тов. Маркевичем. Пятилетний план предусматривает вложение в колхозное строительство около миллиарда рублей государственных средств (по линии госбюджета и долгоср. кредита). Исходя из опыта прошлого, нашей первейшей заботой должно стать чрезвычайно внимательное взвешивание тех форм, в которых эти крупные средства расходуются. И тут, как показывают вышеприведенные расчеты, двух мнений быть не может. В своей основной массе они должны быть направлены на строительство наиболее эффективного типа — на образование межселенных энерго-технических центров. Помимо всех указанных доводов за это говорит и то обстоятельство, что только в таком случае эти новые крупные государственные вложения будут гарантированы от распыления и утечки, образуют по мере погашения неделимые фонды коллективизации.

Опыт первой машино-тракторной станции развертывался на юге Украины. Расчеты тов. Маркевича составлены для хозяйства парового зернового направления применительно к условиям УССР. Так как проблема развития зернового хозяйства стоит в настоящее время особенно остро, то уже в таком конкретном приложении этот опыт имеет непереоценимое значение.

Но мы считаем особенно необходимым подчеркнуть, что модель тов. Маркевича имеет величайшее значение как прообраз построения и других стандартов крупного коллективного сельского хозяйства. Конкретные расчеты будут иные, но принципы построения ее могут и должны лечь в основу и других районных моделей. Поэтому и следует говорить о межселенном энерго-техническом центре, как понятии перекрывающем более конкретную районную форму приложения его. В ряде районов набор прицепных орудий к тракторному массиву будет иной, в других местах и двигатель внутреннего сгорания отойдет на второй план, уступая первое место электродвигателю. Но организационной сути и основных установок это не меняет.

Во многих районах чрезвычайно велико потенциальное значение индустрии первичной переработки. Говорить приходится именно о потенциальном значении ее, как технического стержня обобществления, ибо наличные индустриальные установки этого рода в огромном своем большинстве являются заведениями типа «дяди Макара». Они своим жалким существованием скорее дискредитируют, чем популяризируют идею индустриализации сельского хозяйства через установки первичной переработки. Чтобы это дело поставить по-настоящему, недостаточно выстроить отдельные новые заводы. И тут необходимы свои районные типы межселенных энерго-технических центров,

конкретнее говорят, типы межселенных комбинатов предприятий первичной переработки, охватывающих целый комплекс родственных, взаимно связанных процессов первичной переработки, построенных по принципу группировки вокруг одного энерго-центра. Тогда окажется рентабельным содержание своей ремонтной мастерской, своего автогрузового транспорта, своего высококвалифицированного инструктажа и т. д., словом, будет система машин, высокоэффективная концентрация техники по типу фабрично-заводской. В ряде районов наиболее рентабельным типом межселенного энерго-технического центра безусловно окажется смешанный, т.-е. построенный на сочетании электродвигателя и двигателя внутреннего сгорания и т. д.

Опыт строителей первой машино-тракторной станции—событие величайшего народнохозяйственного значения. Если еще недавно приходилось констатировать, что у нас отсутствует не только крупное в настоящем смысле слова коллективное сельское хозяйство, но и рабочие модели его построения,—то теперь положение стало иным. Первая модель, притом чрезвычайно удачная, дана.

Брешь пробита. Строители социалистического сельского хозяйства встретят эту работу с величайшим восторгом. Конечно, не потому, что в ней все представляет верх совершенства,—нельзя забывать, что это фактически первая солидная работа в этом направлении,—а прежде всего потому, что тронулся лед инертности, творческой скудости и чаяновских оптимумов, что вся дальнейшая работа этим опытом поднята на совершенно новый уровень.

Процесс практической проверки, конечно, внесет еще не одну поправку в расчеты тов. Маркевича. Больше того, мы считаем, что кое-какая доделка модели, данной тов. Маркевичем, необходима и на данной стадии. И именно величайшее практическое значение и ценность ее обязывают к такой тщательной проверке и доделке.

В частности мы считаем необходимым поднять вопрос о социально-экономическом профиле межселенных энерго-технических центров. Тов. Маркевич разбирает три модуса социально-экономического существования межселенного энерго-технического центра: 1) в виде самоуправлющейся кооперативной производственной единицы, принадлежащей непосредственно группе сел, обслуживаемых данным межселенным центром, 2) в виде предприятия, принадлежащего единому кооперативному центру, осуществляющему руководство работою его и привлекающему обслуживаемые села к участию в управлении и покрытии расходов по его организации, и 3) в виде предприятия, принадлежащего смешанному акционерному обществу и им же руководимому, при чем пайщиками его являются и кооперация и государство.

Первый вариант, конечно, отпадает. Такой модус существования машино-тракторных станций мыслим, но совершенно нереален. Правда, в дискуссии о машино-тракторных станциях, развернувшейся в украинской экономической литературе, такие голоса раздались [1]). Но им трудно придать сколько-нибудь серьезное значение. Совершенно очевидно, что такой сложный и тонкий инструмент реконструкции с. х., как межселенные энерго-технические центры, должен функционировать с той же четкостью и бесперебойностью, как крупная фабрика, его снабжение техническим оборудованием, топливом и кадрами должно стоять на таком же уровне. А если так, то совершенно очевидно, что его следует строить и руководить именно в централизованном порядке.

Централизация является тут одним из основных залогов успеха. Дело совершенно новое и весьма сложное. Перебои будут и так. Дискредитировать это величайшего значения начинание в неумелых руках не составляет никакого труда. При партизанском подходе к строительству более чем вероятны перебои (неувязки в снабжении техникой, кадрами и т. д.) и при более или менее умелом руководстве. Поэтому совершенно прав т. Маркевич, когда говорит, что, «если бесчисленное количество организаций кооперативных, государственных, центральных и местных начнет всяк по своим силам, разумению, средствам и возможностям строить станции, то все это дело пойдет по верному пути своей гибели» (274). Совершенно правильно, модус социально-экономической формы станции необходимо увязать с ее технико-экономическим типом.

Фактически сколько-нибудь серьезного обсуждения заслуживают лишь две последних формы: смешанная акционерная и кооперативная. Тов. Маркевич склонен отдать предпочтение первой из них, т.-е. смешанной акционерной. Вот этот-то выбор нам кажется неправильным и чреватым последующими крупными организационными неувязками, а потому требующим внимательного взвешивания и обсуждения. Точно так же необходимо уточнение места межселенных центров в случае их включения в кооперативную систему.

Межселенные энерго-технические центры, в частности машино-тракторные станции должны стать могучими рычагами коллективизации. Мощная техническая реконструкция сельского хозяйства, носителем которой они являются, должна быть теснейшим образом увязана с социальной реконструкцией его в форме коллективизации. На этом положении сходятся как будто все, кто вообще не отрицает значения станций. Об этом говорит первый опыт их работы, опыт первой машино-тракторной станции.

Почти все об'единяемые ею села перешли на устав товариществ по совместной обработке земли; не перешедшие подготовляются к переходу, вся организация труда и производства в системе хозяйства, образуемой станцией совместно с обслуживаемыми селами, построена так, что переход к коллективизации полеводства является совершенно предрешенным.

Работа тракторных колонн, предтечей тракторных станций, как известно, тоже была увязана с задачами коллективизации. Но это была коллективизация со стороны, а для машино-тракторных станций принцип коллективности является органической основой того производственного целого, в который они входят. Разница здесь большая. В частности ее можно проиллюстрировать на следующем примере. Имея дело с временным договором на тракторную обработку полей, крестьянское хозяйство сохраняет почти прежний состав животной тяговой силы. Создается то нелепое положение, когда преимущества тракторизации в значительной части не реализуются, ибо перекрываются сопутствующим отрицательным моментом — наличием рабочего скота. Совершенно другое с постоянным межселенным энерго-техническим центром. Тут налицо все предпосылки не только для мощной механизации и коллективизации полеводства, но и устойчивости ее и связанных с этим выводов и последствий, ибо станция и весь комплекс об'единяемых хозяйств, взятые в целом, представляют одну устойчивую систему. Межселенный энерго-технический центр по своему предназначению и социально-экономической природе является, следовательно, колхозным центром.

Тут нельзя не вспомнить, что идея создания межколхозных центров, правда, не в таком зрелом виде и ориентированная на значительно более скромный размах и эффективность производства, выдвигалась колхозниками неоднократно. Имела место и кое-какая практика в этом направлении. Ряд колхозов напряженно искал выхода из создавшегося положения крайней распыленности, пытаясь подойти к решению задачи через кустование. Партизанское кустование снизу, однако, не дало сколько-нибудь заметных результатов. Оно натолкнулось на ряд исключительно трудных препятствий, прежде всего на невозможность создания компактного кулака территориально примыкающих друг к другу колхозов с единой земельной площадью.

[1]) См. «Хозяйство Украины», 1928 г., № 11.

Опыт первой машино-тракторной станции, как и обстоятельные расчеты тов. Маркевича, показывает, что возможен совершенно иной подход к строительству колхозного куста, именно организация кустового центра как исходного момента, а не завершения сплошной коллективизации окружающих сел. Связывая строительство кустового центра с моментом образования сплошного или почти сплошного массива колхозов, фактически никогда не дойти до мощного куста, как массового явления. Если же одновременно повести работу и в направлении создания кустового центра и организации его перефирии, как это предусматривает модель тов. Маркевича, создание сплошного колхозного кустового массива чрезвычайно облегчается, ибо перспектива непосредственного, совершенно явного значительного повышения эффективности производства при одновременной полной доступности связанных с этим мероприятий действует на самого отсталого крестьянина с неотразимой силой призыва. При этом, конечно, не исключено, а даже желательно, чтобы первые работы по созданию межселенного энерго-технического центра и организации вокруг него колхозного куста опирались на уже существующий в этом районе колхоз или группу их.

Но, может быть, межселенный энерго-технический центр является только сосредоточием технико-экономического управления обобществленного полеводства? Несостоятельность такого подхода к их организации явно очевидна. Совершенно ясно, что отрыв, своего рода абстрагирование технического управления от руководства по линии оформления и обслуживания социально-экономического роста об'единяемых в куст сёл-колхозов на деле в повседневной практике был бы совершенно невозможен. Ведь речь идет о разных разрезах одной и той же работы.

Точно так же совершенно безжизненна идея создания межселенных центров, рассчитанных на сохранение за их деятельностью чисто полеводческого характера. На первых порах тот конкретный вид межселенного энерго-технического центра, образец которого дан тов. Маркевичем, действительно будет центром обобществления полеводства. Но на третий, четвертый год начнется нарастание новых элементов обобществления. Больше того, мы должны всемерно форсировать их нарастание. И что же: для обслуживания, руководства и организации сел-колхозов по этим другим направлениям организовать новые центры? Или же накопление новых элементов обобществления и организацию новых отраслей коллективного производства предоставить «самотеку»?

Совершенно ясно, что ответы на эти вопросы могут быть только отрицательными. Вмешательство в такой сложный производственный организм, как межселенный колхозный куст, еще какого-либо другого организующего начала было бы совершенно недопустимым и нелепым: ведь это фабрика—завод; оставление же происходящих в нем процессов перерастания в положении беспризорности—непозволительная роскошь и мотовство. Вывод один: *межселенные энерго-технические центры должны стать сосредоточием полного технико- и социально-экономического руководства колхозным кустом, через них должен быть направлен и организационно оформлен любой процесс роста об'единяемых в кусте сел-колхозов.*

Если это так, а это действительно так, тогда и управление (центр) межселенных энерго-технических центров, будучи организационно обособленно от существующей колхозной системы, неизбежно логикой вещей превратится в новый параллельный колхозный центр. Спрашивается: для чего создавать эту новую организацию, дублирующую уже существующие? Будь то смешанное акционерное общество или специальный центр внутри сельскохозяйственной кооперации—и тот и другой вид его организационного обособления означают насаждение параллелизма, распыление средств и организаторских

сил, содержание лишних аппаратов. Организационное обособление управления межселенных энерго-технических центров от существующей колхозной системы было бы также оформлением того совершенно неверного положения, что наличные колхозы не следует ориентировать на постепенное переключение в сеть межселенных кустов-гигантов.

Находясь в составе единой колхозной системы, центр межселенных энерго-технических центров, наоборот, неизбежно повлияет изнутри на всю работу ее, поднимая ее на уровень действительно крупного планового строительства. Существующая старая система нуждается в этом реорганизующем влиянии. Организационное распыление и дублирование извне привели бы лишь к еще большему ослаблению ее работы и систематическому выхолащиванию ее содержания.

Товарищи, предлагающие образование специального обособленного от существующей колхозной системы центра внутри сельскохозяйственной кооперации, забывают, что сельскохозяйственная кооперация напряженно ищет выхода из уже создавшегося параллелизма и организационной распыленности. Выявление модуса ликвидации этой организационной распыленности является одной из основных проблем ее пятилетки. А между тем существование наличных специальных систем с.-х. кооперации действительно имеет под собою веские основания. Перед лицом такого положения было бы явно нелепо пойти на создание еще одной системы (и центра), которая по своей природе заведомо предназначена для дублирования работы другой, уже существующей.

Сторонники смешанной акционерной формы аргументируют ее необходимость участием материальных ресурсов государства в этом строительстве. Правильно, без помощи государства этого дела не поднять. Но ведь общеизвестно, что и существующая колхозная система развивается, опираясь на государственную помощь. Почему же распыление этой государственной помощи между двумя системами и вкладывание в одну из них в форме покупки акций, в другую же—в форме долгосрочного кредита предпочтительнее консолидации их в одних руках, с забронированием, конечно, определенной части исключительно на строительство межселенных энерго-технических центров?

Необходимость акционерной смешанной формы аргументируется еще необходимостью усиления руководства пролетарского государства. Но разве теперь колхозная система работает без самого тесного контакта и вне руководства органов пролетарского государства? Если не говорить о форме, а о существе, то не секрет, что партийное руководство в руководящих звеньях колхозной системы гораздо крепче, чем во многих наркомземовских аппаратах.

Попытка перевести этот вопрос в плоскость принципиального противопоставления кооперации и государства поэтому совершенно не состоятельна. Вопрос по существу чисто организационный. Но как таковой он заслуживает величайшего внимания, ибо неправильное решение его неизбежно вызовет дальнейшие организационные неувязки, а в результате их переделки и ломки [1]).

[1]) Первая машино-тракторная станция вышла из недр совхоза. Нисколько не исключена возможность перерастания ряда других совхозов в машино-тракторные станции. Больше того, эту задачу необходимо перед ними настойтельно ставить, особенно в тех районах, где опереть ее на колхоз или группу колхозов невозможно. В этом же смысле открыто широчайшее поле деятельности для разных специальных видов с.-х. кооперации, особенно в направлении комбинирования с.-х. индустрии переработки по принципу межселенных энерго-технических центров. Но эти вполне жизненные пути образования новых межселенных энерго-технических центров нисколько не ставят в порядок дня создание нескольких параллельных центров или из'ятие основной работы в этом направлении из рук колхозной системы. Как в первом, так и во втором случае образовавшийся таким путем колхозный куст должен войти в состав колхозной системы, чтобы в ее составе и под ее руководством подняться с элементарных, первичных ступеней обобществления на высшие.

* * *

Владимир Ильич говорил, что кооперация должна преследовать цель действительного кооперирования действительных масс и что строительство социалистического хозяйства следует направлять по пути, доступному широким слоям трудящегося крестьянства. Строительство по модели тов. Маркевича может чрезвычайно ускорить реализацию этих ленинских заветов.

Такого типа строительство социалистического сектора сельского хозяйства действительно доступно широчайшей крестьянской массе. Что стоит один тот факт, что в течение двух лет работы создан устойчивый компактный массив из двадцати с лишком сел-колхозов. Знакомство с постановкой работы станции и практикуемыми ею методами коллективизации убеждает, что этот результат отнюдь не случайность, что на такой же примерно успех можно рассчитывать и в дальнейшем. Технико-производственные преимущества, свойственные межселенному колхозному тарану того порядка, что доходят до сознания самого отсталого крестьянина.

Точно так же обстоит с действительным кооперированием действительных масс. Если мелкий колхозник, может быть, зачастую и бывает лжеколхозом, если проблема лжеколхозности при прежних формах строительства не могла найти кардинального разрешения, то в гиганте—межселенном колхозном кусте—она совершенно снимается. Здесь может итти речь о чуждых, разлагающе действующих единицах, подлежащих удалению, но не может быть речи о маскирующих свою сущность чуждых организациях.

Само собой разумеется, что здесь же, в этом мощном колхозном кусте, открываются величайшие возможности развертывания самодеятельности масс. Здесь действительно открыто широчайшее поле для выработки и воспитания цивилизованных кооператоров—реконструкторов сельского хозяйства, соединяющих в себе американский технико-производственный и советский социально-реконструктивный размах.

Актуальнейшей проблемой колхозного строительства с точки зрения социально-экономического роста их является проблема накопления неделимых фондов. Крупный неделимый фонд, на ряду с крепкой технико-производственной организацией,—первейшая гарантия устойчивости колхоза. Им же измеряется достигнутый уровень обобществления. И в деле форсирования накопления неделимых фондов значение межселенных колхозных энерго-технических центров чрезвычайно велико. Межселенный энерго-технический таран обобществления по своей природе таков, что с самого начала может и должен стать неделимым фондом коллективизации. Если в мелком колхозном строительстве часть долгосрочных кредитов просачивается в частнособственническую индивидуальную часть, то тут с самого начала это исключено. Создание межселенных энерго-технических центров и включение их в состав колхозной системы поднимает и это дело на совершенно новый уровень.

Кончаем. В одной статье трудно охватить весь комплекс вопросов, получающих совершенно новое освещение в свете опыта первой машинно-тракторной станции. Резюмируя вышесказанное, еще раз подчеркиваем—значение этого опыта трудно переоценить. Он внушает твердую уверенность в полной реальности намеченных в пятилетке темпов коллективизации сельского хозяйства. На этом пути никаких ножниц между желаемым и возможным не создастся. Правильность ставки партии на форсированную коллективизацию находит в нем новое блестящее подтверждение. Можно пожелать, чтобы талантливая работа строителей первой машинно-тракторной станции стала исходным пунктом ряда новых поисков в этом направлении и в этом же стиле применительно к условиям других районов.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

А. ГАЙСТЕР. «Достижения и трудности колхозного строительства». (Дискуссия в аграрном институте Ком. Академии). Изд. Ком. Ак., 1929, стр. 96.

В основе книжки лежит доклад т. Гайстера, сделанный в конце 1928 г. в аграрном инстуте Комакадемии. Кроме того, в ней приведены стенограммы речей товарищей, выступавших по докладу. Вся дискуссия посвящена итогам и выводам из всесоюзной переписи колхозов, произведенной ЦСУ в мае—июне 1928 года.

Сейчас, когда колхозное строительство стало для нас тем очередным звеном, за которое партия берется в интересах выкорчевывания корней капитализма в деревне, в интересах преодоления корней хлебных и всякого рода других трудностей, связанных с фактом дробности, распыленности и технической отсталости мелкобуржуазного крестьянского производства,—сейчас к проблемам колхозного строительства не может оставаться равнодушным ни один член партии. Вот почему мы должны отмечать и рекомендовать читателям эту книжку, заключающую в себе попытки обобщить основные факты и данные из области колхозного движения и указать на ряд его очередных задач.

Напомним приводившиеся в печати данные о росте колхозов за первую треть 1928 года. В 1927 году мы имели 13.507 колхозов, которыми было об'единено 164.335 семей и одиночек, с посевной площадью в 774.728 гектаров. Майская перепись 1928 г. дала цифры: 32.506 колхозов, 375.377 семей и одиночек, 1.300.000 гектаров посевов [1]). Таким образом, решительный поворот, произведенный партией в колхозной политике, поворот, оформивший тягу к колхозам в среде крестьянства,—привел уже весною 1928 года к росту числа колхозов на 140%, семей и одиночек, об'единенных колхозами—на 136% и посевной площади—на 61,1%. (Тов. Гайстер называет цифру— почти 2 млн. всего населения, входящего в колхозы).

Массовый приток в колхозы повел к значительному абсолютному росту всех групп колхозов, в том числе и самых высоких по типу—коммун. % прироста за время с 1 января 1928 года до 1 июня составляет для коммун 47,4%, для артелей—66%, для товариществ—187,4%. Соотношение отдельных групп внутри колхозного движения, таким образом, изменилось в пользу более простых форм колхозов, о чем дает представление след. табличка (в %):

	Комм.	Арт.	Тов-ва.
Организ. до 1 янв. 1928 г.	11,2	36,6	52,2
» в 1928 г.	4,2	18.9	76,9
Все колхозы к 1 мая 1928 г.	7,8	26,3	65,9

Чрезвычайно интересны (хотя недостаточно полно разработаны) картограммы географического распределения колхозов по территории СССР. Большая часть колхозов приходится на районы производящей полосы. По РСФСР первое место занимает Северный Кавказ (34,8% всех колхозов РСФСР), затем идет ЦЧО (11,3%), Сибирь (11%), Урал (9,7%). Эти четыре области дают 66,8% колхозов РСФСР.

По всей РСФСР число колхозов — 20.903 с посевной площадью 942.053 га. Украинская ССР дает 9.807 колхозов с площадью 320.852 га.

На карте, иллюстрирующей насыщенность колхозами отдельных районов европейской части СССР, наиболее густым (черным) пятном выделяется

[1]) Последние две цифры без Узбекистана и Закавказья. Надо сказать, что к настоящему моменту количество колхозов возросло приблизительно до 42.000, а их посевная площадь подошла к 4 млн. га (расширение произошло за счет увеличения запашек в старых и образования новых колхозов).

УССР, на втором месте—Северный Кавказ; на третьем месте по густоте колхозов—Центр.-Пром. область, Крым и Казакстан. Несколько бледнее заштриховано Поволжье, Северный Урал и Западная Сибирь; более бледно—остальные районы (стр. 8).

Посевная площадь колхозов в процентах к посевам индивидуальных хозяйств также представлена картограммой, из которой видно, что наиболее благоприятное положение в этом отношении имеется на Северном Кавказе и Нижнем Поволжье (свыше 1½%); затем идут Украина и Северный Урал (1,1—1,5%). Менее благоприятные соотношения показывает северо-западная половина картограммы (стр. 10).

Докладчик сделал попытку тем же иллюстративным методом выяснить экономические причины неравномерного роста колхозов по районам. Он приводит картограмму, показывающую районы с наибольшим % крестьянских хозяйств без пахотного инвентаря. Вся юго-восточная половина карты европейской части СССР дает наиболее густую заштриховку (свыше 40%). Северный Урал и Ц.-Пром. область на втором месте (30—40% хозяйств). И главным образом северо-западный угол картограммы дает наименьший процент безынвентарных хозяйств (20—30 и до 20%). Получается некоторое соответствие между степенью распространения колхозов и безынвентарностью, однако, соответствие лишь самое общее и неполное. В прениях т. Назимов указал и на другой фактор роста колхозов—«развитие товарности в сельском хозяйстве» (стр. 65). Районы наибольшего роста колхозов в общем совпадают также с районами наибольшей товарности сельского хозяйства. В этих районах до революции быстрее развивался сельскохозяйственный капитализм,—после революции расслоение тоже пошло сравнительно дальше, чем в других районах; но зато здесь быстрее стали расти и социалистические элементы хозяйства. Докладчик в заключительном слове признал, что высота товарности сельского хозяйства в данном районе также является фактором развития колхозов (стр. 93). Приводимые в его докладе данные также наглядно показывают, что развитие колхозов стимулируется не только потребительскими нуждами безынвентарной бедноты, но и, в значительной степени, интересами развития товарности хозяйства. Колхозы возникают, говорит докладчик, «в известной мере под влиянием развития рынка, как предприятия более организованные для рынка», в связи с чем они и становятся, «с точки зрения внутренней организации хозяйства, более передовым звеном развития в сравнении с верхушкой, капиталистическими элементами деревни» (стр. 16).

Мы не станем загромождать изложения пересказом данных доклада, но отметим, что из сравнительного рассмотрения товарности трех групп крестьянских хозяйств и колхозов [1]) мы видим ясные тенденции к развитию большей товарности в колхозах по сравнению с крестьянским хозяйством, а внутри колхозов к повышению товарности по мере перехода от простейших колхозов к более сложным формам (коммунам) (см. стр. 16—18).

Однако, и безынвентарность бедноты, и развитие товарных отношений в сельском хозяйстве еще не исчерпывают собою тех условий, при которых ускоряется темп развития колхозов в наших условиях. Необходимо еще наличие машин, применимость их в данной отрасли с. х., определенная степень снабженности ими района и пр. Например, молочное хозяйство пока чрезвычайно слабо поддается коллективизации именно потому, что в этой области у нас слабее всего развита техника (на это указали тт. Вольф и Назимов, стр. 67 и 82). Полеводство же, притом в его производящих, т.-е. наиболее товарных и наиболее снабженных подходящими с.-х. машинами районах дает наиболее быстрый темп коллективизации.

[1]) К сожалению, докладчик оказался несколько скуповат на такого рода данные, которые сравнивают колхозы с различными по мощности группами крестьян отдельно. В других местах большей частью он сравнивает колхозные показатели с показателями, относящимися ко всем группам крестьянства вместе.

Таблицы сравнительной урожайности в колхозах и в единоличных хозяйствах говорят о том, что урожай в колхозах в общем всюду выше (данные о ржи и озимой пшенице), за исключением одной Средне-Волжской области, где средние урожаи у единоличников еще остаются более высокими. К сожалению, докладчик не привел здесь более детальных данных о том, насколько колхозы обгоняют по урожайности кулацкие хозяйства.

Технические преимущества колхоза перед хозяйством единоличника связаны с более крупным размером колхоза. В настоящий момент, однако, колхозы далеко еще не проявили всех своих преимуществ перед крестьянским хозяйством потому, что они по своим размерам часто не стали еще подлинными крупными хозяйствами. Вопрос об укрупнении колхозов поэтому во всей дискуссии, напечатанной в рецензируемой книжке, стоял как боевой практический вопрос.

... «Данные о размерах посева в существующих колхозах и стоимости их средств производства говорят о том, что перед нами укрупненные крестьянские хозяйства, но далеко еще не крупные с.-х. предприятия,—говорит т. Гайстер.—Более крупных размеров достигают коммуны. Средний размер посева у коммуны по РСФСР—119,08 га, УССР—151,86 га и БССР—71,34 га. С.-х. артели более чем вдвое мельче. Средний размер с.-х. артели по РСФСР равен 44,13 га, по УССР—68,05 га и БССР—38,68 га. Самые мелкие об'единения—товарищества по общественной обработке земли: по РСФСР—39,11 га, УССР—19,11 га и БССР—37,37 га. Размеры товариществ и артелей не выходят далеко за пределы крупных крестьянских хозяйств, а подчас находятся и в этих пределах». При этом «колхозы, бурно росшие в 1928 году, представляют в значительной своей части далекие от крупных размеров об'единения. Средний размер посевной площади колхоза равен по РСФСР—49,27 га, по Украине—32,66 га и Белоруссии—41,95 га» (стр. 21—22). «Больше четверти товариществ, создавшихся в 1928 году, не имеют коллективных средств производства. Почти половина товариществ имеет средства производства стоимостью до 1.000 руб. Аналогичная картина и в артелях. Конечно, это все коллективы, не отвечающие указаниям XV с'езда о создании крупных хозяйств. Лишь половина коммун и небольшая часть артелей и товариществ перешагнули пределы крепкого крестьянского хозяйства и, имея в своем хозяйстве машины, действительно перешли к ведению более или менее крупного хозяйства». «Колхозы, ранее организованные, крупнее колхозов нового призыва [1]). Почти половина из числа коммун обладает средствами производства стоимостью свыше 15 тысяч, что говорит о крупности этих коммун» (стр. 23).

В соответствии со всем этим следует признать правильным тот вывод докладчика, что «в качестве основной задачи» внутри колхозного движения перед нами стоит укрупнение колхозов, связанное с увеличением в них количества машин, с большей общей рационализацией постановки колхозов, с об'единением, «кустованием» части колхозов, привлечением новых членов и т. п.

Проблема практических путей этого укрупнения является крупнейшей проблемой для колхозного строительства. Одним из таких путей является путь более полного обобществления хозяйств членов колхозов. Участники многих колхозов, в особенности простейших форм, еще сохраняют вместе с тем и индивидуальное хозяйство. В среднем по СССР на один колхоз приходилось посева (в гектарах):

	Индивидуального	Коллективного
Коммуны	135,8	0,3
Артели	56,4	11,2
Тов-ва	47,0	32,7

[1]) В кампанию 1928 года ранее организованные колхозы, как правило, еще укрупнились. Сейчас процесс укрупнения пошел уже еще дальше. Имеются колхозы с посевом в 2—5 тыс. га и даже в отдельных случаях с 12—15 тыс. га.

Докладчик указывает, что

«Среди хозяйств членов колхозов, организованных до января 1928 года, 1% членов коммун, 22,6% членов с.-х. артелей, 58.2% членов товариществ имели индивидуальные посевы. Еще выше процент хозяйств с индивидуальными посевами у новых об'единений. 3,3% членов коммун, 40,9% членов с.-х. артелей и 69.9% членов товариществ имели индивидуальные посевы» (стр. 25).

Докладчик правильно связывает наличие индивидуальных посевов у членов колхозов именно с

«мелким размером колхоза, не охватывающего всесторонне хозяйства колхозника. Привлечение сложных машин, трактора и т. д. вызывает тягу земли к колхозу. Подведя техническую базу под колхоз, мы тем самым закрепляем его существование и способствуем дальнейшему производственному укрупнению колхоза» (стр. 25).

Не редки явления, когда мелкий собственник рассматривает пребывание в колхозе (большей частью в простейшей колхозной организации), как подсобное средство поддержать свое мелкое хозяйство, и через некоторое время, подкрепив это хозяйство, выходит из колхоза. Это особенно ярко наблюдается у хозяйств, ведущих кроме полеводства молочное хозяйство. Тов. Лозовый привел данные УССР о степени обобществления скота в колхозах на 1 янв. 1928 г. В артелях степень обобществления скота лишь в отношении овец доходила до 43,8% (коров—34,5% и т. д.), а в товариществах процент обобществления скота был совершенно ничтожным: свиней—1,8%, коров—1,1%, остальных видов скота и того менее (стр. 52). О том же явлении и необходимости его преодоления путем развития в колхозах техники животноводства и т. п. говорили тт. Вольф, Назимов, Куликов.

Хотя явления «перекачки части обобществленных средств в индивидуальную часть членов коллектива» и имеются, докладчик все же совершенно правильно сделал, отмежевавшись от тех «скептиков колхозного строительства», которые на этом основании склонны рассматривать колхозы «лишь как проходной двор». Подобные явления до известной степени неизбежны при массовом движении, которое постепенно «перемалывает» мелкособственническую натуру крестьянина и его хозяйство на общественно-социалистический лад,—в особенности на первых порах этого движения. В общей линии развития колхозов эти явления ничего не изменят, поскольку, к тому же, упорное преодоление их является одной из главнейших задач нашей колхозной политики.

Некоторые участники дискуссии упрекали докладчика в том, что он остановился преимущественно на трудностях колхозного движения. Мы допускаем, что он вполне мог больше сказать о достижениях. Но при общей оценке колхозного движения как безусловно здорового и жизнеспособного, указания на трудности и противоречия, проявляющиеся в колхозной работе, не только не вредны, а, наоборот, сугубо полезны, потому что они указывают пути, по каким должно итти дальнейшее улучшение колхозов.

Колхозам при своем зарождении и развитии приходится преодолевать огромные трудности и прежде всего, кроме рутины и недоверия к новому в мелкособственнической среде вообще, еще и бесчисленные враждебные выступления кулачества. Последнее затевает вокруг колхозов обостреннейшую классовую борьбу, правильно чуя в колхозах направленное против него смертельное оружие. Насилия, избиения, поджоги, убийства, подкупы, агитация, «поповские проповеди»,—все это еще не исчерпывает кулацких средств борьбы с колхозами [1]).

[1]) Докладчик приводит из журнала «На Агр. Фронте» классификацию всех этих форм борьбы на «четыре» основных группы: 1) когда кулак открыто выступает против строительства коллективных хозяйств; 2) когда кулак сам входит в коллективы с прямой целью их развала; 3) когда кулак вместе с зажиточными организует мелкие родственные колхозы по социальному или семейному признаку («лжеколхозы») и, наконец, 4) когда кулак использует самые колхозы для своих эксплоататорских целей» (стр. 5).

Ораторы (напр., т. Кабулов, стр. 87) обращали внимание на то, что надо быть заранее готовыми к известной вспышке классовых противоречий в таких низших формах коллективизации, в которые вовлекаются поголовно целые селения. В составе колхозов 1928 год, вообще говоря, еще более усилил основные бедняцко-середняцкие элементы. Но, например, «в потребляющей полосе основную массу вновь организовавшихся хозяйств составляют об'единения середняцких и части более крупных хозяйств» (стр. 36). Очевидно, что и в таких колхозах должны проявляться классовые противоречия.

Вместе с тем, элементы неоднородности колхозов видны и из данных о стоимости средств производства у отдельных колхозников, о найме рабочей силы и аренде земли, к которой прибегают члены колхозов (перепись охватывала также и индивидуальные хозяйства колхозников). Не будем приводить всех этих данных (см. табл. на стр. 37 и след.), укажем лишь, что к найму рабочей силы прибегают 2,4% членов артелей и 2,1% членов товариществ, а к аренде земли—9% чл. арт. и 11,95% чл. тов—в. 1% членов артелей и 0,7% членов товариществ имеют даже свои торгово-промышленные заведения. Отсюда—«возможность эксплоатации одной части колхоза другой частью членов, с одной стороны», «появление элементов перерождения самих колхозов»,—с другой (стр. 39).

Имеются также случаи, когда отношения колхозов к окружающему населению «содержат элементы эксплоатации» («молотьба за десятый центнер» и пр.—речь т. Власова, стр. 63). Но это — единичные случаи. Положительная социально-культурная роль колхозов для окрестного населения характеризуется, например, данными т. Лозового об Украине:

«Каково же влияние колхозов Украины на окрестную крестьянскую массу? Достаточно указать, что в 1927 году было распределено коммунами 1.652 тонны семенной сортовой озимой пшеницы, артелями—2.785 тонн. Колхозами было распространено 15.000 штук племенных свиней. Зерноочистительные пункты колхозов в 1927/28 г. очистили 8.198 тонн зерносемян. Эти подсчеты вряд ли являются полными. Нельзя забывать также о подсобных предприятиях колхозов, о перерабоочных предприятиях; на них было переработано до 114.660 тонн разного зерна и на маслозаводах и на мельницах. Несомненно, что коммуны являются важнейшим опорным пунктом в агрикультурном отношении и что они в значительной степени влияют на реконструкцию крестьянского хозяйства. Возьмем хотя бы такое явление, как тракторные колонны. Коммуна, которую я посетил, имеет 10 тракторов, и она совершенно бесплатно запахивала 300 га земли окрестным беднякам. Коммуна имени Ленина сумела завоевать доверие крестьян, и она обросла пятью новыми колхозами благодаря работе членов коммуны» (стр. 48).

Мы не ставим себе задачей касаться здесь всех наболевших практических вопросов колхозного движения, задетых в рецензируемой книжке: вопрос о роли так называемых «простейших с.-х. об'единений», тракторных колонн, об «интенсивных» и «экстенсивных» колхозах, об использовании машин, о «текучести» в колхозах, о «неделимых капиталах», о роли коммунистов и комсомольцев в колхозах и т. д. Из ряда этих вопросов подчеркнем лишь один, который партия обязана срочно разрешить в широком масштабе: это—подготовка организаторов и руководителей колхозов. То, что мы имеем сейчас в области организации такой подготовки, до смешного ничтожно: кажется, всего лишь курсы на несколько сот человек, в то время как у нас имеется больше 40.000 председателей колхозов, из которых значительная часть неграмотна и в буквальном, и в агрономическом смысле (а они должны быть руководителями крупного коллективного хозяйства!). Вопрос о кадрах колхозного движения прямо-таки «вопиет» и требует срочнейшего разрешения на практике.

* * *

В заключение коснемся кратко той теоретической полемики, которую вызвало главным образом выступление Н. Суханова.

Суханов решается «рекомендовать себя, как сторонника колхозного движения в квадрате»; по его словам, он «никогда не видел иных путей, кроме как обобществление сельского хозяйства посредством колхозного движения—тогда, когда для него наступит время. Это время наступило», и наступило «с момента социалистической революции» (выступление Суханова, см на стр. 74—78).

Оратор признает нашу революцию социалистической, заявляет себя ярым сторонником колхозного движения,—казалось бы, это не плохо. Но он хочет доказать, что будто бы он является более верным «сторонником колхозного движения», чем марксисты— и притом уже давно, «вот уже примерно четверть века».

«Вот уже 20 с лишним лет, еще с тех времен, когда многие из самых авторитетных представителей марксизма утверждали, что сельскохозяйственная эволюция имеет примерно те же формы, что эволюция индустриальная, когда виднейшие представители марксизма настаивали на том, что сельское хозяйство будет обобществлено капиталом и крестьяне, превратившись в батраков, будут организованы им в процессе сельскохозяйственного производства,—еще с тех времен я не уставал в печати настаивать на том, что для обобществления сельского хозяйства немыслимы никакие иные пути, кроме органического срастания мелких хозяйств между собой, кроме коллективизации их, об'единения в обобществленное и крупное хозяйство. Вы помните, что в те времена марксистская литература квалифицировала крайне низко то движение, которое сейчас на нашем новом языке мы называем колхозным».—И т. д.

Оказывается, что быть «сторонником колхозного движения в квадрате»—это значит не только видеть в этом движении для крестьянина единственный, открывшийся при диктатуре пролетариата путь к избавлению от капиталистической эксплоатации и к высвобождению от «идиотизма деревенской жизни», но и сверх того: во-первых,—отвергать марксистские положения о капиталистической концентрации («обобществлении», как выражается Суханов) сельского хозяйства, во-вторых,—воспевать «колхозное движение», как «единственный» путь к «обобществлению» сельского хозяйства при капитализме.

Словом, это значит быть певцом технических и экономических «преимуществ» мелкого хозяйства перед крупным капиталистическим. Но ведь таких певцов буржуазия в капиталистических странах в изобилии держит для того, чтобы они убаюкивали крестьян сказками о том, как хорошо живется мелкому производителю в мирном соседстве с капиталистами! До сих пор это Суханову все еще не стало ясным.

Н. Суханов в той же речи пытается утверждать, что ему «никогда не мыслились формы обобществления сельского хозяйства и доведение их до социализма в пределах буржуазного строя». Нам не интересно здесь сейчас «уличать» оратора в противоположном и напоминать ему то, что он странно «позабывает» из своих прежних писаний. Все помнят, однако, что Ленин бил Суханова именно за «теорию некапиталистического развития сельского хозяйства в капиталистическом обществе». А разве то, что мы процитировали из речи Суханова, не доказывает, что он является певцом некапиталистического пути развития в земледелии при капитализме? Капиталистического пути развития крестьянского хозяйства он до сих пор не видит; но ведь развивается же сельское хозяйство при капитализме каким-то путем [1]? Очевидно, для Суханова этот путь и есть «некапиталистический» путь (не «колхозный»-ли?..).

Отрицая капиталистическое развитие в земледелии при капитализме, теория Суханова, конечно, закрывает глаза и на развитие капитализма в сельском хозяйстве СССР. Иными словами, она есть теоретическое прикрытие кулака и процессов его роста в советской деревне. В этом ее особый, специфический вред для наших условий.

[1] Отвечавшие Суханову ораторы ссылались на новые исследования американских экономистов, доказывающие факты интесивной капиталистической концентрации в фермерском земледелии С.-А. С. Ш.

Характерно, что, признавая чисто формально «социалистическую революцию» «рубежом», с которым связано развитие колхозного движения, Суханов в то же время скатывается к отрицанию экономически-руководящей роли диктатуры пролетариата в этом движении, без чего его слова о «социалистической революции» остаются пустышкой. «Сторонник (?) колхозов в квадрате» ничего лучшего не находит, как ополчиться на ту помощь, которую оказывает колхозам советское государство!

По мнению Суханова,—

«колхозное движение пока-что не стоит на необходимом прочном базисе»... Колхозы создавались не на основе новых средств производства, независимо от них, за счет государства, в результате нужды населения и его погони за кредитами».

Это «не»—«а» (не «новые средства производства», а «погоня за кредитами») не выдерживает критики уже потому, что встает вопрос, зачем же нужны «населению» кредиты и неужели на кредиты колхозы не приобретают «новых средств производства», а приобретают одну «мануфактуру»?

Никто не станет спорить с Сухановым о том, что техническая база колхозов еще чрезвычайно низка, — ведь ее повышение партия признает одной из основных своих задач. Но к чему же такое горячее нападение на государственные «кредиты», к чему крики о «бесплодных (?) жертвах государства» на колхозы? Бывают, конечно, в отдельных случаях «бесплодные» затраты (в каком деле этого не бывает?), но так ли они «бесплодны», эти жертвы в их целом, как это хочется показать Н. Суханову?

Они «бесплодны», быть может, с точки зрения кулака. И здесь практический вывод из «теории» Суханова, как видим, вполне соответствует социальному содержанию всей его теории.

Во всем подходе Суханова к колхозам чуждое пролетариату классовое содержание теории протаскивается под прикрытием оголенно-технического момента, при полном игнорировании момента социально-классового, на что правильно было указано теми товарищами, которые в дискуссии в аграрном институте отвечали Н. Суханову.

Из теоретических неряшливостей, допущенных другими ораторами, следует отметить слова т. Куликова, который, комментируя цитату Ф. Энгельса о крестьянах, подводимых к социалистическому преобразованию в качестве мелких собственников, почему-то заявляет:

«Вообще, в марксистской литературе считается установленной истиной, что диференциация крестьянских хозяйств ведет не к развитию, а к торможению производительных сил» (?).

Конечно, по сравнению с социалистическим путем развития, диференциация (т.-е. развитие капитализма) есть «торможение» производительных сил. Но по сравнению с мелким хозяйством развитие капитализма означает вместе с тем и развитие производительных сил. Потому-то нам и трудно победить капитализм, что он постоянно «соблазняет» мелкого производителя маячащей перед ним перспективой—пусть болезненной, пусть менее эффективной, но зато «старой» и «испытанной» перспективой — известного развития производительных сил.

Второе место, которое, пожалуй, следует отметить, это — слишком «угловатую» формулировку, допущенную т. Гайстером, который сказал следующее:

«Путей освоения машины в сельском хозяйстве есть три. С одной стороны машину осваивает капиталистическое хозяйство, с другой стороны, ма

шину осваивает предприятие социалистического типа (совхоз), с третьей—машину осваивает при диктатуре пролетариата основная масса деревни—бедняцкие и середняцкие массы—через коллективное хозяйство» (стр. 93, разрядка моя. *В. А.*).

Автор противопоставил совхозы, как «предприятия социалистического типа» «коллективным хозяйствам», колхозам, которые для него как бы не являются социалистической формой предприятий (хотя и имеющей свои особенности). Эта формулировка т. Гайстера требует исправления тем более, что и в других местах автор иногда без должных оговорок называет колхозы «об'единениями мелких собственников» (стр. 14). На стр. 91 та же формулировка у т. Гайстера выступает уже в несколько исправленном виде: «движение мелких собственников, преодолевающих как индивидуальную собственность на средства производства, так и мелкий характер своего производства». Но отсюда—необходимость недвусмысленно подчеркнуть социалистический характер колхозного движения.

В. Астров.

От редакции.

Редакция выражает товарищескую признательность ячейкам, приславшим свои приветствия по поводу пятилетнего существования журнала «Большевик».

С коммунистическим приветом

Редколлегия „Большевика“.